

Из цикла: Русская
цивилизация в исторической
ретроспективе и перспективе

ТРАДИЦИЯ В РАЗВИТИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И НАШЕ ВРЕМЯ

МОСКВА
2024

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
Российский институт истории искусств

**ТРАДИЦИЯ
В РАЗВИТИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
И НАШЕ ВРЕМЯ**

МОСКВА
2024

УДК 930.85
ББК 63.3(2)
Т65

Рецензенты:

доктор исторических наук *Ю. С. Пуত্রик*
кандидат культурологии *С. Ю. Житенёв*

Составители:

Ю. А. Закунов, А. Л. Казин

Научный редактор:

Ю. А. Закунов

Предисловие:

А. Л. Казин

Т65 **Традиция в развитии русской культуры и наше время** : сборник материалов Всероссийской научной онлайн-конференции с международным участием, организованной РИИИ и Институтом Наследия, прошедшей 17–18 ноября 2023 г. в рамках цикла «Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе» / составители Ю. А. Закунов, А. Л. Казин ; научный редактор Ю. А. Закунов. — Москва : Институт Наследия, 2024. — 162 с. — DOI 10.34685/NI.2024.64.85.007. — ISBN 978-5-86443-477-2.

Сборник научных статей создан на основе докладов, прочитанных на Всероссийской научной онлайн-конференции с международным участием, прошедшей в 2023 г. в рамках цикла «Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе», организованной Российским институтом истории искусств (РИИИ) и Российским НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. Проблематика статей является закономерным ответом на потребность в теоретическом и научно-практическом обеспечении современных социокультурных практик в формировании единого цивилизационного пространства с точки зрения защиты культурного суверенитета России, духовно-нравственных приоритетов, традиционных ценностей и исторической памяти.

УДК 930.85
ББК 63.3(2)

DOI 10.34685/NI.2024.64.85.007
ISBN 978-5-86443-477-2

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Казин А. Л. Предисловие	4
Казин А. Л. Русская культура и российская идеология	5
Даренский В. Ю. Специфика трансляции культурной традиции в современную эпоху	13
Катасонов В. Н. А. Ф. Лосев о смысле жизни и о смысле Родины	32
Закунов Ю. А. Современные процессы наследования культурной традиции в контексте российской цивилизационной альтернативы	43
Клюев А. С. О русскости русской музыки.....	66
Кокшеница К. А. Документальный театр и синдром исторической памяти. XXI век	75
Вакулинская А. И. Разрыв философской традиции в 20–30-е гг. XX века и его последствия для духовной культуры России	89
Васильев Г. Е. Особая актуальность «парадокса Константина Леонтьева»	101
Широкалова Г. С. «Памятниконад» и «памятникострой»: две стороны исторической медали.....	111
Дробышева Е. Э. Традиции vs новации в системе российского высшего образования	125
Круглов Р. Г. Художественная философия В. Я. Шишкова: к 150-летию писателя	136
Шарипов А. М. Социокультурный слой нации в условиях нового глобального перехода: реалии и требования	147
Толок Е. С. О проблеме формирования гражданских ценностей студенческой молодёжи современной России.....	155

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема соотношения традиции и новаторства — ключевая проблема любой культуры, понятой как область светской духовно-творческой практики. Можно сказать, что от этого соотношения зависит её — культуры — судьба. Традиция есть ценностная основа культуры, однако без обновления, так сказать, её нового переживания и подтверждения, аксиологический базис живой культуры рискует превратиться в мёртвое наследие прошлого, «тени забытых предков». Как выразился однажды композитор Г. Малер, традиция — это не сохранение пепла, а перенесение огня. Особенно это значимо для нашего времени. Россия и весь мир находятся сегодня в состоянии бурного и трудно осознаваемого перехода в некое иное религиозное, нравственное, эстетическое и политическое состояние, результатов которого не знает ныне никто. Основной вопрос современной отечественной цивилизации/культуры, самого её продолжения в том, выдержит ли её коренная православно-русская структура напор со стороны нехристианских и антихристианских сил, представленных прежде всего нынешним Западом, или ей суждено разделить судьбу европейской «страны святых чудес» (А. С. Хомяков), превратившейся уже к середине XIX века в «дорогое кладбище» (Ф. М. Достоевский). Что касается современности, то достаточно вспомнить чудовищных (в прямом смысле слова) персонажей-участников финала Евровидения-2024, состоявшегося в Швеции. Вызывает глубокое удовлетворение тот факт, что Россию туда не пригласили.

Предлагаемый сборник научных трудов включает в себя статьи самой разной тематики — от общих вопросов философии культуры до анализов отдельных произведений или творчества отдельных художников или мыслителей. По некоторым методологическим позициям авторы могут расходиться друг с другом — у каждого своя точка зрения на ту или иную проблему. Однако авторов представленных работ объединяет одно — стремление поддержать и сохранить лучшее, что было, есть и будет в отечественной цивилизации на всем протяжении её существования. Мы живы до тех пор, пока радуем Бога. Если Его радость пройдёт, Господь задует свечу, и на этом христианская история России — а с ней и всего мира — завершится.

А.Л. Казин

Казин Александр Леонидович,

*доктор философских наук, профессор,
научный руководитель Российского института
истории искусств*

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И РОССИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Аннотация. В статье рассматривается своеобразие русской православной цивилизации, которая сумела пронести в себе неискажённое православное христианство на протяжении более чем тысячи лет своей истории. В отличие от Запада, религиозно расколовшегося уже в XVI веке (католичество и протестантизм), а в наше время почти полностью отказавшегося от христианского понимания жизни, русская культура продолжает нести свою миссию «удерживающего» и в XXI веке. Именно с этим во многом связано нынешнее противостояние между Европой и Россией вокруг Украины. Сохранение базовой структуры (ядра) нашей цивилизации — это сегодня вопрос духовного и физического выживания России и её народа.

Ключевые слова: *христианство, Россия, история, культура, ценностный выбор, идеология, противостояние цивилизаций, Украина, возможное будущее.*

В последнее время в связи с событиями на Украине обострился старый спор о том, какая идеология нужна России. «Идеология — это то, что двигает народами и государствами в земной истории. И как раз с идеологией в России дела неважные — прямо по дедушке Крылову: “Лебедь рвется в облака, Рак пятится назад, а Щука тянет в воду”. Как в воду глядел баснописец — Лебедь-Церковь тянет в мир иной, раки-консерваторы призывают вернуться к царской России, а либеральная щука тащит нас в омут рыночной экономики. А воз и ныне там, — никакой идеологии нет» [5].

Для начала отметим, что идеология, в собственном смысле слова, это «реальность понятия», как сказал бы Гегель. Проще говоря, идеология — это идея у власти, властвующая идея, которая на практике предопределяет действия (поступки) страны, нации, отдельного человека. Одна из главных ошибок марксизма и состояла в том, что он бытие ставил впереди сознания. На самом

деле наоборот — сознание определяет бытие, как личное, так и общественное. Во всяком случае, это прямо следует из христианского понимания человека как образа Божия, которому дана свобода полагать свою жизнь в перспективе высших духовных целей, а не только в интересах той или иной технологической или политической формации. Точно так же народ как соборная (коллективная) личность строит свою судьбу как творческий процесс, за который он даст ответ на Суде, а вовсе не как пассивный «экономический персонаж», автоматически следующий за продиктованными ему «базисом» рыночными законами и т. п. М. Хайдеггер в своё время убедительно показал, что сама постановка вопроса о материальном успехе (фаустовской власти над сущим) в рамках западной цивилизации в истоке связана с забвением бытия (читай — Бога) как следствия превращения мира в предмет потребления, в подручный материал, в «постав». Здесь и пребывает начало западной, в том числе марксистской, идеологии, которая ещё со времён Возрождения и Просвещения подавала себя (особенно в англосаксонском варианте) как агрессия, как «знание-сила» (Ф. Бэкон).

Какое это имеет отношение к России? Самое прямое. Со времён Крещения, *русской идеологией* — правящей идеей — у нас явилось *Православие*, которое Ф. М. Достоевский совершенно справедливо назвал «русским социализмом». Именно с этой идеологией под водительством московских царей Русь стала крупнейшей империей Евразии, от Днепра на западе до Тихого океана на востоке. О метафизических границах русского царства гениально написал Ф. И. Тютчев в своей «Русской географии» (1848–1849) [6, с. 152], имея в виду перемещение христианской столицы — сакрального Рима — в пространстве земной истории.

*Москва и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.*

Первым *западническим* (модернистским) испытанием русской христианской идеологии стала цивилизационная революция Петра Великого, попытавшегося в конкретных политических условиях вписать в вертикальную парадигму православного народа атеистические европейские технологии «подручного существования». Что из этого получилось — хорошо известно. Пётр построил на берегах Невы сказочный город-парадиз, завёл флот и Академию наук, стал выпускать газету «Санкт-Петербургские ведомости» (всё как в Европе) — но в глубине своей русский народ и в конечном счёте русская интеллигенция, несмотря на свой немецко-французский язык, остались христианами по вере, то есть продолжали требовать от жизни и от самих себя не столько «успеха», сколько *правды*, с которой не стыдно будет предстать перед Господом. И даже крепостное право оказывалось тут, конечно, грешным, но своего рода «семейным» делом. Об этой особенности русской «политической этики» хорошо сказал С. А. Аскольдов в 1918 г.: «Русь была до отмены крепостного права, а отчасти и после него страной рабов и рабовладельцев, но это не мешало ей быть Святой Русью, поскольку Крест, несомый одними, был носим со светлой душой и в общем и целом с прощением тех, от кого он зависел, поскольку и те и другие с верою подходили к одной и той же Святой Чаше. Так праведность десятков миллионов очищала и просветляла в единстве народного сознания грех немногих тысяч поработителей, к тому же грех, часто ясно не сознаваемый в качестве такового ни той, ни другой стороной» [1, с. 40–41]. Добавлю, что дело тут не в «рабах» и «рабовладельцах» (остатки просветительской терминологии у Аскольдова), дело в сообща несомом Кресте, по отношению к которому и те и другие равно грешны и равно святы. Что касается буржуазной идеологии, то она была решительно отвергнута Россией в 1917 году — как раз в тот период, когда отечественные капиталы, казалось, торжествовали победу над «разложившимся царизмом», а русский рубль стал едва ли не самой надёжной валютой в воюющей Европе. Временное правительство не смогло предложить стране, в которую можно «только верить», ничего, кроме Учредительного собрания и умеренной кадетской идеологии на французский манер, по причине чего и было выброшено из Зимнего дворца, а потом и из Кремля восставшим народом, а его «белые» (а на самом деле антимонархические, «февралистские») армии отступили под натиском красных до Тихого

океана. Либеральной идеологии Милюкова — Керенского Русь не могла принять по определению: для этого надо было действительно стать «последними людьми» и «убить Бога». Как говорит царский генерал в полилоге С. Н. Булгакова, Россия есть царство или же её вообще нет. «Этому достаточно научило нас и Смутное Время. Этого не понимали только тупоголовые, самодовольные «вожди» (либерал-кадеты. — А. К.), которые самоуверенно расположились в министерских креслах, как у себя дома. Но пришли другие люди, менее хитроумные, зато более решительные, и без церемонии сказали: позвольте вам выйти вон. Ну, иных и помяли при этом, — без этого перевороты не обходятся. А я вам скажу: и отлично сделали. Уж очень отвратительна одна эта мысль об окадеченной, «конституционно-демократической» России. Нет, лучше уж большевики “style russe”, сарынь на кичку! Да из этого еще может и толк выйти, им за один разгон Учредительного Собрания, этой пошлости всероссийской, памятник надо возвести. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живую не выбратья б!» [2, с. 102–103].

Что касается русского социализма, то точнее называть его национальным коммунизмом, потому что он изначально ставил себе именно космические, в известном смысле сверхчеловеческие задачи, опираясь не только, и даже не столько, на Маркса, но и (тайно или бессознательно) на учение о богочеловечестве Владимира Соловьева и на «общее дело» Николая Федорова. «И ты, огневая стихия, безумствуй, сжигая меня!» — обращался к Родине интеллигент-символист Андрей Белый, и в этом его совершенно поддерживал крестьянин-имажинист Сергей Есенин («Ради вселенского братства людей радуюсь в песне я смерти твоей»), так что блоковский невидимый Христос был отнюдь не одинок среди этой огненно-снежной бури. «Они все думают о конце света», — отвечал на вопрос об «ихней идеологии» герой платоновского «Чевенгура». Русский коммунизм победил нордический фашизм в 1945 году и начал медленно вырождаться в пошловатый мелкобуржуазный социализм только в 1960-х годах XX века, когда бывший верный сталинец Хрущев провозгласил целью страны догнать и перегнать США по производству мяса и молока на душу населения. Можно, конечно, квалифицировать всё это как ересь и пародию на христианство, но в Писании прямо сказано: кого люблю, того наказываю (Евр. 12:6). Кто без греха, первый брось в Россию камень.

Новый февраль — необуржуазный переворот и соответствующая идеология 1991 года — только подтвердили по своим катастрофическим для страны результатам, что антинациональный либеральный строй с компрадорами во главе несёт нашему Отечеству только разложение. Сдали всё, что можно сдать, и разрушили всё, что можно разрушить. Правда, чудом (в прямом смысле слова) сохранились некоторые оборонные технологии и некоторые люди, которым они были небезразличны. Неслучайно, наверное, город святого Серафима Саров стал называться в своё время Арзамасом-16. Термояд попал в надёжные руки, защитив в последний момент то, что осталось от Великой России. И защищает до сих пор.

После 2000-го года в России началась другая эпоха. Медленно, но верно страна возвращала себе дыхание и сознание. Под каким знамёнами это делалось и делается? Об этом до сих пор спорят, хотя предпринимались попытки чуть ли не приказом сформулировать современную русскую идею (идеологию). У нас есть имперский герб (двуглавый орёл), советский по мелодии гимн, славящий Бога и хранимую им страну, а также «демократический» флаг. Это означает, что искомая русская идея должна совмещать в себе наследие православного Московского царства, западной петербургской империи, социалистического Советского Союза и демократическо-капиталистической Российской Федерации. Как вообще это возможно?

Несколько лет назад я опубликовал статью о православном социализме, где писал, что любая религия предполагает, наряду с Абсолютом — источником блага и бытия — набор практических уложений, регулирующих поведение человека/народа/цивилизации в наличной жизни [4]. Существует 613 заповедей Моисея, и по субботам, как известно, общественная жизнь в Израиле почти замирает. По-своему (вплоть до исламского банкинга) заповеди пророка осуществляет мусульманская умма. Всякая цивилизационная — развёрнутая по вертикали совокупная деятельность человека в конечном счёте религиозна, даже еда и питьё, в чём сомневаются только «исторические материалисты». Даже атеизм — эта «религия с отрицательным знаком» — предполагает свой, материалистический и нигилистический «социализм», то есть свободу делать «что хочешь» перед лицом ничто, потому что ничто (смерть) и есть настоящий бог атеистов и материалистов.

Сегодня, спустя восемь лет, на фоне происходящего на наших глазах судьбоносного расставания с постхристианским Западом, я могу повторить, что *русская идея есть осуществлённая и осуществляемая отечественная история*, и плод её, подобно зерну, растёт медленно и прикровенно. Она всегда *уже-но-ещё-не*. Не претендуя на исполнение рая на земле, как противоречащее самой сути христианской веры, русский глубинный социализм есть национальный *ценностный идеал отечественного пути*, какие бы государственные и социально-культурные формы он ни принимал на протяжении протекшей тысячи лет нашей истории. Первична здесь не «общественная собственность на средства производства» (она может быть и государственной, и групповой, и частной), а соборная — церковная и государственная — установка на восходящий, трансцендирующий, *ответственный перед Творцом смысл народной культуры*. В таком плане он в конечном счёте совпадает со смыслом жизни человека и народа, формулируемым другими традиционными религиями России, прежде всего исламом. Более того, в условиях современного противостояния с постмодернистской «цивилизацией заката» (Abendland (нем.) — страна вечера) отходят на второй план конкретные общественно-экономические формы осуществления русского (российского) социализма. В известном смысле он уже построен, он существовал и существует всегда. Народная монархия на Руси — такой же естественный способ осуществления социального (соборного) единства общества, как и государственно-частное партнёрство в экономике, при обязательном условии, разумеется, что капитал служит стране и народу, а не наоборот. Монархисты, коммунисты и капиталисты сегодня по жизни одинаковые «работники трудового фронта» (те, которые не хотят, уже убежали, или собираются в бег, или просто затаились в ожидании «нормальной» власти). В лице Президента (78% поддержки) мы имеем сегодня такого свободно избранного «народного монарха», которому доверяет народ, и который, со своей стороны, опирается на доверие народа. В этом акте сближаются ныне на уровне реальной общественной практики главные символы России: православная хоругвь, монархическое знамя, красный флаг и демократический триколор. В данном случае противоречия (и даже антиномии) всех четырёх упомянутых начал снимаются в высшем синтезе — *синтезе русской идеи как стремления жить*

по правде, а не по прагматической выгоде и корысти. Неслучайно соборно-монархический архетип воспроизводится в русском историческом бытии (в русском народном социализме) с постоянством закона, независимо от того, в каком веке и на каких технологиях это происходит. Это и есть русская идеология. Когда-то премьер В. С. Черномырдин прославился афоризмом, что у нас какую партию ни создавай, всё КПСС получается. Задолго до него замечено, что у нас что ни строй — всё Святая Русь выходит. А поэт Николай Рубцов сформулировал по-своему: здесь Русь навек произошла, и больше ничего не происходит.

Если нужна краткая формула российской идеологии, то её можно назвать **русской правдой**, со всеми её религиозными, нравственными, культурными, политическими, экономическими и межнациональными гранями. Формально-логические дефиниции *правды* непродуктивны, потому что это не логическое понятие, а экзистенциальная истина (**естина**, по П. А. Флоренскому) самого способа существования русского мира, восходящая к его трансцендентным творческим истокам, к его Логосу. Такую истину нельзя просто знать, в ней надо *быть*. Она включает в себя любовь и веру. Русский человек — это тот, кто любит Россию, говорит и думает по-русски, и свободно разделяет её земную и небесную судьбу. Такой человек (народ) живёт по правде. Это не значит, что он святой (рай на земле невозможен) — но это значит, что он способен отличить свет от тьмы. «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм» [3, с. 19].

Литература

1. *Аскольдов С.А.* Религиозный смысл русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. — М. : Изд-во МГУ, 1990. — С. 20–54.
2. *Булгаков С.Н.* На пиру богов. Pro и Contra. Современные диалоги // Из глубины: Сборник статей о русской революции. — М. : Изд-во МГУ, 1990. — С. 90–144.
3. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1881, январь // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 27. — Л. : Наука, 1984. — С. 16–21.

4. Казин А.Л. Православный социализм как религиозная мечта и русская политическая идея XXI века // Русская народная линия. – URL: https://ruskline.ru/analitika/2015/07/27/pravoslavnyj_socializm_kak_religioznaya_mechta_i_russkaya_politicheskaya_ideya_hhi_veka (дата обращения: 8.02.2024).
5. Сомин Н. Боюсь вымолвить // Русская народная линия. – URL: https://ruskline.ru/news_rl/2022/04/11/boyus_vymolvit (дата обращения: 8.02.2024).
6. Тютчев Ф.И. Русская география // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. – Л. : Советский писатель, 1987. – С. 152.

Kazin Alexander Leonidovich,
doctor of philosophy Sci., Prof.,
Scientific Supervisor
of the Russian Institute of Art History
alkazin@yandex.ru

RUSSIAN CULTURE AND RUSSIAN IDEOLOGY

Abstract. The article examines the uniqueness of the Russian Orthodox civilization, which has managed to carry within itself undistorted Orthodox Christianity for more than a thousand years of its history. Unlike the West, which was religiously split already in the 16th century (Catholicism and Protestantism), and in our time has almost completely abandoned the Christian understanding of life, Russian culture continues to carry out its mission of “restraining” in the 21st century. This is largely due to the current confrontation between Europe and Russia around Ukraine. Preserving the basic structure (core) of our civilization is today a question of the spiritual and physical survival of Russia and its people.

Keywords: *Christianity, Russia, history, culture, value choice, ideology, confrontation of civilizations, Ukraine, possible future.*

Даренский Виталий Юрьевич,

доктор философских наук, доцент,

Московский государственный университет

технологий и управления имени К. Г. Разумовского,

ст. науч. сотрудник

СПЕЦИФИКА ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы трансляции культурной традиции в современную эпоху секуляризации. В частности, анализируется книга святителя Луки Крымского (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа, тело» как ценный образец просветительской литературы. Показаны смысловые стратегии, реализованные автором, которые можно определить как реализацию метода «анагогии» («восхождения», от греч. ἀναγωγή — возведение) с целью «вытаскивания» человека из состояния духовной слепоты. Здесь выделяется подготовительный этап, на котором к читателю обращаются ещё на светском языке, в рамках понятных ему «материалистических» представлений. Но затем наступает ключевой смысловой момент, когда автор показывает читателю уже явную невозможность объяснить важнейшие феномены внутреннего мира человека на уровне этих секулярных представлений. Этот момент — «перелом» в сознании и выход в трансценденцию. Кроме того, анализируется статья Д. И. Менделеева «Мировоззрение» как важный пример рефлексии границ секулярного познания и «троического» мышления.

Ключевые слова: *св. Лука Крымский, Д. И. Менделеев, традиция, познание, дух.*

Культура самовоспроизводится, поскольку рождаются новые поколения людей, и им нужно почерпнуть внутреннее содержание жизни у поколений, которые жили ранее. Тем самым, культура как таковая — это традиция. Это та среда, где происходит «второе рождение» человека — не телесное, а духовное. У каждого человека есть стремление ко «второму рождению», чтобы стать духовной сущностью, и он ищет это содержание. Человек его находит, даже если оно запрещается или подавляется. России повезло, потому что у нас есть иммунитет против отмены культуры. Мы это прошли раньше, чем Запад — в СССР, который был

первым в истории антихристианским безбожным государством и уничтожил культурную традицию в её глубинных основаниях на уровне государственной политики. Сейчас то же самое происходит на Западе — отменяется классическая культура, на смену ей ставится образ человека как биосоциального автомата, который живёт в рамках навязанной среды. Остальные остатки классической культуры, религиозного понимания человека как образа Божиего маргинализируются и подавляются. В России происходит то же самое в силу ментальной зависимости её от Запада. Но у нас есть шанс противостоять этому. У Запада такого шанса уже нет.

Как известно, в традиционных культурах в процессе прохождения обряда инициации происходила мощная трансформация сознания человека не только посредством сильных переживаний, но и путём сообщения ему тайных эзотерических знаний. Всё это приводило к трансформации личности во взрослое состояние. В современной цивилизации обрядов инициации нет, но их роль призваны выполнять другие культурные формы, в том числе и философия. Как общекультурный символ «инициация» обозначает особый экзистенциальный опыт символического прохождения через смерть, испытания смертью, после которого человек приобретает особый опыт, позволяющий смотреть на жизнь и оценивать её как бы со стороны, «с точки зрения вечности». Символическое прохождение через смерть, духовная инициация, символически именуемая «вторым рождением», делает человека другим, радикально трансформируя его личность. Каким образом это делает философия? Философия заставляет человека отбросить все привычные навыки мысли и мировосприятия в целом, посмотреть на бытие и на самого себя с какой-то совершенно непривычной и странной точки. И совершенно не важно, какую именно философскую доктрину и традицию выбирает человек, обратившийся к философии, ведь данная трансформация — символическая «смерть» и возрождение сознания — произойдёт в любом случае.

К. Ясперс так эксплицировал тот особый мыслительный акт, который совершается в процессе инициации: «Мышление есть здесь удостоверение основы, прежде всего посредством такой деятельности, которая аналогична молитве. Эта медитация приводит в соприкосновение с основой бытия. Она укрепляет основное знание, способное каждый день давать опору мыслящему таким образом человеку» [7, с. 7]. Специфика трансляции не только

философской, но всей культурной традиции в современную эпоху состоит в том, что она не может происходить без достаточно длительных и мучительных процессов «инициации» в культуру, поскольку базовый опыт человека секулярной эпохи не даёт опор для этого. В данной статье на двух примерах из истории культуры будут рассмотрены закономерности этого процесса.

Важнейшим аспектом изучения традиционных культур является исследование процессов их живой рецепции современным посттрадиционным секулярным сознанием людей. Эта рецепция имеет определённые мотивы, специфические формы и сложности. Если она удаётся, то приводит к трансформации сознания современного человека. Как это происходит в реальности? Одним из примеров этих процессов является просветительская церковная литература, обращённая к современному секулярному читателю. Её авторы выстраивают определённые стратегии мысли, благодаря которым читатель не только узнаёт новую для себя информацию, но затем и переживает процесс внутренней экзистенциальной трансформации, открывая новую для себя духовную реальность и открывая в самом себе духовное бытие.

Для понимания этих процессов имеет смысл обратиться к изучению в первую очередь трудов особо выдающихся авторов, в том числе святых новейшего времени. Труд святителя Луки Крымского (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа, тело» представляет собой ценный предмет анализа в качестве удачного соединения святоотеческой традиции, современных научных данных и популярного истолкования исследуемого предмета, рассчитанного на массового читателя советского времени, то есть с атеистическим воспитанием, но не удовлетворённого им и стремящегося к духовному просвещению. Такая сложная просветительская задача потребовала от свт. Луки большого мастерства в разъяснении связи между эмпирическими фактами, их духовным смыслом и христианским вероучением.

Утрата традиции духовного образования в советский период привела к необходимости особой стратегии духовного просвещения. В этот период оно должно было опираться не на азы духовных знаний, которые до 1917 г. давала церковно-приходская школа (перед революцией начальное образование уже охватывало более 70 процентов детей в европейской части страны, а с 1918 г. должно было стать всеобщим, но этому помешала революция). В совет-

ский период произошла утрата этих основ, и процесс духовного одичания охватил новые поколения. Однако, несмотря на это, множество людей продолжали приходить в храмы, и священнослужители должны были найти особый язык общения с советскими неопфитами. Эта ситуация усугублялась с течением времени, и уже к 1960-м годам основной контингент верующих составляли люди с советским атеистическим воспитанием. Опыт духовного просвещения этой эпохи представляет непреходящий интерес, поскольку Церковь всегда будет существовать в окружении безбожной культуры и вести диалог с ней.

Особый интерес представляет трактовка понятия «души» в книге свт. Луки как онтологической и гносеологической категории. Интерпретация этого понятия для массового светского читателя в просветительских целях имеет и практическую ценность для нашего времени. Для понимания общей просветительской стратегии святителя Луки нужно рассмотреть его способы разъяснения этого понятия. Глава вторая книги святителя Луки имеет название «Сердце как орган высшего познания» и посвящена трактовке христианского смысла понятия «сердце». Как известно, в традиции русской философии было замечательное исследование профессора П. Д. Юркевича «Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению Слова Божия». Однако перед святителем Лукой стояла более трудная задача, поскольку, в отличие от своего предшественника, в этом вопросе он обращался уже не только и даже не столько к православному читателю, а к читателю в первую очередь светскому, для которого религиозный смысл понятия «сердце» был либо уже вовсе неизвестен, либо представлялся весьма смутно.

Для этого ему нужно было обратиться к таким свидетельствам православных подвижников, которые бы в очень простых и ясных словах разъясняли этот смысл с опорой на личный опыт. Для этого в книге подобраны наиболее яркие и доступные для понимания примеры. «Об ощущении Бога или, вернее, благодатных воздействий Духа Божия на сердце, — пишет святитель Лука, — говорят многие подвижники благочестия, многие преподобные. Все они более или менее ярко ощущали то же, что и св. пророк Иеремия: “было в сердце моем, как бы горящий огонь” (Иер. 20, 9). Откуда этот огонь? Нам отвечает св. Ефрем Сирин, великий таинник Божией благодати: “Недоступный для всякого ума входит в сердце

и обитает в нем. Сокровенный от огнезранных обретается в сердце. Земля же возносит стопы Его, а чистое сердце носит Его в себе и, прибавим мы, созерцает Его без очей по слову Христову: блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят”. Подобное же читаем и у Иоанна Лествичника: “Огонь духовный, пришедший в сердце, воскрешает молитву: по воскресении же и вознесении ее на небо бывает сошествие огня небесного в горницу души”» [6, с. 16].

Во всех приведённых примерах изъяснения опыта святых подвижников сердце понимается как вместилище даров Духа Святого и тот «орган», который непосредственно воспринимает действие благодати Божией на человека. В приведённых свидетельствах можно выделить три смысловые составляющие: 1) сердце как «орган» восприятия благодати Божией; 2) сердце как вместилище — то есть то «место» (топос) в духовной природе человека, который выполняет свою функцию по мере своего очищения от грехов; 3) состояние сердца есть наполнение «огнём» духовным. Соответственно, символ «огня» здесь — это не только обозначение состояния сердца, но и благодати, его наполняющей.

Почему же в Священном Писании для обозначения особого духовного «органа» восприятия благодати Божией используется именно слово «сердце»? Естественно, в первую очередь, по аналогии с телесным сердцем как органом тела. Но подобно тому, как телесное сердце является центральным органом в человеке, которое обеспечивает кровообращение как основу жизни организма, — точно так же и «сердце» духовное обеспечивает то, что аналогично кровообращению в организме — восприятие благодати Божией. В описании духовных процессов язык Священного Писания всегда пользуется символами — словами, взятыми из обозначений явлений материального мира. Поэтому для обозначения вместилища благодати Божией подходит символ сердца.

В отличие от сердца как вместилища, *душа человека — орган активного действия духа*. В этом смысле говорят о душевной работе — то есть душа *работает*, прилагая усилия для постижения духовной реальности, которая нам даётся даром через благодать, но воспринимается только посредством синергии — ответной активности души, душевной работы. В Евангелии этот закон духовной жизни человека сформулирован так: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают Его» (Мф. 11:12). В главе пятой книги святителя Луки «Душа

животных и человека» даётся следующее определение: «Что же такое душа? В простейшем ее виде, у животных — это объединяемый самосознанием (умом у высших животных) комплекс органических и чувственных восприятий, мыслей и чувств, следов воспоминаний или только (у низших) комплекс органических ощущений. Примитивный дух животных — это только “дыхание жизни” (у низших). По мере повышения по лестнице существ растет их духовность, и к дыханию жизни присоединяются зачатки ума, воли и чувства» [6, с. 62]. Здесь просто воспроизводится аристотелевская концепция «трёхслойной» (трёхчастной) души, но с той особенностью, что между «слоями» (частями, уровнями души) существует плавный переход.

Далее в целом повторяется аристотелевская характеристика высшего «слоя» души — души разумной, но святитель Лука сразу же связывает бытие разумной души с восприятием даров Духа Святого. Он пишет об этом так: «У человека душа гораздо выше по своей сущности, ибо участвующий в ее деятельности дух несравним с духом животных. Он может обладать высшими дарами Святого Духа, которые св. пророк Исаия (Ис. 2, 1–3) называет духом страха Божия, духом познания, духом силы и крепости, духом света, духом разума, духом мудрости, Духом Господним или даром благочестия и вдохновения в высшей степени. Дух и душа человека нераздельно соединены при жизни в единую сущность; но можно и в людях видеть различные степени духовности. Есть люди духовные, по апостолу Павлу (1 Кор. 2, 14)» [6, с. 63]. Таким образом, человеческая душа отличается от души животных тем, что она есть не только основа жизни и «принцип самодвижения» (Аристотель), но есть вместилище благодати Божией. Тем самым, относя понятие «дух» к человеку, мы имеем в виду именно особое свойство его души быть вместилищем даров Духа Святого, но ни в коей мере не то, что человек сам обладает неким своим особым «духом», отличным от того, что он получает по благодати. Если же в силу одержимости грехами, человек не воспринимает благодать Божию, то в таком случае его душа наполняется «духом» бесовским.

Душа же у каждого человека индивидуальна и неповторима, поскольку она есть проявление в человеке образа Единого Бога. Тем самым онтологический закон таков: поскольку Бог Един, то и каждая человеческая душа отражает в себе Его образ, поэто-

му тоже едина и неповторима. Святитель Лука выделяет так же и естественные, «органические» свойства души следующим образом: «душу можно понимать как совокупность органических и чувственных восприятий, следов воспоминаний, мыслей, чувств и волевых актов, но без обязательного участия в этом комплексе высших проявлений духа, не свойственных животным и некоторым людям. О них говорит апостол Иуда: “Эти люди... душевные, не имеющие духа”» (Иуд. 1, 19) [6, с. 63]. То есть речь идёт о том, что у многих людей в силу их невосприимчивости к дарам Духа Святого действуют только лишь эти естественные, «органические» свойства души, а её высшие свойства, которые называются «духом», фактически не проявляются. Поэтому апостол и определяет этот тип людей — как только «душевных», то есть «не имеющих духа» в силу того, что они сами не хотят и не склонны его воспринять, будучи поработёнными грехом.

Святитель Лука подробно разъясняет, где проходит граница между этой «естественной» душой и тем уровнем души, на котором она становится вместилищем духа как дара благодати Божией. «В самосознании, — пишет он, — при жизни жизнь духа тесно переплетается с теми психическими актами, которые общи человеку и животным, т. е. с органическими ощущениями и чувственными восприятиями: эти последние, в свою очередь, неразрывно связаны с жизнью тела, особенно мозга, и исчезают со смертью тела. Поэтому примитивная душа животных смертна, как смертны и те элементы самосознания человека, которые исходят из умершего тела (органические и чувственные восприятия). Но бессмертны те элементы самосознания, которые связаны с жизнью духа. Бессмертен дух, который, как покажем ниже, может существовать без связи с телом и душой. Материалисты отрицают бессмертие души именно потому, что ничего не хотят знать о духе» [6, с. 63]. В данном рассуждении свт. Луки «спрессовано» сразу несколько мыслей, важных для светского (и особенно советского) читателя. Во-первых, сказано о том, что в человеческой душе присутствует много элементов, общих с душами животных и связанных с деятельностью тела (это общность с мировоззрением «материализма»); 2) далее акцентируется тот принцип самосознания, который важен для современного человека с его гипертрофированным «Я»; 3) наконец, «сталкивание» этих двух принципов между собой приводит к тому, что «Я» и «самосознание» вынуждено признать,

что оно не может быть основано только на материально-телесной, «животной» части души и предполагает для самого своего существования некие онтологически высшие уровни реальности, которые здесь в целом именуется «духовными» без дальнейших уточнений.

Это ход мысли в тексте свт. Луки, по сути, является центральным для «перелома» в сознании светского читателя, поскольку тут осуществляется прямой выход на осознание духовной реальности через внутреннюю рефлексию человека. Если этот «выход» (трансценденция) удался, то тогда будет «работать» и весь дальнейший ход изложения в этой книге.

Стоит кратко определить тот общий контекст святоотеческого наследия, в котором следует рассматривать книгу святителя Луки. Архимандрит Киприан (Керн) в известном исследовании «Антропология св. Григория Паламы» писал следующее: «Столь спорный в позднейшем богословии вопрос о двухчастном или трехчастном строении нашей природы для св. Фотия, как и для большинства святых отцов, не вставал вообще... писатели древности не задерживались на этой теме и легко пользовались обеими схемами, не входя в противоречие с самими собой и друг с другом... В вопросе 38 к Амфилохию Фотий ставит ряд вопросов: “Как душа, не ограниченная местом, соединяется с телом? каким образом, говоря от опыта чувств, когда человеческое тело окрашено разными красками, душа, будучи среди красок, сама не приемлет окраски? и когда тело составлено из четырех составов, душа сохраняет свою независимость от них?.., если телесное смешение соединяется с словесной душой, то почему же в этом смешении не управляет тем, что сознает себя соединенным?.. и если душа соединяется с телом, то почему тело не есть душа, а душа не есть тело?” На все эти вопросы даются ответы по аналогии с боговоплощением... На все эти вопросы Фотий считает возможным ответить кратко: “свойства природ остаются в границах своих устойчивыми и не сливаются”» [1, с. 247–248].

Из проблем, трактовавшихся в писаниях св. Патриарха Фотия, можно выделить в первую очередь три: 1) двухчастное (душа — тело) или трёхчастное (дух — душа — тело) строение «природы» человека; 2) соотношение свойств и атрибутов души и тела между собой; 3) тайна их соединения между собой. Почему «вопрос о двухчастном или трёхчастном строении нашей приро-

ды для большинства святых отцов не вставал вообще»? Именно потому, что понятие души как вместилище даров Духа Святого уже вмещало в себя понятие «духа» и поэтому его в определённых контекстах можно было не выделять отдельно. Но, с другой стороны, поскольку есть люди только «душевные», лишаящие себя восприятия даров Духа Святого и подчинённые воздействиям низших «духов» бесовских, то в этом контексте требуется выделение понятия «духа» отдельно. Выделяет его в своей книге и святитель Лука, поскольку для эпохи атеизма было очень важно объяснить людям это понятие.

Подробно рассматривает он и соотношение свойств и атрибутов души и тела, и вопрос о том, как они могут соединяться и взаимодействовать. О тайне их соединения, которая объясняется только Боговоплощением — соединением двух природ во Христе — святитель Лука не упоминает, поскольку эта тема сложна для новоначальных. Зато специально для них он перечисляет факты сверхъестественных душевных явлений (телепатия, медиумизм и др.), чётко зафиксированные наукой. Это нужно для того, чтобы показать, что душа человека естественным образом способна к познанию духовного мира.

В главе восьмой «О внутреннем человеке» святитель Лука сначала кратко рассматривает естественное познание духовного бытия, свойственное всем людям вообще, независимо от их религии. Он пишет: «Трансцендентальная жизнь духа была хорошо известна древним индийским мудрецам и греческим философам, особенно философам александрийской школы. О ней писал Плотин, Порфирий и другие. Вот слова Плотина: “Наконец, если я осмелюсь, в противоположность мнению всех прочих людей, высказать свободно и определенно свое собственное убеждение, то, по-моему, в чувственном теле пребывает постоянно не вся наша душа, а только некоторая ее часть, которая, будучи погружена в этот мир и потому уплотняясь или, лучше сказать, засоряясь и омрачаясь, препятствует нам воспринимать то, что воспринимает высшая часть нашей души”. В другом месте он говорит: “Души подобны амфибиям: они живут то по сю сторону, то в потустороннем мире, смотря по надобности”» [6, с. 110–111]. Таково объяснение возможности соединения души и тела, обладающих разными природами и разными свойствами: оно возможно потому, что сама душа двойственна по своим качествам — часть из них таковы, что

могут взаимодействовать с телом, а часть — более высшего порядка, не подчинённые телесным процессам и направленные на восприятие духовного мира. Таким образом, душа человека, как сверхприродная часть человека, сама по себе способна к восприятию духовного мира. И это естественное свойство души является одним из проявлений в человеке образа Божия.

Святитель Лука обращается и к западной христианской традиции, желая кратко ознакомить с нею читателя и показать то общее, что есть у всех христиан в их понятии о свойствах души: «В средние века о том же писали Парацельс, ван Гельмонт, Кампанелла и многие другие. В открытой Лютером и высоко ценимой Шопенгауэром “Немецкой Теологии” говорится: “У созданной души человека два глаза: один может созерцать вечное, другой только временное и сотворенное. Но эти два глаза нашей души могут делать свое дело не оба разом, а только так, что когда наша душа вперяет свой правый глаз в вечность, левый ее глаз должен отказаться вполне от своей деятельности и пребывать в бездействии, как бы умирать. Когда же действует левый глаз души, т. е. когда ей приходится иметь дело с временным и сотворенным, тогда от деятельности своей, т. е. от созерцания, должен отказаться правый глаз. Поэтому кто хочет смотреть одним глазом только, должен освободиться от другого, ибо никто не может служить двум господам”» [6, с. 111]. Эта метафора «двух глаз» души является ценным дополнением к объяснению Плотина, приведённому выше.

Зачем свт. Лука обращается здесь к этим языческим и неправославным авторам? Это нужно для того, чтобы подготовить ум читателя к пониманию души сначала на уровне «естественного откровения», которое доступно каждому. И только после этого можно давать православное понимание сущности души. Это метод изложения можно определить как метод смыслового опосредования. И только после всех этих подготовительных для читателя материалов, святитель Лука обращается к рассмотрению высшего познания, которое даётся человеку в Откровении: «Для нас, конечно, важнее всего слова апостола Павла. Он говорит: “Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется” (2 Кор. 4, 16). “Когда ослабевают и угасают страсти и похоти плоти, когда силы ее слабеют и меркнет для нас блеск и шум мира сего, тогда отложим прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, а обновим-

ся духом ума вашего и облечемся в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф. 4, 22–24) [6, с. 112].

Таким образом, главным условием высшего познания, которое даётся человеку через Откровение, является сущностная трансформация самого человека — освобождения его от власти греха и преобразование души под воздействием благодати Божией. Это процесс и называется «новым человеком». «Новый человек, — поясняет святитель Лука, — в этих словах Павловых, конечно, то же, что “внутренний”. Эта глубокая психологическая перемена происходит в нас под действием благодати Божией: “Да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке” (Еф. 3, 16). Тогда происходит распятие со Христом нашего ветхого внешнего человека, чтобы “упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху” (Рим. 6, 6), “и восстает сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа” (1 Пет. 3, 4). Тогда мы становимся даже причастниками Божественного естества по слову апостола Петра (2 Пет. 1, 4), тогда “верою вселиться Христу в сердца наши, чтобы мы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы нам исполниться всею полнотою Божиею” (Еф. 3, 17–19)» [6, с. 113]. Это ключевое место во всей книге святителя Луки, именно для понимания сущности высшего познания и было нужно специальное рассмотрение и анализ понятия души.

Далее даётся более подробное разъяснение предмета и цели высшего христианского познания, на которое становится способной душа, исполненная духа — то есть благодати Божией — следующим образом: «И еще прибавим слова Павловы: “совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его” (Кол. 3, 9–10). Наш внутренний, трансцендентальный человек, освобожденный от уз плоти, может достигнуть высшего познания всего сущего во всей его широте, в глубине и долготе, ибо он обновится и усилится в познании даже по образу Создателя своего: уразумет превосходящую всякое земное разумение любовь Христову. Ибо верою вселится Христос в него. То, что непостижимо “геометрическим умом”, станет понятно озаренному Христовым светом трансцен-

дентальному сознанию внутреннего человека» [6, с. 114]. Такова конечная цель (энтелехия) бессмертной человеческой души.

В целом просветительскую стратегию свт. Луки можно определить как реализацию метода «анагогии» («восхождения», от греч. ἀναγωγή — возведение), который известен в богословии с древности и касался особого толкования Священного Писания. Но в XX веке анагогия приобрела, как видим на примере рассмотренной книги свт. Луки, и более практический смысл, связанный с «вытаскиванием» человека из состояния духовной слепоты. Здесь выделяется подготовительный этап, на котором к читателю обращаются ещё на светском языке, в рамках понятных ему «материалистических» представлений. Но затем наступает ключевой смысловой момент, когда автор показывает читателю уже явную невозможность объяснить важнейшие феномены внутреннего мира самого человека на уровне этих секулярных представлений. Это момент был нами выше выделен как «перелом» в сознании и выход в трансценденцию. Это некий внутренний аналог обрядов инициации — первый момент осознания человеком духовной реальности. Этот момент является решающим, если он не осуществился, дальнейшее изложение будет бесполезным.

Конечной целью духовно-просветительского текста свт. Луки является приведение читателя к православному пониманию души и её «природы». Но эта цель может быть достигнута только путём большой подготовительной работы — «настройки» сознания, в ходе которой происходит переход от секулярного мышления к мышлению религиозному. В рамках этого перехода необходимо использовать «промежуточных» авторов, которые не являются православными, но уже и не являются атеистами. Это неизбежный метод «опосредования», поскольку одним «скачком» преодолеть пропасть между безбожным и православным сознанием просто невозможно. Именно этим и определяется необходимость использования цитат неправославных авторов — в дидактических целях. Однако такой «скачок» (обращение) всё равно необходим и неизбежен — это то самое «рождение свыше», которое онтологически даётся человеку в таинстве крещения, однако которое должно ещё раньше совершиться в уме и душе некрещёного взрослого человека, иначе к крещению он просто не придёт.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что книга святителя Луки Крымского (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа, тело»

является не только ценным научным, просветительским и апологетическим трудом, рассчитанным на читателя эпохи официального безбожия, но и имеет ценность как важный философский труд, в котором рассмотрены онтологические и гносеологические аспекты понятия «душа». В XX веке, когда в господствующих философских направлениях понятие «душа» вообще перестало использоваться, святитель Лука вновь показал его философский смысл, опираясь как на святоотеческую традицию, так и на современную науку, обращаясь к современному человеку секулярной эпохи. Благодаря этому книга сохраняет свою актуальность.

Вторым важным примером из истории русской мысли и культуры, демонстрирующим основные закономерности «инициации», может служить статья Д. И. Менделеева «Мировоззрение», которой заканчиваются его «Заветные мысли». По его признанию, в ней учёный хотел «передать свои исходные положения, выработавшиеся всею совокупностью испытанного и узнанного в жизни» [3, с. 455]. Современная эпоха, писал он, пытается «сосредоточенным стремлением найти вновь как-то затерявшееся “начало всех начал”, исходя то из субъективной самостоятельной точки зрения, то из какого-то абстрактного единства, будь оно энергия вообще, или, в частности, электричество, или что-либо иное — только не древнее исходное начало, Богом наименованное. От физики до метафизики теперь стараются сделать расстояние до того обоядно ничтожно малым... Старые боги отвергнуты, ищут новых, но ни к чему сколько-либо допустимому и цельному не доходят; и скептицизм узаконяется, довольствуясь афоризмами и отрицая возможность цельной общей системы. Это очень печально отражается в философии, пошедшей за Шопенгауэром и Ницше, в естествознании, пытающемся “объять необъятное”... в целой интеллигенции, привыкшей держаться “последнего слова науки”, но ничего не могущей понять из того, что делается теперь в науках; печальнее же всего господствующий скептицизм отражается на потерявшей молодежи... Известно, что скептицизм-то и сгубил казавшиеся столь крепкими устои древнего мира, а немало мыслителей, думающих то же самое про устои современности» [3, с. 455].

Здесь важны его размышления о причинах скептицизма (и безбожия, к которому он неизбежно приводит):

«Современный научно-философский скептицизм берет свое начало из вековечно существовавшего и долженствующего вечно

существовать стремления людей признать единство всего внутреннего и внешнего мира, что и выражено в признании единого Бога и в стремлении это исходное понятие об “едином” по возможности реализовать или узнать ближе... Стремление реализовать так или иначе “единое”, или “единство”, есть естественное следствие пытливости... потому что вечное, общее и единое во всяком случае логически выше реального, которое познается лишь во временном, частном и многообразном лишь разумом и в отвлечении обобщающем, что и составляет область наук, а в их числе и философии... Науки в сущности отвлекают от прямого реализма... Реализация, какая бы там ни была, обобщения, столь отвлеченного, как общее “единое”, или “единство”, просто-напросто противоречит самому духу наук и ни к чему, кроме сомнений скептицизма, привести не может. Порок тут вовсе не в самой идее единства, а только в стремлении его реализовать в образы, формы и частные понятия. Никогда этого не достичь по самой логике дела, а общее “единое” не следует и пытаться представить ни в таких материальностях, как вещество или энергия, ни в таких реальностях, каковы разум, воля, индивидуум или все человечество, потому что и то и другое должно охватываться этим общим “единым”, и то и другое составляет лишь предметы обобщающих наук» [3, с. 456–457].

Попытка познать Единое сущее путём наивного обобщения частных наук, как пишет здесь Д. И. Менделеев, обречена на провал и всегда неизбежно приводит к скептицизму. Только верующий разум, который знает о Творце — подлинном Едином — может иметь и единое высшее знание. А это высшее религиозное знание мирового Всеединства предполагает и смирение разума перед необъятным пространством Непознанного:

«Во всяком случае признать громадность массы совершенно неизвестного — неизбежно необходимо... помимо “начала всех начал”, для которого почва создается не изучением, а тем, что называется верою и определяется инстинктом, волею, чувством и сердцем. Ведь где-нибудь да кончаются же обобщения разума? Не сводится же вся его веками собираемая в науке работа на одну разработку частных? Где же грань современных разумных обобщений, если не в “едином” общем? Вот тут вопрос мировоззрения, задача того разряда мыслей, по которому сыздавна отличают такие просто прикладные науки, как медицинские, инженерно-технические и юридические, от философских... здравый смысл ясно

сознает, что прикладные науки движутся философскими и в то же время что философские науки разрабатываются только потому, что их хотя бы и тусклый свет все же освещает пути жизни» [3, с. 457–458].

Вместе с тем Д. И. Менделеев здесь даёт и своё позитивное определение единства всех познавательных способностей человека: «...по моему разумению, грань наук, донныне едва достигнутая и, по всей видимости, еще и надолго долженствующая служить гранью научного познания, грань, за которою начинается уже не научная область, всегда долженствующая соприкасаться с реальностью, из нее исходить и в нее возвращаться, эта грань сводится... к принятию исходной троицы несливаемых, друг с другом сочетающихся, вечных (насколько это нам доступно узнавать в реальностях) и все определяющих: вещества (или материи), силы (или энергии) и духа (или психоза). Признание их слияния, происхождения и разделения уже лежит вне научной области, ограничиваемой действительностью или реальностью. Утверждается лишь то, что во всем реальном надо признать или вещество, или силу, или дух, или, как это всегда и бывает, их сочетание, потому что одинаково немыслимы в реальных проявлениях ни вещество без силы, ни сила (или движение) без вещества, ни дух без плоти и крови, без сил и материи» [3, с. 458].

Ключевое определение здесь — «исходной троицы несливаемых друг с другом определяющих: вещества (или материи), силы (или энергии) и духа», происхождение и познание которых «уже лежит вне научной области», то есть относится уже к области религии и философии, а не естественных наук.

Это второй важнейший «ключ» к пониманию мировоззрения учёного. Главное здесь — понимание *троичности* разделения всего тварного бытия, которое указывает и на троичность Лиц Бога по принципу «аналогии бытия». Эта «исходная троица» в тварном бытии «несливаема», но и нераздельна — то есть является тварным отражением «неслиянности и нераздельности» в Творце — Боге Троице. Такое «троическое» мышление о сущем у Д. И. Менделеева было воспитано его православной верой, иных источников оно иметь не может.

Отметим, что в это же самое время принцип аналогии бытия Творца и твари являлся одним из ключевых для философии у великого современника Д. И. Менделеева — св. прав. отца Иоанна

Кронштадтского. Вот как у него сказано об аналогии в природе: «Царство природы вещает нам и о непостижимой тайне в Троическом Единстве Творца. Печать сей тайны лежит глубоко в природе всех сотворенных вещей, то есть всего того, что устроено из вещества или праха. Троическое Единство, как основная мысль, проведена во всех произведениях Премудрости Творца, в Троице Прославляемого» [2, с. 21]. Например, таков свет — с его «тройственными лучами»: «световыми, тепловыми и электрическими» [2, с. 9]. В свою очередь, «у человека изощрены высшие духовные способности, насколько необходимо для служения своему Творцу и Богу. Какие же это способности? Разум, воля, чувство. Эти три составляют одно, непостижимое, светлое, предназначенное к вечному блаженству существо духа в общении со своим Творцом. Эти три способности духа ни разделить, ни слить в одно целое нельзя. Между тем, по чудному, непостижимому единению этих способностей едва успеешь сказать или сделать что-либо, как тотчас же и в слове, и в деле обнаружится дух, единый в трех способностях. Ясно, что Бог положил досточудный Образ Триипостасного Единства Своего в духе всякого человека, приходящего в мир... Образ Божий в духе человеческом проявляет троичность не только не слитую, но и не раздельную» [2, с. 294–295]. Как видим, Д. И. Менделеев и св. прав. отец Иоанн Кронштадтский мыслят о бытии одинаково.

Отметим также, что принцип аналогии бытия, который усматривает троичность не только в Боге, но и в тварном бытии как отражении Творца, и в наше время глубоко исследуется многими учёными. В частности, академик Б. В. Раушенбах (создатель ракетной техники, а затем исследователь иконы) в своей статье «О логике триединности» приводил такой пример простого математического объекта: «Самый обыкновенный вектор в трехмерном пространстве и его три ортогональные составляющие дают логически безупречный пример объекта, обладающего совокупностью нужных свойств: триединности, единосущности, неслиянности и нераздельности» [5, с. 167].

Своё представление о структуре тварного бытия (природы в целом) Д. И. Менделеев к концу жизни выразил и в особом исследовании. В 1905 году была опубликована его работа «Попытка химического понимания мирового эфира», как своего рода «научное завещание», в которой Д. И. Менделеев писал: «Как рыба

об лед испокон веков билась мысль мудрецов в своем стремлении к единству во всем, т. е. в искании “начала всех начал”, но добилась лишь того, что все же должна признавать нераздельную, однако и не сливаемую, познаваемую троицу вечных и самобытных: вещества (материи), силы (энергии) и духа, хотя разграничить их до конца, без явного мистицизма невозможно... Ни совершенно слить, ни совершенно отделить, ни представить какие-либо переходные формы для духа, силы и вещества не удастся никому, кроме явных мистиков и тех крайних, которые не хотят ничего знать ни про что духовное: разум, волю, желание, любовь и самосознание... обратим внимание на то, что вечность, неизменную сущность, отсутствие нового происхождения или исчезновения и постоянство эволюционных проявлений или изменений признали люди не только для духа, но и для энергии или силы, равно как и для материи или вещества... Так во многом смутное, но все же подлежащее уже анализу понимание исходной троицы познания (вещество, сила и дух) составляет основу современного реализма, глубоко отличающегося как от древнего, так и от еще недавнего, даже еще доньше распространенного унитарного материализма, который все стремится познать из вещества и его движения... Думаю даже, что современный реализм яснее и полнее всего характеризуется признанием вечности, эволюции и связей: вещества, сил и духа» [4, с. 486].

В данном тексте Д. И. Менделеева мы действительно видим уже итог пройденного им пути: попав в среду скептицизма, которым было в его время (впрочем, как и в наше) проникнуто сознание многих естествоиспытателей, он не мог не искать принципа единства мировоззрения и согласование своих научных познаний с православной верой. Основные этапы его размышлений вполне отражены в цитированных фрагментах текста.

Как видим, в итоге он приходит к признанию духовной реальности, которая воздействует на реальность материальную и преобразует её. Поэтому между духом и материей есть посредник, который обозначается понятием «сила». В этом есть полная аналогия с православным вероучением, в котором ангелы — «посредники», «посланники» — также могут называться «силами». В результате у него формируется «троическое» мышление, которое основано на понимании Бога как Св. Троицы и усмотрении в тварном мире троичности во всём как отражении действия энергии Творца.

На примере Д. И. Менделеева мы видим удачный пример прохождения «инициации» и как результат — формирования органического мировоззрения, соединяющего в себе православную веру и новейшие научные знания. Этот пример является «каноническим» для русской культуры.

Литература

1. *Архимандрит Киприан (Керн)*. Антропология св. Григория Паламы. — М. : Паломник, 1996. — 449 с.
2. *Иоанн Кронштадтский, св. прав.* Начало и конец нашего земного мира: Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса. — М. : Изд. Свято-Преображенского Мгарского монастыря, 2004. — 416 с.
3. *Менделеев Д. И.* Мировоззрение // Сочинения. Т. XXIV. Статьи и материалы по общим вопросам. — М. — Л. : АН СССР, 1954. — С. 455–461.
4. *Менделеев Д. И.* Попытка химического понимания мирового эфира // Периодический закон. — М. — Л. : АН СССР, 1958. — С. 470–517.
5. *Раушенбах Б. В.* О логике триединности // Вопросы философии. — 1990. — № 11. — С. 166–169.
6. *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)*. Дух, душа, тело. — М. : Образ, 2011. — 130 с.
7. *Ясперс К.* Великие философы. Кн. 3 : Мыслящие из истока метафизики. — М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2021. — 432 с.

Darensky Vitaly Yurievich,

Doctor of Philosophy, Associate Professor,

Moscow State University of Technology

and Management named after K.G. Razumovsky,

Senior Researcher, Moscow

darenskiy1972@rambler.ru

THE SPECIFICS OF THE TRANSLATION OF CULTURAL TRADITION IN THE MODERN ERA

Annotation. The article deals with the problems of translation of cultural tradition in the modern era of secularization. In particular, the book of St. Luke of Crimea (Voino-Yasenetsky) “Spirit, soul, body” is analyzed as a valuable example of educational literature. The semantic

strategies implemented by the author are shown, which can be defined as the implementation of the method of “anagogy” (“ascension”, from the Greek. ἀναγωγή – erection) in order to “pull” a person out of a state of spiritual blindness. Here the preparatory stage is highlighted, at which the reader is addressed in a secular language, within the framework of “materialistic” ideas understandable to him. But then comes the key semantic moment when the author shows the reader the obvious impossibility of explaining the most important phenomena of the inner world of man at the level of these secular ideas. This moment is a “turning point” in consciousness and an exit into transcendence. In addition, D. I. Mendeleev’s article “Worldview” is analyzed as an important example of reflection on the boundaries of secular cognition and “troic” thinking.

Keywords: *St. Luke of the Crimea, D. I. Mendeleev, tradition, cognition, spirit.*

Катасонов Владимир Николаевич,
профессор, доктор философских наук,
доктор богословия, академик РАЕН,
Общецерковная аспирантура и докторантура
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;
vladimir15k@mail.ru

А. Ф. ЛОСЕВ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ И О СМЫСЛЕ РОДИНЫ

Аннотация. В статье обсуждается экзистенциальная жизненная позиция А. Ф. Лосева, высказанная им в его прозе 30–40-х годов. Философ использует здесь категорию «понимания» не в отвлеченно гносеологическом смысле, а в нравственном и жизненно-конкретном. Категории рода и Родины рассматриваются Лосевым как принципиальные моменты философской ориентации.

Ключевые слова: понимание, смысл жизни, пол, род, Родина и философия.

Что такое философия? Чем занимаются эти странные люди-философы среди вечно озабоченных и спешащих толп людей? «Зачем нужна эта странная дисциплина, — не скажу наука, — в этом мире страстей и расчёта?» Ответ и прост, и сложен одновременно. Философия нужна для вскрытия *смысла*, философы ищут смысл. Во всём, в утверждениях, в отрицаниях, в деятельности, в мечтах, в надеждах, в жизни, в смерти, в бессмертии. Обычно, всем всё понятно, и не о чем говорить. Но философ останавливается: нет, это непонятно. Непонимание является чуть ли не основной добродетелью философа. «В каком смысле?» — спрашивает он. Смысл бывает отнюдь не очевиден, а иногда, чтобы найти его, нужны целые исследования. Сложность состоит ещё и в том, что для выражения смысла нужно найти слова, заменив ими то, смысл чего мы ищем. И это бывает непросто, и это сближает дело философии с поэзией. И начиная с Платона, на примере лучших философов, мы видим эту археологию смысла, эту борьбу за слово, адекватное смыслу, нередко превращающую философию в прекрасную литературу. Видим мы это и на примере замечательного русского философа А. Ф. Лосева.

Говорить о Лосеве непросто. Творчество учёного, создавшего монументальные труды по истории античной философии, философии Возрождения, имяславию, философии мифа и множество других, трудно охватить даже в одной книге, не говоря уже о статье. Обычно, говоря о Лосеве, имеют в виду его научные работы, посвящённые античной философии, и нередко обходят стороной его прозу. И это напрасно. Лосевская проза — верная сестра его философии. Здесь мы находим обсуждение многих тем, которым философ посвящал свои книги. Огромное место среди этих тем отведено философии музыки, которая рассматривается во всех возможных ракурсах: философско-онтологическом, историко-культурном, психологическом, социологическом и т. д. Нередко проза эта организована как диалоги, что заставляет сразу вспомнить диалоги Платона.

Наша задача в этой статье намного скромнее. Мы будем говорить о некоторой конкретной теме, затронутой Лосевым в его прозе 1930–40-х годов. Это было трудное время для философа (хотя для русского философа Лосева, сказавшего «я сослан в XX век», все времена были трудными). Прошедший через истязания и издевательства Беломорканала, почти потерявший зрение, в ситуации запрета печататься, под бдительным надзором НКВД, философ имел только одну возможность самовыражения — писать в стол. Да и это было небезопасно: в любой момент могли прийти с обыском, и написанное могло послужить основанием для нового срока заключения. А тут ещё разразившаяся война...

В рассказе «Жизнь», датированном 1942 годом, герой рассказа встречается со своим старым школьным другом Юркой. Между ними начинается диалог, который, как это обычно принято у «русских мальчиков», довольно быстро переходит на общие проблемы, на «смысл жизни». Юрка высказывает глубоко пессимистический взгляд на жизнь вообще, в чём, конечно, чувствуется и горечь всего пережитого самим Лосевым. Герой рассказа во многом согласен со своим другом. «Можно ли остановиться на жизни? Жизнь ведь, взятая сама по себе, — разве не путаница, разве не хаос, разве не отсутствие смысла? Чистый и беспримесный поток жизни — разве не издевательство над всем святым, разве не насилие над личностью, разве не сплошное коверканье естественно простых людских отношений, именуемых обществом? Зачем, почему, на каком основании, для каких целей я родился? Я не хочу жить. А я вот ро-

дился. Разве я виноват, что я родился? Жизнь — трудна, тягостна: ребенком человек слаб, глуп, ничтожен, гибнет без призора и помощи; стариком человек — то же самое, и слаб, и глуп, и ничтожен, и гибнет без призора и помощи; а ведь детство и старость отнимают у иного целую половину жизни! Что же остается? Остается молодость и зрелый возраст? Но вычтите болезни, сон, подготовку к жизни; вычтите все задержки, неудачи, ошибки; вычтите из этой зрелой жизни все нежизненное, все помехи и преграды к жизни, все провалы. И вот для этого-то ничтожного остатка подлинной жизни я и родился? Для этих-то минут счастья, свободы, ласки, для этих-то ничтожных мгновений, промелькнувших в жизни и захлестнутых ею, я и должен был целую жизнь есть, пить, спать, бороться за существование, находить средства для жизни, работать, изворачиваться, комбинировать, барахтаться?»¹

Но герою рассказа мало высказать свои претензии к жизни, как это делает Юрка. Его товарищ, явно менее образованный, берёт как бы только бытовую поверхность жизни, на которой она действительно жестока и бесчеловечна. Но для героя рассказа в жизни есть красота, философия, «есть Пушкин!». Ему очень важно, необходимо как-то реабилитировать жизнь, и он находит здесь свою точку зрения.

«Долой, долой эту голую жизнь! Долой, прочь этот неугомонный, самоуверенный, напористый, не знающий никаких пределов процесс жизни! Давайте знание, давайте то, что выше жизни и охватывает ее самое, давайте смысл, давайте идею, давайте душу живую, ум живой! Давайте мыслить, рассуждать, расчленять, освещать! Долой потемки, отсутствие начал и концов, эту всемирную скуку самопорождения и самопожирания. Давайте науку! Давайте, наконец, человека! Жизнь, взятая в своем обнаженном процессе, нечеловечна, до-человечна, бесчеловечна! Знания, понимания, мудрости, — вот чего мы жаждем больше, чем бессмысленной животности! Или жизнь — бессмыслица, или знание выше жизни, и мудрость выше животных функций. Или жизнь — судьба, или жизнь — мудрость! Но так как жизнь неуничтожима и неискоренима, то и жизнь, и судьба, и мудрость — одно и то же. Мудр тот, кто знает судьбу; а знает судьбу тот, кто знает жизнь; а знает

¹ Лосев А. Ф. Жизнь // Лосев А. Ф. Я сослан в XX век... : в 2-х томах. Т. 1. — М. : Время, 2002. — С. 504–556.

жизнь тот, кто живет и мыслит. Знание — вот та великая сфера, вот та великая сила, которая стоит выше самой жизни и в которой сама жизнь находит свой смысл и свое оправдание. Знание — вот чего не хватает голой жизни, обнаженному процессу рождений и смертей, бессмысленному потоку жизненных порывов, всей это слепой стихии роста, питания и размножения. Знание — вот единственно, что противится судьбе и что способно ее преодолеть. Знание — благородно, возвышенно, спокойно, бестрепетно. Знание — это единственная область, где нет истерики жизни, невроза бытия, слабоумия животности. Знание — это бесстрашие, стойкость, героизм. Знание — это свобода. Кто знает мало, тот суетлив, пуглив, всего боится, от всего зависит. Кто знает мало зла, тот трепещет, страшится, ужасается, прячется. Но кто знает много зла, кто знает, что весь мир во зле, что вся жизнь — катастрофа, тот спокоен, тому ничего не страшно, тот не хочет никуда прятаться, тот благороден»².

Знание облагораживает и оправдывает жизнь, но отнюдь не любое знание. Так называемое *знание законов природы* ничего не даёт для познания смысла существования человека, существования перед лицом вопросов о смысле страдания и о смысле жизни. Естественно-научное, физикалистское знание есть в высшей степени несовершенное знание, только поверхность знания. «Знание законов природы не есть жизненное знание. Это — царство рассудка, а не жизни. Законы природы требуют, чтобы все было неизменно, чтобы завтра было так же, как и сегодня. А жизнь требует изменения. Жизнь неповторима. Вся жизнь и все стенание жизни в том и заключаются, что ее нельзя повторить. В некоторых очень узких пределах ее можно сократить или продлить, но ее нельзя произвольно создать или повторить. Юркины вопросы как раз и относились к этой стороне жизни. Если бы в жизни господствовали точные законы, она была бы не жизнью, но механизмом. Жизнь же исторична, а не механична. Поэтому, если уже говорить о законах жизни, то дело вовсе не в смысле законов природы, вовсе не в смысле математических вычислений завтрашней картины мира на основании картины сегодняшней. Многим очень хотелось бы иметь такие формулы и законы, и многие (даже из незаурядных мыслителей) хотели бы таким простейшим и яснейшим путем

² Там же. С. 524.

преодолеть загадку жизни. Но это — фикция и фантом. Это иллюзия — думать свести законы жизни на законы природы, и знание жизни сводить на знание каких-то законов. Тогда получилось бы, что завтрашний день вытекал бы из сегодняшнего с механической необходимостью, тогда в жизни не было бы ничего творческого, нового, неожиданного, революционного; тогда было бы все известно и предопределено наперед; тогда жизнь превратилась бы в механизм, то есть жизнь кончилась бы, и водворилась бы вечная смерть. На самом же деле жизнь есть, и жизнь есть нечто органическое и историческое, то есть в ней не только рассудочная необходимость, но и синтез необходимости и случайности»³.

Каков же метод познания этой органической и исторической стихии жизни, если математические методы познания здесь бессильны? В более раннем рассказе «Метеор» (написан в 1933, опубликован в 1993) в диалогах главного героя с пианисткой Еленой Дориак даётся метод этого познания. Он называется *понимание*. «Это, в конце концов, замечательно! — вскрикнул я. — Понимание, ведь это же мой девиз, моя неизбежность. Это моя судьба. Когда у мыслителя все потеряно, что у него остается, кроме понимания? Когда мыслитель брошен в одну яму с прочим людом и лишен всякой так называемой «жизненной» базы и основы, что спасет его в отличие от всех людей, что утешит его, что, в конце концов, отличит его от всех прочих? Да, конечно, как говорил мыслитель, не горевать, не скорбеть и не жаловаться, но — понимать! (Спиноза) Там, где обыватель пицтит и жалуется, там, где мещане суетятся и мечутся, там мыслитель — безмолвствует и... понимает! Понимание — удел немногих. Надо выстрадать свое понимание. Только в уединении общается мыслитель с миром и только там он — понимает. Понимание — не интеллектуальный процесс, но жизненный подвиг. Понимать не значит мыслить или рассуждать. Это есть настолько же мысль, насколько и чувство, насколько и действие, стремление, влечение. Понимание — выше и глубже всех этих изолированных сторон души и духа. Понимает тот, кто видит изнутри, а видеть изнутри предметы и значит жить так, как живут они, отождествиться с ними. А отождествиться с какой-нибудь одной вещью значит оторваться от всех других вещей, значит рассечь мир на мертвые части. Отождествиться в понимании можно только со

³ Там же. С. 527.

всем или, по крайней мере, с многим. Тогда видна тайная перспектива бытия, и понимание охватывает целые его участки. Понимать значит испытывать — вот почему это не есть функция рассудка. Но не просто испытывать, а еще и преображать испытанное, парить над испытанным, превращать его в разум. О, не в тот сухой и научный разум, который знает улица и работник в науке, но тот разум, которым пользуется хозяин в науке и который недоступен улице. Разум этот и есть само бытие, но освещенное и разгаданное — вернее, разгадываемое, являемое!»⁴

Понимает тот, кто видит изнутри, — эта чеканная формула философа не есть просто новое издание платоновской традиции познания как опознания прообраза вещи, её идеи. Лосев был сознательным представителем христианского платонизма. Понимание здесь неотделимо от страдания и преображения: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят...» (Лк. 23:34) Герой рассказа говорит пианистке Дориак: «Такие люди, как вы или я, всегда будут страдать от других. Но вы противопоставляете людской злобе терпение, я же... пожалуй, только понимание. Вы мстите своим терпением, я же мщу своим пониманием... Когда распинают вас, то боятся вашего монашества. Когда же душат меня, то боятся собственного разоблачения. Потому вот мой третий тезис: душейте меня, люди, но я мщу вам тем, что вас до конца и насквозь понимаю!»⁵

Различие познания в естествознании и познания в гуманитарной сфере, в «жизни» было определяющей темой Баденской школы неокантианства, о чём Лосев был прекрасно осведомлен. Г. Риккерт своим разделением наук о природе от наук о культуре, В. Виндельбанд с его делением наук на номотетические и идеографические много сделали для осознания метода понимания в гуманитарном знании, искусстве, моральной сфере. Но русский философ Лосев не остаётся в сфере неокантианских схем, он идёт глубже, к онтологическому пониманию познания.

Возвращаемся опять к рассказу «Жизнь». Его герой размышляет: «Но в том-то всё и дело, что мудрость жизни не есть только знание. Она есть нечто общее, но она не есть только знание. В знании всегда есть какое-то противостояние познающего и познава-

⁴ Лосев А. Ф. Метеор // Лосев А. Ф. Я сослан в XX век... : в 2-х томах. Т. 1. — М. : Время, 2002. — С. 253–318.

⁵ Там же. С. 290–291.

емого. Чтобы познать предмет, надо прежде всего не быть самим этим предметом. В дальнейшем, познавая, мы можем, как угодно, близко и внутренне с ним сливаться. Но чтобы было знание, надо сначала тому, кто познает, не быть тем самым, что он познает. Познание есть всегда разделение, отделение, противоположение. Чтобы познавать предмет, надо сравнить его с другими предметами; и для этого необходимо выйти за пределы этого предмета. Вращаясь только в пределах предмета, мы познаем только его детали, более или менее важные, но тем самым мы еще не познаем предмета как такового, предмета целиком. Итак, знание — разделение. Но достаточно ли этого для мудрости жизни? Жизнь — разве есть познавательное разделение? Жизнь — разве есть только познание? Жизнь — разве только противопоставление?»⁶

Познание жизни, которое ищет герой Лосева, не может удовлетвориться только этим знанием в разделении, знанием общего, которое отделено от конкретного. Тайну жизни именно и составляет органическое соединение общего и индивидуального. Познание жизни есть с необходимостью познание общего, но не отвлеченно общего, не абстрактного, но конкретного. «Жизнь всегда есть *интимнейшее* прикосновение как раз общего: это есть интимнейшее осуществление как раз не этого отдельного, частичного и раздробленного, но всегда — общего, всегда того, что очень далеко выходит за пределы каждой отдельной частности. Возьмем элементарные формы жизни, возьмем жизнь биологическую и — еще конкретнее, — жизнь пола. Весь животный мир (а частично, и растительный) объят стихией пола. Везде в животном мире мужское стремится оплодотворить женское, и женское стремится зачать и родить потомство. То безобразно, то прекрасно, то скрыто и загадочно, то ясно и нахально, то умно, то глупо, то в виде непосредственного и безотчетного инстинкта, то сознательно, намеренно, размеренно и планомерно, — везде и всегда, от рождения и до смерти животный организм (а, значит, и человеческий организм) пронизан этой неумолимой и деспотической страстью породить, и эта страсть — глубочайшая, интимнейшая, вожденнейшая, как бы ее ни расценивать, какие бы периоды подъема или упадка она ни проходила в организме и как бы ни наталкивалась

⁶ Лосев А. Ф. Жизнь // Лосев А. Ф. Я сослан в XX век... : в 2-х томах. Т. 1. — М. : Время, 2002. — С. 535–536.

она на то или иное сопротивление (физическое, моральное, социальное или иное). И что же? Это есть вождление общего. Это есть страсть утверждать свой род, утверждать себя не в своей отдельности, но в своей общности с родом. Это есть осуществление родовых заданий. Это род утверждает себя в организме. Это не что иное, как именно утверждаемость себя общим в отдельной особи. Животное творит волю общего, но в то же время это есть и его интимнейшее и вождленнейшее намерение. Человек весь опутан правилами морали и общественности, законами науки и права, обычаями, традициями и «здравым смыслом». Но пол всегда был и остается в нем — то, что наиболее обще в нем и что в то же время наиболее интимно в нем, то, что есть результат какой-то родовой, абсолютно неиндивидуальной и, казалось бы, безличной воли, и *что в то же время есть и его абсолютно личная, жизненно-насущая, нестерпимо повелительная воля, чувство, влечение и мысль, его личность, его неизбывное и прямо-таки само о себе кричащее желание и страсть* (курсив мой. — В. К.). <...> Таково первое слово мудрости, желающей обнять жизнь и смерть, а не трусливо прятаться в отвлеченные «законы природы». <...> Род, родство, родственные отношения — вот что останется с человеком всегда, как бы ни уходил человек в отвлеченные, рассудочные взаимоотношения»⁷.

Тема рода есть для Лосева тема платонизма, тема конкретно присутствия идеального в реальном, тема «общечеловеческих корней идеализма». Последнее есть название одной из работ священника Павла Флоренского, который сильно повлиял на умственное и духовное становление Лосева⁸. Флоренский уделил немало страниц обсуждению темы рода, его общефилософского и культурного смысла. В «Смысле идеализма» (1915) он писал: «Итак, этимология подтверждает, что, действительно, рождение делает род — родом. Родичи носят одно имя, как ветви одного корня. Общее их — не отвлеченно общее, но конкретно общее; оно одно в них. Это — их род. Род их *нумерически* тождествен в них, численно один и тот же. Не черты сходства родичей — причина их родства, но родство их — причина их сходства. А раз так,

⁷ Там же. С. 537, 539.

⁸ В частности, в 1922 году Флоренский венчал А. Ф. Лосева с В. М. Соколовой в Сергиевом Посаде.

то родство мыслится конкретно; оно — все равно, что род. Черты сходства — это явление единого их рода; это единое начало высвечивает в них, сквозит в них, и, что самое замечательное, сквозит не в том или другом ограниченном сочетании признаков, но во всем их, везде в них, всегда у них; все их — в сущности одно, при внимательном рассмотрении оказывается одним. Один в них — род их. А то одно, что сквозит во всем их, — это энергия рода, или — род своею энергией. Будучи порождениями одного корня, родичи и остаются одним, — именно родом, γένος, gens-genus»⁹.

Но время написания рассказа «Жизнь» есть время войны, самые переломные её месяцы... Здесь трудно остаться на уровне абстрактно-философского обсуждения, и Лосев находит здесь свой поворот этой темы. «Каким именем назовем эту великую и страшную, эту всемогущую и родную для человека стихию, когда он чувствует себя не просто в физическом родстве с нею, а именно главным образом, в духовном и социальном родстве с нею, когда он знает для себя такое общее, которое, несмотря на свою общность, содержит в себе бесконечное богатство индивидуального, когда это общее максимально внутренне для него, когда оно и есть он сам в своей последней и интимной сущности? **Это есть Родина**»¹⁰.

Казалось бы, сколь естественно вспоминается это слово-имя во время войны!.. Но философ пережил время, когда всё естественное для человека объявлялось «буржуазным предрассудком», критиковалось, оплевывалось, преследовалось... Где главным врагом большевистской власти был «великодержавный русский шовинизм», где на место Родины должно было стать интернациональное социалистическое отечество, в котором нет места родным, а есть только социально близкие товарищи... Поэтому и вырываются у философа следующие горькие слова: «Сколько связано с этим именем всякого недоброжелательства, даже злобы, хуления, ненависти в прошлом! Водворились презрительные клички «квасной патриотизм», «ура-патриотизм», «казенный

⁹ *Священник Павел Флоренский*. Сочинения в 4-х томах. Т. 3 (2). — М.: Мысль, 1999. — С. 119.

¹⁰ *Лосев А. Ф. Жизнь // Лосев А. Ф. Я сослан в XX век... : в 2-х томах. Т. 1. — М.: Время, 2002. — С. 541.*

оптимизм» и пр., и пр. Это культурно-социальное вырождение шло рука об руку с философским слабоумием, не видевшим здесь величайшей категории человеческого разума вообще. По адресу Родины стояла в воздухе та же самая матерщина, что и по адресу всякой матери — в устах разложившейся и озлобленной шпаны. Но уже и сама матерщина имеет смысл только при уверенности в чистоте и святости материнства. Только исповедуя материнство, как высочайшую святость и чистоту, можно употреблять матерщину, то есть мыслить осквернение матери. Что не чисто само по себе, того и нельзя осквернить. Оно уже и без того скверное. А осквернить можно только то, что чисто. Поэтому, чем больше слышно матерщины, тем больше люди верят в святость и чистоту материнства»¹¹.

У русского философа Алексея Фёдоровича Лосева, прошедшего через ГУЛАГ, искалеченного физически и психически, потерявшего жену, достойную работу, рукописи, библиотеку, могло бы быть много претензий к своей Родине... Но мы не слышим здесь жалоб и осуждения. Мы слышим здесь невозмутимый голос философа, подобный мужественному голосу Сократа, обращённый ко всем временам, и к нашей совести: **«Родина есть общее, но не мыслительно**, не логически только общее, а физически и социально общее. Родина есть не то общее, которое только сформулировано в голове, занумеровано, проштемпелевано и зарегистрировано в науке. Родина есть то реальное общее, которое меня реально породило с моим человеческим телом и с моей человеческой душой. Это общее — потому родное мне, родственное мне. Здесь мой отец и мать, не физически только, а для всего того, что во мне есть, и для личности моей отец и мать, и для социальности моей отец и мать, и для духовной жизни моей родители и воспитатели. Всякая философия, которая не кончается учением о Родине, есть наивная и ненужная философия. Ее «обобщения» слишком узки и ничтожны; ее «познание» слишком нежизненно, ее «мир» и «бытие» — пустота и тюрьма, всезлое иступление рассудка, безличное распятие живого духа на Голгофе собственного жалкого самообожествления»¹².

¹¹ Там же. С. 540.

¹² Там же. С. 542.

Katasonov Vladimir Nikolaevich,

Professor, Doctor of Philosophy, Doctor of Theology,

Academician of the Russian Academy of Natural Sciences;

Orthodox Saints Cyril and Methodius Institute for Advances Studies

vladimir15k@mail.ru

A. F. LOSEV ON THE MEANING OF LIFE AND THE MEANING OF THE MOTHERLAND

Abstract. The article discusses the existential life position of A. F. Losev, expressed by him in his prose of the 30–40s. The philosopher uses here the category of “understanding” not in an abstract epistemological sense, but in a moral and vitally concrete one. The categories of family and Motherland are considered by Losev as fundamental points of philosophical orientation.

Keywords: *understanding, meaning of life, family, gender, Motherland, Motherland and philosophy.*

Закунов Юрий Александрович,
кандидат философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
руководитель Центра наследования культуры
Российского НИИ культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачёва

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ НАСЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Аннотация. Для ценностей российской цивилизации важнейшим является наследование культурной традиции, понимаемое и осуществляемое как целостный образовательно-воспитательно-информационный процесс на основе ценностно-цивилизационного подхода и православной духовности в единстве духовно-ценностной содержательности традиции (истина — красота — добро) и её актуализации в лице народного и классического искусства, воплощении её в современном культурном контенте.

Ключевые слова: наследование культуры, образы наследия, русская традиция и цивилизация, христианский тринитаризм, ценности, духовный синтез, преображение, современные угрозы культурной традиции.

Цивилизационная особенность России постепенно выявляется в живом процессе наследования национальных традиций и ценностей, в непреходящих духовно-нравственных смыслах и исторических уроках, закрепляемых в объектах культурного наследия. Способность объединять людей, иметь всемирно-исторический характер и реальную силу определяются здесь мерой осуществления духовно-идеократического содержания, а отнюдь не формальными принципами «позитивного права» и лицемерием, которым пронизан существующий мировой порядок, погружающийся всё более в «управляемый хаос». Агрессивная глобальная «новая нормальность» деформирует главные социальные структуры общества и приводит к дисфункциям всех несовместимых с ней исторически сложившихся традиционных социальных институтов и культур. Её особая inferнально-духовная природа, идеи трансгуманизма и мощь современных технологий, кажется, могут и готовы раз-

рушать ценностные основы чего угодно. Современная русская/российская государственность и соответствующая ей политика, движимые высокими духовно-нравственными императивами, показывают, что на очередном витке истории Россия способна дать достойный ответ цельностью своего духа, сильного единством доставшегося традиционного культурного и природного наследия, заданным свыше идеалам совершенства, осуществляемых в творческой деятельности через преобразование личного и общественно-го как восхождение к божественному первообразу.

В цивилизационной проблематике вопрос объединения многообразных культурных традиций России на единой мировоззренческой основе представляется принципиальным и предполагает выявление онтологической сущности, которая имеет *православную* — духовную целостную, преобразующую человека и мир глубинную богочеловеческую природу, является реально-идеальной, синтетической и действенной силой *Любви*, выражением замысла «неслиянной и нераздельной» Св. Троицы о творении мира и человечества в единстве доисторической *данности*, сверх-исторической *заданности* и настоящего культурно-исторического *осуществления*. Предлагаемая коллективом авторов Изборского клуба методология, основанная на категориях «*мировоззрение*» и «*традиция-цивилизация*» для типологизации максимально развитых историко-культурных миров и национальных культур применительно к такому уникальному этнополитическому организму, как Россия, может оказаться очередной химерой и эклектичным конструктом, если собственно православные религиозные основания имеет лишь умозрительно и в ряду с другими¹. А. С. Панарин в свою очередь предлагал называть феномен цивилизации «великой традицией»: «Великая традиция — это способ интеграции этносов в цивилизационную общность, создающую большое пространство (общность ареала) и большое время (общность исторической судьбы)»². Однако полноценное понимание и осуществле-

¹ См.: Мировоззрение Русской цивилизации: путь к себе. Доклад Изборскому клубу группы экспертов под руководством В. В. Аверьянова // Общественно-политический журнал «Изборский клуб». Русские стратегии. — № 1 (119). — 2024.

² Панарин А. С. Похищение России // Москва. — 1997. — № 1. — С. 150.

ние «Великой традиции»³ русским народом, лидером российской цивилизации, невозможно без включения в систему понимания традиции **божественных энергий**, преобразующих социально-историческое и индивидуальное бытие. Для этого необходима категория соответствующего *Великого смысла*, заключающегося в «преодолении бесконечного расстояния между тварным и нетварным бытием в опыте человеческой истории», реализуемого Христом через исполнение *замысла* Божия о мире, осуществляемом в домостроительстве Благодати Божией о всём, направленное на спасение, освящение и обожение творения в Богочеловеке.

Как известно, исходным моментом *икономии* в православии является учение о нетварной Божественной благодати, сообщаемой человеку в целях его спасения. Причём только через Божественную благодать человек постигает действия Бога в истории, только через неё воспринимает само Божественное откровение. Учение о Божественной благодати или Божественных энергиях, нисходящих к человеку, ведёт к учению о домостроительстве (икономии) Святого Духа, который приходит в мир как ниспосланный Сыном: «Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин. 15:26). Свт. Феофан Затворник пишет: «...для того, чтобы совершилось спасение каждого человека в частности, необходимо, чтобы совмещенные в лице Господа потребности спасения перешли в каждого и им были усвоены. Сие последнее совершает Дух Святой. Словом благовестия возбуждает веру в силу крестной смерти Господа, и в купели крещения омывает верующего и от первородного греха и от всех произвольных, обновляя в то же время его духовную жизнь и делая ее сильной противостоять греху и преуспевать в добре»⁴.

³ Мировоззрение Русской цивилизации: путь к себе. Доклад Изборскому клубу группы экспертов под руководством В. В. Аверьянова // Общественно-политический журнал «Изборский клуб». Русские стратегии. — № 1 (119). — 2024. — С. 23.

⁴ См.: Лекции пр. А. И. Осипова, прот. А. Ю. Ткачева. Православие. Основы православия. Тема 139. Три главные идеи Библии. — URL: <https://m.ok.ru/group/52538759839833/topic/156636395429209> (дата обращения: 04.07.2024).

В докладе Изборского клуба заявлено о соединении культурной традиции и цивилизации в единый комплекс как схватывание сущности реальных социальных систем, снятие противоречия между сугубо «телесным» пониманием бездушности цивилизации как оболочки и «душевной» интерпретацией любой культурной традиции независимо от национально-культурных особенностей и исторических периодов как её ядра. Русская/российская культурно-цивилизационная альтернатива в наследовании традиции являет собой путь синтетический, преодолевающий антитезы основных диалектических оппозиций развития: сохранения и обновления как их «снятия».

Авторами мировоззренческого канона русской цивилизации предлагается предельный по масштабу социальный субъект обозначить термином «**традиция-цивилизация**». «Традиция-цивилизация» для них — это «аналог максимально развитой “национальной культуры”, “историко-культурного мира”, максимально развернутая традиция-система. Двойственная структура этого понятия (сочленение сферы традиции и сферы цивилизации) означает, что в нее входит весь комплекс цивилизационных явлений, включая технику, материальное производство, быт и т. д. Традиция-цивилизация — это “полная традиция” плюс все ее атрибуты и все оснащение, необходимое для существования на земле»⁵. Есть даже претензия авторов на «Канон», названный так видимо для придания тексту статуса религиозности и незыблемости. Однако, мировоззренческая саморефлексия, тем более православная религиозно-философская, требует цельности, непротиворечивости, где «дело закона ... написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их...» (Рим. 2, 15).

На наш взгляд, цивилизация и культура синтезируются в процессе наследования традиционной культуры, понимаемого прежде всего как интериоризация («овнутрение») существующих образцов национально-культурной самоидентичности в конкретных личностях, распределённая деятельность которых реализуется в общей судьбе цивилизации. Понимание традиции русской ци-

⁵ Мировоззрение Русской цивилизации: путь к себе. Доклад Изборскому клубу группы экспертов под руководством В. В. Аверьянова // Общественно-политический журнал «Изборский клуб». Русские стратегии. — № 1 (119). — 2024. — С. 21.

визации требует преодоления **двойственности**, не скрещение несовместимых материально-идеальных антитез, свойственных **диалектике** и субъектно-объектной логике, но обращение к **триединому** целостному пониманию социальной реальности — отечественной цивилизационной православной парадигме, аксиологическому методу и актологии, синтезирующей «материю с идеей», причём не в абстрактном «духе», а по Благодати.

Мы исходим из того, что ценности российской цивилизации как движущие силы истории и творчества выявляют себя на протяжении длительного исторического времени и закрепляются в сферах художественной народной культуры, приобретая форму традиции, в основе которой лежат духовно-душевно-телесные качества народа (природная данность, архетип), определённая направленность (смысл, духовная заданность первообраза) и конкретно-исторический способ осуществления (этнокультурная оформленность, завершённость, воплощённость творческой энергии). Закрепляемое в живой традиции и национальных символах художественное освоение жизни наполняет её глубоким содержанием, созидательным смыслом, преобразующей силой, имеющей спланивающую природу благодатной любви. Разрешение оппозиций сохранения и обновления традиции, общенационального и этнокультурного многообразия приемлемо для России лишь на цивилизационной основе как следование высшим эстетическим ценностям творчества в единстве с задачами нравственного воспитания и преображения, как культивирование в человеке целостного духовно-душевно-телесного акта, творящего Совершенное.

Логично рассуждение в двух плоскостях рассмотрения традиции в её развитии и роли в современных культурных процессах: 1) сосредоточиваться на выявлении и сохранении в её глубинной «вневременной» идентичности, воспитании духовно-нравственных ценностей, более последовательном и рефлексивном осуществлении ценностно-цивилизационного подхода, выявлении её структур, закономерностей и применении системообразующей актологической («деятельностной») модели наследования культуры; 2) актуализации культурной традиции в лице народных культурных традиций и классического искусства, формах воплощения её в современном культурном контенте.

Современные вызовы и угрозы культурному суверенитету требуют отмежеваться как от «изоцированной» эстетизации порока,

чуждой национальной традиции, так и от мимикрии под национальный колорит современных образцов и практик, отягощённых сугубо внешней парадностью и официозом, или от «креативных» поделок, позиционирующих себя, напротив, как отвечающих якобы «духу времени», но на самом деле являющихся рыночным бездарным «маскультом», китчем, ищущим «хайпа» и наживы.

Стоит задача преодоления угроз расчленённости сфер деятельности в практике наследования традиционного народного и классического искусства. Через максимальное продвижение наиболее ярких и талантливых его представителей выявлять высокие непреходящие ценности в творениях художников, создающих золотой культурный фонд нашего Отечества, всячески поощрять традицию и обновление на глубокой «теургической» основе, обеспечивать всемерную (экономическую, информационную, организационную) поддержку властью единого воспитательного социокультурного пространства (творческого, информационного, образовательного) живыми носителями (мастерами и учениками), которые продолжают традицию в её каноническом виде.

Здесь основные линии: **воспитание национальной идентичности**, передача опыта через воссоздание традиционного образа жизни, раскрытие привлекательного образа историко-культурного наследия на примере малых исторических городов в качестве туристических центров, функционирование культурно-природных комплексов, сохранение и продвижение народных традиций как духовно-эстетического и этнопедагогического феномена, формирование отношения к дореволюционному историко-культурному наследию как объектам национальной исторической памяти, неотделимой собственной личной судьбы и рода.

Необходимо **не только на словах, но на деле** относиться к отечественному духовно-философскому наследию не просто как к культурно-историческому прошлому, заслуживающему уважения, но как теоретико-методологической опоре в решении насущных познавательных и практических задач.

Важнейшей проблемой современного этапа является необходимость сохранения исторической памяти нации в формировании национально-культурной идентичности как традиции. Проблема национального идеала предстает как частично развитая, решение которой пока имеет неоконченный характер, поскольку отсутствует как единая точка зрения в научном сообществе, так и чёткое

представление на политическом уровне о сущностных особенностях национальной идеи России, её национально-культурной идентичности, хотя и сформулированной в виде перечисления традиционных российских духовно-нравственных ценностей в основах государственной политики по их сохранению и укреплению.

Следует подчеркнуть, что национальная идея была исторически выстрадана нашим народом, осознана и проговорена духовными подвижниками и пророками, художественно воплощена народными творцами, закреплена в национальном культурном наследии и творчестве. Возражение, что она не была воплощена полностью или искажалась, парируется тем, что это свойство любого идеала. Эта идея состояла в том, чтобы, говоря словами философа Ивана Ильина, «жить во всем самобытном многогласии своем в глубочайшей цельности и искренности — божественными содержаниями — в совершенной форме»; предполагала не миропокорение, миропочитание или мироотвержение, но соборное миропреображение как богочеловеческий процесс. Исторически это выражалось в осуществлении сильной военной и организационно крепкой иерархической государственности, реально-мистической церковности и богатом самобытном творчестве народа.

Современные культурный контент, художественные произведения должны быть ненавязчивы в своей морали, но благодаря силе конкретного образа и драматургии (событиям и жизненным перипетиям) органично вплетены в ткань современности, через историческую проблематику (история — это философия в примерах, наставница жизни) и преемственность нести вечные смыслы. Свобода в методах и формах подачи, яркость и типичность жизненных образов, профессионализм и мастерство эстетического воплощения способны «выпрямлять», преобразовать человека, побуждая восходить его к подобию божьего образа.

Сосредоточиваться на объёмах, количественных показателях культуры без внутреннего глубинного систематического духовно-нравственного воспитания и образования аудитории всех возрастов — значит переводить проблему лишь на более высокий уровень напряжённости, но не решения её в принципе. В границах меры эффективность воздействия здесь обратно пропорциональна частоте его употребления. Ключевая работа должна вестись на уровне смыслов, ценностных ориентаций, то есть в сфере духовной. Насильственное воспитание традиционных ценностей как

минимум бесполезно, вызывает раздражение вплоть до озлобления, открытого отторжения и протеста, лицемерное согласие или намеренное искажение, не говоря о тех, кто уже сформировался как законченный потребитель западных культурных образцах, то есть фактически выпал из национальной традиционной среды.

Воспитание духовных ценностей должно начинаться не с внешнего духовного, которое является «некомплиментарным», чуждым для спящего в человеке «духа», но опираться на уже данное душевно-духовное, духовным пробуждением «продолжаться», озаряя всю душу, и выходя за её пределы не иметь окончания. И здесь важнейшая проблема — недостаток в культурно-информационном пространстве контента, содержащего примеры личных конкретных достижений и преимуществ традиционного образа жизни, культурных образцов, воспевающих красоту в самобытных национальных формах. Почему замечательные примеры национальных достижений, поучительные уроки личных историй, знаковые события и вдохновляющие образы соотечественников на высоком профессиональном уровне и спокойном формате присутствуют на государственном ТВ прежде всего на канале «Культура» или на центральных в ночное время (и то крайне редко), а в прайм-тайм царит «гремучая смесь» из несовместимых новостей, развлечений экспертов на политических ток-шоу и советской киноклассики, не говоря о спортивных каналах или передачах о здоровье? Данная ситуация подобна тому, как если бы в квартире одни и те же хозяева в одной комнате молились, слушали Моцарта, любили друг друга, активно занимались физкультурой, а перейдя в соседнюю комнату, тут же ругались матом, распевали «блатняк», дрались, пили алкоголь и курили. Обращенные к традиции, медийные программы и проекты, появившиеся в последнее время после начала СВО (например, музыкально-развлекательное шоу «Песни от всей души» перестроившегося Андрея Малахова или «Жизнь своих» в дополнении к «Жизни чужих»), не способны изменить ситуацию, требующую коренного перелома. Тем более, если речь идет о молодежной аудитории, повально погруженной в Интернет и соцсети.

Здесь получается замкнутый круг и проблема, с одной стороны, рыночного характера экономики и принципа свободы выбора, а с другой — целенаправленного изменения её вкусов. Творческие интеллектуалы и блогеры, ведомые конъюнктурой, коммерческим

интересом или зарубежными заказчиками, паразитируют на низкой культуре мышления, отрыве молодёжи от национальной традиции, прикрываясь якобы близостью предлагаемого ими низкопробного культурно-информационного контента вкусам и потребностям народа. Но народная мудрость и традиция, закреплённые, в частности, в богатейшем фольклоре, всегда превосходили примитив псевдокультуры, с которой СМИ пытаются связать народную стихию, стиль и поведение, формируя ложные стереотипы. Выразителями якобы народного архетипа и, как следствие, «лидерами мнений» не должны становиться создатели убогого культурного контента и «попсы», персонажи с «психологией насекомых», всевозможные фрики, представители групп девиантного поведения. Ценности потребления и удовольствия, криминальная контркультура грозят подменить культурную идентичность русского человека, обращённую к героическим образцам и высоким нравственным идеалам. Другая сторона проблемы — повсеместное появление всевозможных «двойников», римейков, практика имитаций под национальное по причине как неспособности, так и нежелания творить в новых художественных формах, продолжать народные и классические традиции. Творческая импотентность и официоз дискредитируют национальную традицию, создавая иллюзию, что она исчерпала себя. Некомплиментарный с нею зарубежный культурный контент оказывается более конкурентоспособным и особо привлекательным для и без того утратившей свои национальные корни молодёжи, превращая её фактически в иностранцев на своей собственной территории.

Важнейшим методологическим условием решения этой проблемы является более решительный **воспитательный, просветительский и образовательный** поворот в сторону отечественных принципов **педагогики сотрудничества, лично-ориентированного и развивающего обучения**: мотивации (проблемности), саморефлексии (самооценки и самоконтроля); самостоятельной постановки познавательных задач, моделирования опорных сигналов, организации творческой квазиисследовательской и коллективно-распределительной деятельности, усвоения метода восхождения от абстрактного к конкретному, принципа опережающего обучения, т. е. работе организатора процесса культурнонаследования в зоне не столько актуального, сколько ближайшего развития аудитории; при формировании ценностей учёт наличного ведущего вида де-

тельности данной возрастной аудитории (социальной группы). Эти принципы носят не конъюнктурный, случайный, а фундаментальный академический характер, взаимосвязаны и предполагают единую внутреннюю ценностно-смысловую актологическую структуру процесса наследования, основанную на цельности и полноте всех компонентов деятельности, направленной на интериоризацию («овнутрение», усвоение личностью) традиционных ценностей.

В содержательном плане это полноценное усвоение традиционной культуры как **системы ценностей российской цивилизации** и предполагает единый целенаправленный образовательно-воспитательно-информационный процесс как культуронаследование на основе ценностно-цивилизационного подхода. Современное обострение цивилизационных конфликтов в условиях роста информационной свободы, идеологического плюрализма, культурного многообразия и манипулятивных технологий представляет вызов, требующий противодействия разрушению национально-культурной идентичности и преемственности поколений, что проявляется в стихийности наследования духовно-нравственно-эстетических традиций, разнородности их интерпретаций, несовместимых с ценностями российской цивилизации, нормальной психикой. Резкое обострение цивилизационного противостояния с Западом и отстаиваемые Россией высокие патриотические идеалы требуют эффективного их осуществления с учётом обоснованного мировоззренческого выбора, специфики творческих сфер, уважения прав личности, что предполагает наличие синтетических инновационных решений, органических моделей и механизмов, включающих деструктивное «совмещение несовместимостей». Ключевым здесь является «пробуждение встречного течения» против пошлости и масскульта, ориентация на наследование культуры как главного содержания культурного процесса вообще в его конечной ценностно-смысловой заданности с опорой на объективные исторические возможности и национально-самобытные развивающиеся формы осуществления. Сердцевиной процесса культуронаследования должно стать воспитание духовно-национального творческого акта, складывающегося из системы ценностно-рациональных знаний, искусных практических умений/навыков и глубоких личных смыслов, объединённых в единую систему традиционных для русской/российской цивилизации высоких духовно-эстетических нравственных ценностей и принципов деятельности.

С другой стороны, хотя «ценности не происходят ни из вещей (или реальных отношений), ни из субъекта... ценности — это сущности», а мир идеальных сущностей является их источником, сам по себе ценностей не порождает, более того, ценностное чувство человека может лишь привести в мир ценность, но не породить ее: «Ценность как таковая является производной. И если она налицо, то имеет абсолютный характер»⁶.

В основу проектирования единого ценностного содержания образования не может быть положена существующая данность образцов по причине растущей обновляемости знаний и полипарадигмальности наук. Также в современных условиях поликонфессиональности и полиэтничности светского государства не могут быть основой общенационального содержания образования в рамках формального права абсолютные ценности, постигаемые верой. В этих условиях единственным содержательно объединяющим и самым устойчивым фактором являются образы историко-культурного наследия, в которых ценности обретают статус реальности в меру их актуализации и интериоризации. При этом всегда следует иметь в виду возможность псевдодуховного «религиозного» содержания ценности и соответствующей традиции. «Трансцендентное Иное» может быть и Коммунистическим идеалом, и Духовным Абсолютом, и Научной парадигмой, — фактически любой идеей Совершенства, не исключая Трансгуманизма.

Отсутствие в современном мире (помимо религиозного искусства) образа самого личного Бога-Христа в творчестве и эстетических умпостроениях можно лишь объяснить (но не оправдать) фактом обмирщения мира и культуры. Еще В. М. Васнецов (из письма Е. Мамонтовой от 20 августа 1889 года) писал: «Идеалом искусства должно стать наибольшее отражение духа в человеческом образе. А где же и когда же Дух Божий отразился полнее, глубже, шире и могущественнее в человеческом образе, как не в Христе?!». И как быть с тем, что «в постклассической и неклассической культуре на рубеже XIX–XX вв. непосредственная целостность бытия воспроизводится формой превращенного религи-

⁶ См.: *Тынянова Т. Н.* К ценностно-ориентированному осмыслению культуры и культурфилософских дискурсов (Опыт критического историко-парадигмального исследования) // Электронное научное издание (альманах) «Пространство и Время». — Т. 16. — Вып. 1–2. — 2018.

озного сознания, имея мифологическую проекцию христианской идеи преображения: литургия превращается в теургию, личность художника — в демиурга»⁷, не говоря уже об эпохе постмодерна, являющегося в глазах православного человека просто умиранием искусства. Проповедь теургии как действия «человека совместно с Богом, — богодействие, богочеловеческое творчество» (Бердяев Н. А.), без реального богообщения на основе Благодати Св. Духа в условиях расчленённости сознания человека и общественного бытия приводит теперь искусство, творящее иной мир и бытие, фактически к демонизму. Ему можно и должно противопоставить эстетику метафизического реализма богочеловечества, синтезирующего в многообразном образно-символическом виде идею преображения мира и человека по образу и подобию Божию, пронизанную духом Христа.

Духовно укоренённая в национальном архетипе традиция может как выродиться, стать безжизненной, утратив связь с современностью, умереть, так и возродиться, в зависимости от духовных запросов общества, эволюции национальных ценностных ориентиров. Традиция может и должна сохраняться, воспроизводиться, актуализироваться, но можно ли и нужно ли говорить о необходимости развития духовно-эстетических традиций, их обновлении, если понимать под ними основополагающие принципы организации национально-самобытного творческого акта, его структурные компоненты, конечные цели и задачи, не мыслимые вне мировоззренческих установок, связанных с цивилизационными константами? Конечно, многое зависит от типа традиции, её функции и запросов общества. Развитие предполагает появление качественно нового, трансформацию в нечто иное, нетождественное данному, но не противоречащее его изначальной природе и предназначению. Представляется, что нужно сохранять старые традиции и создавать новые, но не взамен, а в дополнение старых, что отнюдь не приведёт к культурному обеднению. Синтезирующим началом здесь следует признать духовные ценности, которые носят надвременной абсолютный характер. В методологическом плане это означает переход к метафизике, согласно которой, говоря словами В. Соловьёва, надо следовать тройкой задаче искусства вообще: «1) прямая объективация тех глубочайших внутренних

⁷ Там же. С. 253.

определений и качеств живой идеи, которые не могут быть выражены природой; 2) одухотворение природной красоты и через это 3) увековечение ее индивидуальных явлений. Это есть превращение физической жизни в духовную, т.е. в такую, которая, во-первых, имеет сама в себе свое слово и Откровение, способна непосредственно выражаться вовне, которая, во-вторых, способна внутренне преображать, одухотворять материю или истинно в ней воплощаться и которая, в-третьих, свободна от власти материального процесса и потому пребывает вечно»⁸.

Колебания в истории русского искусства и эстетики между императивами нравственно-духовного совершенства (христианского благочестия) и телесности (материальной силы), каноничности (традиционализма) и новаторства (свободы творчества), анонимности и авторства не отменяли главных движущих сил и констант развития русской культуры: художественного символизма, софийности, соборности, которые подспудно, в сокрытом виде действовали даже в периоды богоборчества XX века.

Из всего сложного комплекса христианской традиции тринитарного и христологического богословия представляется важным то, что является самой сутью духовности, но внерелигиозным сознанием смешивается и игнорируется: две модальности во Христе, обуславливающие совершенную иерархию (власть священного), сочетающую божественное (ипостасность Сына и единосущность Троицы) и человеческое: будучи телесным, как все люди по природе, и безгрешным душой, в отличие от «первого» Адама, вмещавшего божественное лишь по подобию образа, но не по единосущности. Их сопряжение в одном дала Богородица («вторая Ева»), которая, будучи человеком, потенциально несла в себе возможность боговоплощения благодаря изначальной природе. Как известно, христианская традиция утверждает предназначение человека в обожении мира или его триадизации (любви). Марк Подвижник говорит: «Любовь есть отрешение от знаний противоположностей». Бог есть Дух и Бог есть Любовь. Ценность Любви обнаруживает себя в трёх необходимых свойствах: Благодатности (Предметности),

⁸ Соловьёв В. Общий смысл искусства [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. — URL: <https://ilibrary.ru/text/16/p.1/index.html> (дата обращения: 10.09.2019).

Жертвенности (Отдаче), Свободе (Самобытии), каждая из которых предполагает друг друга, но не отождествляется.

В сочетании современной рациональной мысли с духовной верностью опыту и текстам святых видится одна из главных задач на путях развития отечественной культуры и мысли (призванных стать христианскими). Патристическая философия фактически освятила употребление греческой понятийности в церковном богословском языке — и в этом смысле исключает критику «справа» самих попыток философски проецировать сущность божественной триады на человеческий план бытия и социум. Более того, эллинизм мог бы стать тем «универсальным видом христианской истины» (В. Н. Лосский), с помощью которого можно выразить на общезначимом научно-философском языке, содержащем «семена Логоса» (св. Иустин), непреходящие истины. Постмодернистская критика логоцентризма есть не результат современного прочтения сверхрациональности бытия (как часто это представляют), но обострённый сциентистским провалом смятенный нигилистический «крик о небытии» (А. Кутырев), отражение извечного противостояния реальному духу.

Диадически-диалектическая природа философского рефлексивного дискурса бессильна в выражении тримерной природы духовности, и модель обречена выстраиваться в логике христианской философии, согласно которой дух универсальнее субъектно-объектного и трансцендентно-имманентного. О нём можно говорить только с учётом триединства. Вне духа отдельные его части самобытны, несводимы одна к другой, но взятые по отдельности, разрушают дух, теряют свои способности. Цельность духа заключается в гармонии совместного действия его частей. Если этого нет, то дух деформируется и даже распадается⁹. Здесь возможность преодоления камня преткновения западной рационалистической философии — оппозиции «сущего и должного». В подражании происходит преобразование предмета в образ, которое приводит не к искажению сущего, но к возвышению над ним и катарсису. Образ всегда символичен, а символ, как известно, в первоначальном значении означал намеренно небрежно обломленную половину

⁹ См.: Позов А. С. Основы христианской философии. Ч. 1. Теория познания (Гносеология). — Мадрид, 1970. — 341 с.; Ч. 2. Диалектика. — Мадрид, 1970.

черепка, которую при расставании оставляли при себе, а другую отдавали партнёру. Символ, таким образом, служил выражению возможности при предъявлении узнать нечто другое по целому и, согласно греческому определению, означал «быть разделением единого и единением двойственности».

И. А. Ильин выразил историософию этого культурного процесса так: «Всеединство образуется именно здесь, через Божественную Благодать, связующую Бога и мир. Первый раз через нее явился мир в акте творения. Второй раз через Иисуса Христа произошло воссоединение мира и Бога в Духе. Теперь эта энергия в виде искры Божией, данной человеку, очеловечивается и индивидуализируется; и человек, предаваясь ей, теряет себя в ней, но тем самым и находит себя вновь преображенным. Далее, разжигая в себе целое пламя, человек превращается в несгораемую купину духа, творит сам, становясь личным светильником Его света. Так человек оправдывает свое существование и освящается в творчестве. Дальнейший путь человека — внести этот дух во все сферы человеческого бытия: семью, политику, право, национальные отношения, экономику, искусство, воспитание, труд — и творить христианскую культуру»¹⁰.

Любая *ценность* как метафизическая совокупность данности, заданности и осуществления имеет в себе две характеристики (модальности) — природную и образную. Данность основных исторических форм осуществления различна, но не бесконечна в своём многообразии и ограничена возможными вариантами. И опыт российской культурно-цивилизационной альтернативы в её отношении к другим (Востоку и Западу) является исторической иллюстрацией осуществления выбора между возможными альтернативами и подтверждает верность пути.

О вариантах культурно-цивилизационных синтезов и антитез более подробно см. в авторской монографии¹¹:

¹⁰ См.: *Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 т. — М., 1993. Т. 1. — С. 306–307.*

¹¹ См.: *Закунов Ю. А. Наследование духовно-эстетических традиций российской цивилизации в современных условиях : монография / Ю. А. Закунов. — М. : Институт Наследия, 2021. — 206 с. — URL: https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2021/05/zakunov_nasledovanie_s-obl.pdf (дата обращения: 04.07.2024).*

1) *Разъединение народов при однородности духа и разнородности предметных сфер культуры — **мнимая антитеза**, маскирующая возможно подлинный синтез.* Пример: взаимодействие народов и культур, у которых исторически сложилась одна духовно-цивилизационная ценностная основа, но имеет место разнородность сфер, богатство различных образов и объектов культуры. Методологическая подмена состоит в неразличении духа, образа и природы культурных сфер. Сражение происходит в сфере конструирования образов, мнимость которых состоит не столько в их идеальности, субъективности (образы всегда будет продуктом творчества), сколько в их отрыве от духовного предмета, его игнорировании, неразличении, смешении с плотью культуры. Так взамен обоснованному курсу на взаимное обогащение и сближение предлагается смешение «культуры и духа», их неразличение.

2) *Объединение при разнородности духа и однородности природ — **мнимый синтез**, маскирующий подлинную антитезу.* Пример: стремление объединиться России с Западом на основании внешних культурных признаков и общих предметных сфер, конструирование политико-экономических союзов и идеологических моделей без понимания их обречённости на неустойчивость и недолговечность по причине духовной несовместимости. Искусное формирование и трансляция привлекательных «культурных» образов, «идеальных типов», соблазнительных для русской страстной души, но чуждых русскому духу.

3) *Объединение при однородности духа и однородности предметных сфер культуры — вариант **мнимого синтеза**,* предлагаемый тоталитарными обществами, который приводит к формированию однообразия культурной жизни. Современное стандартизированное общество массовой информации и постмодерна ведёт к иллюзорному виртуальному разнообразию.

4) *Разъединение при разнородности духа и разнородности предметных сфер культуры — **подлинная антитеза**, призванная к выявлению.* Она предполагает формирование разнородных образов, выявляя духовную несовместимость и обличая чуждый дух.

5) *Объединение при однородности духа и разнообразной однородности предметных сфер культуры — **подлинный синтез**, призванный к осуществлению, чаемое «единство в многообразии».* Возможен лишь на основе качественной предметности духа, его благодатности.

Из всех оснований типологизации культуры и цивилизации представляется оправданным лишь одно — духовно-нравственное, акцентированное в конкретно-исторической реальности. Для России это справедливо как ни для какой другой страны. Любые основания: территориальные, биологические, языковые, религиозные, идейно-политические, экономические или их комбинации (геополитические, национальные и пр.) — не более чем абстрактные конструкты и мифологемы, неспособные справиться с многофакторностью и *метафизической* природой историко-культурного процесса, чтобы стать стратегическим инструментом в решении тех или иных задач.

Традиции русского искусства создают новые совершенные формы и образы, соответствующие высшему духовному предмету, на который всегда ориентировалось собственно русское искусство в лучших своих достижениях. Это вечный поиск духовного, преобразующего начала в культуре и искусстве — как на теоретическом, так и на художественном уровнях. Здесь теургия как выведение художественного творчества за пределы собственно искусства в жизнь, преобразование самой жизни по эстетическим и духовным законам творчества, опирающегося на божественную силу. Отсюда закономерно следует непреходящее значение образов культурно-цивилизационного наследия, которые являются связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим в самосознании нации. Через их воссоздание, интерпретацию, презентацию и репрезентацию оживает и творится новое бытие как процесс преобразования. Духовная полнота, богатство образов историко-культурного наследия народа позволяет находить в них каждому своё, вдохновляться на поиск оригинальных форм, открывать ценность новых смысловых граней, достигать совершенного физического исполнения и материального воплощения. Здесь важно соблюсти меру, не соблазниться как лёгкостью его «переписывания», «копирования» в ущерб творческому воплощению и современному оживлению, так и «переинтерпретации» его смысла в ущерб изначальному духовному содержанию в погоне за «творческой новизной» или конъюнктурой.

Попробуем обозначить основные критерии их полноценной репрезентации, учитывая, что полноценность эта зависит от множества факторов: личностного (индивидуально-психологического, мировоззренческого и пр.), коммуникативного, ситуативного

и пр., которые являются хотя и необходимыми условиями репрезентации, но всегда недостаточными. Для того чтобы вырастить урожай, необходимо много условий: плодородная почва, тепло, солнце, влага и пр. Однако даже при наличии всего этого может ничего не вырасти, если не посадить нужное семя, более того, вырастет, к примеру, прекрасный борщевик, если не знать, что он ядовит. Поскольку речь идет о культурно-цивилизационном наследии, то есть достижениях культуры и искусства, имеющих общенациональное культурное значение в цивилизационном измерении, то просто исторического и культурологического измерения недостаточно. На помощь приходят историософия и метафизика. Важнейшая закономерность полноценной репрезентации состоит не во внешнем копировании образца (традиционный миметический способ производства текстов остался в прошлом), но в понимании внутреннего механизма его создания. В процессе коммуникации (восприятия и представления образа) необходимо создание условий, при которых возможно аутентичное воспроизведение и усвоение сущностных системообразующих элементов. Тем более это актуально в современном контексте, когда мир усваивается человеком преимущественно через репрезентации, а их конструкции, являясь во многом идеологическим процессом, заменяют реальность. В репрезентации культурного наследия подражание должно быть не существу, а возможному; нести в себе не единичное, а всеобщее. Отсюда вывод: в идеале — не полный отказ от мимесиса (который внешне невозможен в принципе), но подражание в **образе**, в котором происходит подлинное преобразование предмета, приводящее не к искажению сущего, но к возвышению над ним и катарсису.

Каковы же внутренние константы этого акта репрезентации (подражания)? Представляется, что они сродни трём основным компонентам творческого акта, воплощённым в творениях культуры и искусства, описание которых дал выдающийся русский философ И. А. Ильин¹². Суть русского искусства в выражении (презентации) объективно существующего духовного мира, констатация реальности контакта художника с высшим миром в процессе художественного творчества, достижение цельности («художествен-

¹² См.: *Ильин И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. Кн. 1. — М., 1996.*

ности», по И. А. Ильину), которая и является основной ценностной характеристикой произведения, любого творения культуры. Это соответствие друг другу воплощённых в произведении трёх компонентов творческого акта — духовного предмета (высших ценностей); чувственного образа (зрительного, звукового и т. д.); эстетической материи (музыки, изображения и т. д.) — делает его доступным для восприятия другими. Цельность складывается из их единства и иерархичности: подчинённости материи требованиям образа, а образа — требованиям духовного Предмета, открывающегося в созерцании и олицетворяющего как бы «высшую власть». Если эта иерархия нарушается, подлинного искусства не возникает. Эти же принципы духовной иерархии и целостности должны сохраняться и в акте репрезентации. Важна соотношение основных структур представляемого образа друг другу, его содержательная насыщенность, глубина, но отнюдь не полисемантичность. Полноценность образа, вопреки постмодернистским установкам, видится не в многообразии духовных установок и интерпретаций, но в разнообразии репрезентаций и богатстве форм выражения. Именно единство духовной сферы бытия, предполагающее общность ценностей и интенциональность, является условием полноценности культурной жизни, её многообразия и воспитания творческой личности. Конечно, важна фактура и пластика, наглядность, внешний облик репрезентации образа наследия. Но они есть прежде всего средства выражения самого существенного в образе: это соответствие не просто отдельным элементам и внешней форме, вызывающим ощущение так называемой исторической аутентичности, живости исторических событий и героев, — но воспроизведение главной идеи (ценности), наиболее ярко выраженной и сосредоточенной в образе.

Сами по себе образы занимают особое положение между высказываниями языка, которые призваны передавать сообщение, и природными вещами, смысловые значения которым придаёт человек. Смысл самого образа носит невербальный характер, поскольку природа слова условна и абстрактна, тогда как образ всегда конкретен. Он тем совершеннее, чем более ёмок, то есть насыщен собственно духовным содержанием, но отнюдь не полисемантичен, то есть объём не в количестве приписываемых ему символических значений, а глубок в качественном содержании, позволяющем открывать и создавать бесконечное множество его

репрезентаций. Стимулирует фантазию художника, учителя или аудитории не просто текст, но содержащийся в нём художественный образ, который вызывает множество вариантов его наглядного представления. Действительно, «с помощью изображения никак нельзя реконструировать текст, равно как и нет никакой возможности текстуально-словесно передать все детали изображения»¹³. Но это — лишь разные формы восприятия образа — текстологическое (абстрактно-логическое, идеологическое) или изобразительное (чувственное, идеографическое). Опускание образа на уровень значения делает его лишь символом некоей идеи, подкрепляемой художественностью и чувственным восприятием; так же как и сведение его к чувственной наглядности, предметности, — делает его сугубым «изображением» в звуке или краске, подкрепляемым типичностью. Но в обоих случаях имеет место неполноценность в осуществлении образа, если он не восходит к своему духовному естеству — первообразу, гармонично сочетающему предметно-чувственное и абстрактно-логическое в духовном акте творческого воображения. Только в этом случае оправдано говорить, что он несёт в себе воспитывающую, формирующую мировоззрение силу. Отсюда принципиально важным становится раскрытие смысла создаваемого образа, который одновременно дан, задан и призван к осуществлению — не просто воспроизведению, но творческому оживлению, исполнению, бесконечному рождению в процессе коммуникации (общения) и поведения. Смысл обретает онтологическую силу ценности лишь тогда, когда соединяется с предметностью и находит адекватную совершенную форму, становится «намеренным значением», «интенцией». Во многом решающее слово здесь остаётся за интерпретатором и организацией процесса культуронаследования как коммуникативного, целенаправленного, просветительского, образовательно-воспитательного.

Объединение, сила, эффективность *образа* зависит от синергии, цельности компонентов, преодоления антитез, их карикатур, «двойников». Человеческое сознание боится несовместимых понятий, когда происходит как бы «короткое замыкание». Слово — знак (символ), заместитель понятия — возникло как «снятие»

¹³ См.: *Прот. Стефан Ванеян*. Панофский, Гомбрех и смысл значения в искусстве и иконологии // Вестник ПСТГУ. Серия V : Вопросы истории и теории христианского искусства. — 2013. — Вып. 1 (10).

противоречия между несовместимыми сигналами. Поскольку знак несовершенен в силу своей многозначности (один и тот же знак может обозначать разные предметы, также и наоборот), что вызывает коллизии (алогизмы, нарушения законов логики, смех, пародию, парадоксы), он призван стать «образом», в котором есть возможность соединения несоединимого, что не вызывает внутреннего конфликта: здесь уже другая онтология и модальность — **софийная**. Как было подчёркнуто, в культуре деятельности она троичная. В трёх модальностях цельности: *заданности* (принцип **духовно-ценностной содержательности**: истина — красота — добро), *данности* (принцип **душевной равночестности**: ум — чувства — воля) и *осуществления* (принцип **определённой иерархии**: идея — образ — техно).

Современные арт-практики, отойдя от отечественной духовно-эстетической традиции, стали агрессивным вызовом русской культурной идентичности, разрушили границы классического и традиционного миропонимания красоты, стали специфической деятельностью, в процессе которой конструируются «новые миры», что приводит к изменению культурных стандартов, трансформации внутреннего мира человека, формированию новых сверхнациональных антитрадиционных систем ценностей и идеалов. Возникла ложная оппозиция: традиционное и классическое стали противопоставлять современности, всему новому, создалась иллюзия, что традиция и классика с современностью несовместимы. Следствием этого стало создание противникам актуального радикального искусства образа ретроградов, невежд и утвердившаяся практика финансирования современного искусства, прежде всего, в его антитрадиционном варианте или всего, что пользуется высоким «народным» спросом, безотносительно к ценностному содержанию и художественным достоинствам.

В практике употребления понятия «современное искусство» имеет место сразу несколько логических ошибок. Возникла коллизия, когда неправы обе стороны: критики современного «постмодернистского» искусства понятие «современный» трактуют в смысле «временном», а не содержательном, при этом имея в виду антихудожественную ценность «двойника», а сторонники постмодерна и арт-практик понятие «современный» интерпретируют как «антитрадиционный», «неклассический», «нетривиальный»,

при этом полностью отказывая в необходимости содержательно-эстетической оценки произведения.

На самом деле классика и традиционное искусство противостоят в существенном отношении не современному искусству, а революционному (радикальному), позиционирующему себя как актуальное (якобы «современное»), а фактически конъюнктурное, новационистское, прикрывающее часто псевдоромантической революционностью свою творческую немощь и пошлость. Оно потому и кричит о своей «актуальности», поскольку уже обречено на небытие. Классика и традиция живут именно в современности, поскольку, обладая неисчерпаемым потенциалом для творчества, предлагают действительно актуальные вечные образы, яркие и цельные, которые будут всегда востребованы, способные вдохновлять.

Неверен и тезис противников современных «эпатажных» арт-практик, что всё «современное искусство — не искусство». Тем самым они идут у них на поводу и проигрывают, поскольку в этом случае могут «вместе с грязной водой выплеснуть и ребёнка». Ведь искусство старых мастеров и школ поначалу было новацией, часто не принималось, а любая традиция имеет начало, с чего-то зарождается, причём часто — в борьбе с тривиальным, отжившим.

Государство должно поддерживать всё новое лучшее и сохранять наследие — лучшее старое, оставлять историкам принадлежащее прошлому, включая старое бездуховное, и активно бороться с современной радикальной бездуховностью и воинствующим новационизмом, антиэстетизмом, вседозволенностью и бессмысленностью «актуального современного» искусства, актуального для «бескультурной» массы и псевдодуховной элиты. Должен быть здоровый консерватизм в сочетании со свободой творчества, вдохновением. Принципиально в оценке того или иного направления различие временного (старого и нового), ценностно-содержательного — творчески-преобразующего (духовно-содержательного, свободного, уникального, чувственно-воспринимаемого, прекрасного, технически-совершенного), бездуховного (бессодержательного, нравственно-индифферентного или пошлого, ординарного, стандартного) и различных модусов искусства (народное / авторское, революционное / консервативное, элитарное / эгалитарное и т. п.), не говоря уже о жанрах и видах.

Таким образом, должна быть всемерная государственная поддержка традиционного искусства и классики, художников и творческих проектов, которые воплощают духовно-нравственные ценности российской цивилизации, выявляют в современных фактах действительности черты божественных первообразов и логику духовной брани, побуждают к преображению. Традиция и классика не просто совместимы с современностью, но более того, только и могут считаться таковыми, поскольку конкретизируют вечные ценности, актуальны для всех времён и народов. Создание благоприятных организационных и финансовых условий для этого важнейшая задача культурной политики, всё более обнаруживающей свою духовно-цивилизационную сущность.

Zakunov Yu. A.,

*PhD, Associate Professor, Head of the Center
Russian Scientific Research Institute for Cultural
and Natural Heritage named after D. Likhachev
zakunov.yuri@mail.ru*

MODERN PROCESSES OF INHERITANCE OF CULTURAL TRADITION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CIVILIZATIONAL ALTERNATIVE

Abstract. For the values of Russian civilization, the most important is the inheritance of cultural tradition, understood and implemented as a holistic educational and informational process based on the value-civilizational approach and Orthodox spirituality in the unity of the spiritual and value content of tradition (truth – beauty – good) and its actualization in the person of folk and classical art, its embodiment in modern cultural content.

Keywords: *inheritance of culture, images of heritage, Russian tradition and civilization, Christian Trinitarianism, values, spiritual synthesis, transformation, modern threats to cultural tradition*

Клюев Александр Сергеевич,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры музыкального воспитания
и образования РГПУ имени А. И. Герцена,
ведущий научный сотрудник сектора
актуальных проблем современной
художественной культуры РИИИ,
г. Санкт-Петербург

О РУССКОСТИ РУССКОЙ МУЗЫКИ

Аннотация. В статье указывается, что для того, чтобы говорить о русскости русской музыки, необходимо для начала определить, что такое русскость. Подчёркивается, что это может сделать только человек, являющийся носителем русскости и кого на этом основании можно назвать русским человеком. Отмечается, что русский человек — православный и для него русскость есть Сияние Силы и Славы Божией.

В соответствии с пониманием русским человеком русскости разъясняется, что русскость русской музыки обусловлена действием древнерусского православного пения — знаменного пения, воссиявшего Светом русской музыки. Обозначаются три яркие вспышки (зарева) этого воссияния, последовательно возникшие в трёх типах русской музыки: светской, церковной и светско-церковной.

В заключение акцентируется роль колокольного звона в русской музыке. Заявляется, что колокольное звучание, используемое в русской музыке, — наиболее яркое, сверкающее воссияние знаменного пения, а значит, самое мощное выражение русскости русской музыки.

Ключевые слова: *русскость, русский человек, русская музыка, знаменное пение, колокольный звон, Бог, Православие.*

Сегодня разговор о русскости, в том числе о русскости русской музыки, чрезвычайно актуален. К сожалению, в наши дни у многих русскость вызывает раздражение (почему? — это отдельная тема, которую, разумеется, сейчас нет возможности обсуждать). Зададим вопрос: *что такое русскость?*

На первый взгляд, кажется, что ответ на этот вопрос лежит на поверхности: русскость — некое свойство, качество национальности: по национальности русский — носитель русскости. Но здесь

не всё так просто. Огромное число русских по национальности, особенно в наши дни, не являются носителями русскости и, наоборот, некоторые нерусские по национальности — французы, немцы, бразильцы — являются носителями русскости. *Так что же такое русскость?*

Думается, ответ на этот вопрос может дать именно тот, *кто является носителем русскости*, и кого, на этом основании, по праву можно назвать *русским — русским человеком* (вводим новую категорию: «русский человек», то есть придаём русскому человеку онтологический статус). *Кто же такой русский человек и как он понимает русскость?* (Очень важно подойти к пониманию русскости именно с этой позиции. Только русский человек, то есть носитель русскости, сможет ответить на вопрос: что же такое русскость. Напомним фразу Гёте: «Чтобы понять поэта, нужно войти в его область».)

Черты русского человека отчётливо обозначили святители Руси: Сергей Радонежский, Нил Сорский, Максим Грек (кстати, Максим Грек — грек по национальности). Особенно ярко и лаконично их сформулировал преподобный Нил Сорский в своём «Уставе скитской жизни». Вот они:

- бегство от внешнего к внутреннему;
- нестяжательство;
- чистота помыслов;
- любовь к ближнему;
- жажда встречи с Богом (идея спасения) [11].

Очевидно, что русский человек — религиозный человек (Homo religiosus), а поскольку он русский человек, и, значит, его Родиной (в буквальном, физическом, или духовном смысле) является Россия, в которой главенствующая религия — Православие, *это человек православный*.

То, что русский человек — православный, утверждали многие выдающиеся русские, обладавшие русскостью, писатели, учёные. Например, Ф. М. Достоевский подчёркивал: «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нём и у него ничего нет — да и не надо, потому что Православие всё... Кто не понимает Православия — тот никогда и ничего не поймёт в народе. Мало того; тот не может и любить русского народа, а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть» [6, с. 64]. А однажды он даже отождествил: «Что православное, то русское» [5, с. 173].

Таким образом, для русского человека русскость связана с Православием. *Но что такое Православие для русского человека?* (серьёзнейший вопрос, ведь Православие исповедуют не только русские, но и другие народы: сербы, греки, румыны, эфиопы, не говоря уже о грузинах, молдаванах, белорусах и украинцах).

Итак, вопрос о том, что такое Православие для русского человека — чрезвычайно важный (и, надо сказать, чрезвычайно сложный. Неслучайно даже у религиоведов существуют разные ответы на него). Попробуем предложить свой ответ. У нас он развивается как бы по принципу *крещендо*, используемому в музыке.

Мы полагаем, *Православие для русского человека есть Сила Бога* (христианского Бога в единстве трёх Его Ипостасей: Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святого), которая превосходит силу земли (природы), что, в частности, выражается в способности Бога повергнуть смерть («...смертию смерть поправ»). И поскольку в сознании древних русских людей импульсы земли были связаны с поведением языческих богов — Перуна, Велеса и других, неудивительно, что приведший Русь к Православию князь Владимир превосходство Силы Бога над силой земли выразил тем, что на холме, где ранее находился жертвенник Перуна, воздвиг храм в честь своего небесного покровителя — святого Василия Великого.

У русского человека Сила Бога — одновременно и Слава Бога. Показательно, что в молитве «Отче наш» — главной молитве не только христиан, но и иудеев (у иудеев она именуется «Авину мálкену»), и мусульман (мусульмане её именуют «Аль-Фáтиха»), именно в православной её версии молитва завершается словами:

[Ибо] *Твое есть царство, и сила,
и слава во веки веков. Аминь.*

(Эти заключительные слова молитвы, безусловно, «Хвала, Славословие Творцу!»)

Наконец, *для русского человека Сила и Слава Бога заключены в Свете Бога* (нетварном Фаворском Свете, явившемся апостолам на горе Фавор), который Бог по воле Своей благодатно излил на Русскую землю, дабы Русская земля сохраняла и утверждала в мире Его Силу и Славу и светилась Его Светом.

И вот, прояснив понимание русским человеком Православия, пожалуй, уже можно сказать, что такое для русского человека рус-

скость. Для русского человека русскость есть Сияние Силы и Славы Божией.

Определив русскость (для русского человека), попробуем выяснить, как она заявляет о себе в русской музыке.

Поскольку русскость связана с Православием (взрастает и утверждается в лоне Православия), очевидно, что при разговоре о русскости русской музыки речь должна идти о *православной музыке*. Иными словами, в первую очередь, о *знаменном распеве, или знаменном пении, то есть молитвенном пении в православном храме*. (В основе знаменного пения лежит русская народная лирическая песня. По сути, знаменное пение — русская народная лирическая песня, принявшая христианство, Православие.) Сразу возникает вопрос: *а музыка ли знаменное пение, или это особым образом выраженная молитва?*

На этот счёт существуют две точки зрения. Согласно первой, принадлежащей в основном священнослужителям, но и некоторым исследователям богослужебного действия, знаменное пение — род молитвы. Эту точку зрения наиболее чётко выразил В. И. Мартынов. По суждению исследователя, материалом, составляющим содержание знаменного пения, является слово, и при его пропевании используется некая тонаема, «которая обозначает не какой-то конкретный звук, а переход с одного звуковысотного уровня на другой или постоянное пребывание на одном и том же уровне» [10, с. 109].

В соответствии со второй точкой зрения, отстаиваемой композиторами, регентами и певцами церковных хоров, а также некоторыми богословами, знаменное пение — вид церковной музыки. Так, например, считает известный богослов В. Н. Лосский. Как отмечает Лосский (кстати, в работе, текст которой в виде приложения приводится в одной из книг Мартынова!), в знаменном пении, при всём значении слова, предопределяющая роль принадлежит музыке. «Евангельское послание, — указывает Лосский, — это... слово, [которое]... может быть лишь “ссылкой” на более существенное слово — ...Воплощённое Слово. “Литургическое” слово — проповедь... которая... не терпит “тщетных слов”, не прошедших семикратного очищения огнём. Музыка призвана служить именно этому очищенному слову, связывающему со Словом Божиим...» [9, с. 237]. (Автор этих строк поддерживает точку зрения.)

Особенно глубоким, сакральным содержанием обладает знаменное пение в момент исполнения *«Херувимской песни»* во время Божественной Литургии. В этот момент поющие в храме уподобляются поющим на небе ангелам (поэтому пение в храме называется *ангелоподобным*). При этом поющие на небе ангелы светятся и становятся всё более просветляющимися, приближаясь к Источнику Света — Богу! Как пишет святитель Григорий Палама: «[Ангелы] являются светом, и всегда исполняются светом, и сами становятся всё более и более светящимися... в радости ликуя близ Первого Света...» [4, с. 224]. Значит и уподобляющиеся ангелам поющие в храме тоже становятся всё более и более светящимися, сияющими...

Знаменное пение существовало в Православном богослужении до середины XVII века, после чего было заменено партесом. Но что поразительно: знаменное пение не ушло, не угасло. Оно, как некогда легендарный град Китеж, погрузившийся в озеро Светлояр, погрузилось в глубину истории, чтобы оттуда, из глубины веков, лучезарно воссиять Светом русской музыки!

Как нам представляется, это воссияние имело три яркие вспышки (зарева), последовательно проявившиеся в трёх типах русской музыки: *светской, церковной и светско-церковной* (светско-церковная музыка, собственно, — «третий пласт» русской музыки, воспользуемся понятием «третий пласт», предложенным В. Дж. Конен для характеристики совершенно другой музыки).

Первой вспышкой, что любопытно, возникшей именно в светской (!) музыке, стала опера М. И. Глинки *«Жизнь за Царя»* (*«Иван Сусанин»*) (1836). Каким образом?

Отметим, что работе Глинки над оперой предшествовала его работа над *«Херувимской песней»* (которую он создавал, ориентируясь на традиции русского церковного пения).

Над *«Херувимской песней»* Глинка начал работать в 1828 году, но не закончил, не написал заключительную часть — *«Яко да Царя»*, живописующую ожидание и обретение Царя Небесного, а принялся за создание оперы *«Жизнь за Царя»* в финале которой — *«Слався»*, по сути, осуществил замысел *«Яко да Царя»* (совпадение и мелодического материала и тональности — До мажор). По мнению Натальи Бекетовой, *«Слався»* — изначально был внутренним сюжетом оперы, «запрограммированным» ещё

“Яко да Царя”» [1, с. 59–60]. (Впервые «Херувимская песня» Глинки в полном виде была исполнена Придворной певческой капеллой в 1837 году, то есть через год после премьеры «Жизни за Царя»).

Второй вспышкой, обнаружившейся в церковной музыке, стало сочинение П. И. Чайковского «Литургия Святого Иоанна Златоуста» (1878). Как отмечал Чайковский, создавая это произведение, он мечтал о возрождении в Русской православной церкви «исконного церковно-русского пения» [16, с. 272].

Чайковский применяет в «Литургии» элементы антифонного звучания разных хоровых составов, стремясь сочинять в традиции и духе богослужебного пения, опирающегося на антифонное (ангелоподобное) пение.

Особенно выразительна в «Литургии» «Херувимская песнь» (№ 6-й), в которой он следует «Херувимской песне» Глинки. (Только если у Глинки «Херувимская песня» — в До мажоре, у Чайковского — в Ми миноре — Си мажоре.)

Финал «Херувимской песни» Чайковского — «Аллилуйя» — звонкий, яркий, блестящий, причём композитор многократно превышает допустимое число «Аллилуйя». В обиходной «Херувимской песне» обычно бывает только три «Аллилуйя», у него — 11! По точной мысли Евгения Тугаринова, «Чайковский распевает “Аллилуйя” 11 раз, чем выражает некую символику бесконечного ликования» [15].

Третьей вспышкой, внутри светско-церковной музыки, явилось сочинение Г. В. Свиридова «Песнопения и молитвы» (1980–1997). Это произведение исполняется на сцене, но имеет глубоко литургический смысл (написано на слова из литургической поэзии). Как пронизательно отмечала Ирина Бровина, строение «Песнопений и молитв» «вызывает ассоциации с вариантностью и разомкнутостью церковной службы, где каждое песнопение представляет собой элемент в структуре более высокого порядка» [2, с. 110].

В соответствии с традицией антифонного (ангелоподобного) пения в некоторых песнопениях Свиридов использует разделение на два хора. Одна часть хора — меньшая по составу, возможно, «прихожане», другая — большая, возможно, «ангелы». И, конечно, Свет. Благодаря особой ладовой организации песнопений, где лады мажорного и минорного наклона сливаются в один лад,

в них возникает эффект, названный Юрием Паисовым эффектом «таинственного свечения хоровых созвучий» [12, с. 185].

По словам Свиридова, с помощью этого эффекта «нарисовано лицо сильной выразительности или... Божественный лик» [13, с. 245].

И последнее.

В русской музыке всегда, на всех её исторических этапах, активно использовался *колокольный звон*. Вне всякого сомнения, *колокольные звоны — характернейшая черта русской музыки*. Как восклицал В. В. Стасов: «В который это раз являются у нас *звоны*: без них русская школа жить не может...» [14, с. 349]. А Борис Асафьев сетовал на то, что «до сих пор сравнительно мало обращалось внимания на присутствие в (музыке. — А. К.) русских композиторов... колокольного звона» [3, с. 13]. *С чем это связано?*

Дело в том, что колокольный звон — наиболее яркое, сверкающее воссияние знаменного пения в русской музыке. А поскольку это так, то, значит, *колокольное звучание, используемое в русской музыке, — самое мощное выражение русскости русской музыки*. (Больше о нашем понимании русскости русской музыки см. в авторских работах: [7; 8].)

Литература

1. Бекетова Н. В. Глинка – Мусоргский: Гармония и кризис русского исторического бытия // Южно-Российский музыкальный альманах. — 2021. — № 1 (42). — С. 55–62.
2. Бровина И. В. Поэтика «Песнопений и молитв» Г. В. Свиридова и древнерусская певческая традиция // Музыка во времени и пространстве: памяти Г. В. Свиридова. «Песнопения и молитвы» Георгия Свиридова в контексте современной духовной культуры России (23–25 сентября 2003 г., Курск) : Материалы открытой Всероссийской научной конференции. — Курск : Изд-во КГУ, 2007. — С. 108–121.
3. Глебов И. Чайковский. 1840–1893: Опыт характеристики. — Пг. : Светозар, 1922. — 62 с.
4. Григорий Палама св. Омилии (беседы). Часть 1 / Пер. с греч. Архимандрита Амвросия (Погодина). Репринт. изд. — М. : Паломник, 1993. — С. 223–230.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 24. — Л. : Наука, 1982. — 518 с.

6. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 27. — Л. : Наука, 1984. — 463 с.
7. *Клюев А. С.* 10 статей по русской философии музыки : Сб. статей [Материалы к курсу «История русской философии»]. — СПб. : Изд-во РХГА, 2023. — 102 с.
8. *Клюев А. С.* Русская философия музыки : Статьи 2010–2020-х годов. — М. : Прогресс-Традиция, 2024. — 240 с. [В несколько сокращённом виде данная работа была опубликована в Чехии на английском языке: *Klujev A.* Russian Philosophy of Music: 2010s and 2020s articles (Transl. from Russ.). — Ostrava : Tuculart Edition & European Institute for Innovation Development, 2023. — 154 p.]
9. *Лосский В. Н.* Богословские основы церковного пения // Мартынов В. И. История богослужебного пения : Учебное пособие. — М. : РИО Федеральных архивов ; Русские огни, 1994. — С. 233–238.
10. *Мартынов В. И.* Пение, игра и молитва в русской богослужебной певческой системе. — М. : Филология, 1997. — 205 с.
11. Нил Сорский, преп. Устав и послания / Составление, перевод, комментарии, вступ. статья Г. М. Прохорова. — М.: Институт русской цивилизации, 2016. — 240 с.
12. *Паисов Ю. И.* Мотивы христианской духовности в современной музыке России // Традиционные жанры русской духовной музыки и современность : Сб. статей, исследований, интервью / Редактор-составитель Ю. И. Паисов. — М. : Композитор, 1999. — Вып. 1. — С. 150–189.
13. *Свиридов Г. В.* Музыка как судьба / Составитель, автор предисловия и комментариев А. С. Белоненко. — 2-е изд., дораб. и доп. — М. : Молодая гвардия, 2017. — 795 с.
14. Страницы жизни Н. А. Римского-Корсакова: Летопись жизни и творчества / Авт.-сост. А. А. Орлова и В. Н. Римский-Корсаков ; вступ. статья А. А. Орловой : в 4-х вып. Вып. 2. 1867–1893. — Л. : Музыка, 1971. — 375 с.
15. *Тугаринов Е.* Духовное творчество П. И. Чайковского как отражение его религиозности. — URL: <https://rusregent.ru/library/statio-regentax-i-czerkovnyix-horax/chajkovskij.html> (дата обращения: 06.12.2023).
16. *Чайковский П. И.* Полн. собр. соч. : в 63 т. Т. 63 / Вступ. ст. Л. З. Коробельниковой и М. П. Рахмановой; примеч. М. П. Рахмановой. — М. : Музыка, 1990. — 279 с.

Klujev Aleksandr Sergeevich,

Doctor Habil. in Philosophy,

Full Professor of the Department

of Music Upbringing and Education,

The Herzen State Pedagogical University of Russia,

Leading researcher of the sector Actual problems

of contemporary art culture

of the Russian Institute of Art History,

Saint Petersburg,

Russia,

e-mail: aklujev@mail.ru

ABOUT THE RUSSIANNES OF RUSSIAN MUSIC

Abstract. The article indicates that in order to talk about the Russianness of Russian music, it is necessary to first determine what Russianness is. It is emphasized that this can only be done by a person who is a native speaker of Russianness and who on this basis can be called a Russian person. It is noted that the Russian person is Orthodox and for him Russianness is the Radiance of the Power and Glory of God.

In accordance with the Russian person's understanding of Russianness it is explained that the Russianness of Russian music is conditioned by the action of ancient Russian Orthodox singing – znamenny singing, which shone with the Light of Russian music. Three bright flashes (glows) of this radiance are indicated, which have consistently appeared in three types of Russian music: secular, ecclesiastical and secular-ecclesiastical.

In conclusion, the role of bell ringing in Russian music is emphasized. It is stated that bell sound used in Russian music is the most vivid, sparkling radiance of znamenny singing, which means it is the most powerful expression of the Russianness of Russian music.

Keywords: *Russianness, Russian person, Russian music, znamenny singing, bell ringing, God, Orthodoxy.*

Кокшенива Капиталина Антоновна,
доктор филал. наук, руководитель Центра
наследования русской культуры,
Институт Наследия имени Д. С. Лихачёва,
Москва, Россия

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТЕАТР И СИНДРОМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ. XXI ВЕК

Аннотация. Современный «документальный театр» (театр.doc), занимающий заметное место в современном театральном процессе, вместе с тем не мог обойти вниманием тематику истории и проблематику памяти. Кто стоял у истоков данного типа театра? Какие формы памяти предлагают создатели спектаклей? Какие концептуальные акценты они ставят, обращаясь к советскому прошлому и дню сегодняшнему? На эти вопросы и отвечает данная статья.

Ключевые слова: документальный театр, театр памяти, интерпретация истории, публичная история, документ.

Сам термин *театр.doc* (документальный театр, театр документа) появился в нашей культуре на рубеже XX и XXI века.

Документальный театр — это проектный театр. Комплекс его идей, приёмов, смысловых акцентов, как и его актуальная повестка, были хорошо разработаны в Европе и в качестве «готовых форм» были «экспортированы» в Россию после резкой смены парадигм (от советской — к антисоветской). Театр.doc¹ — это важная часть «евротеатра», который упорно строили в России с начала XXI века.

Театр.doc, наибольшая активность которого пришлась на нулевые — десятые годы XXI века, был представлен «новой драмой», особой театральной техникой *вербатим* (от латинского — *дословно*), где подвидом вербатима стал «свидетельский театр», когда человек, его история и тело, предметы и вещи воспринимаются и позиционируются как *документ*. Не только актёры, но уже и не

¹ Московский театр с одноимённым названием мы будем писать капслоком ТЕАТР.DOC.

актёры (свидетели) становятся участниками спектакля. Часто это разовый спектакль-акция, по типу своему близкий к перформансу. Материалом для театра.doc может стать всё, что называется **фактом реальности, событием истории** — любой случай из новостной повестки (от культурного до политического), правительственный отчёт, какой-либо релиз мероприятия (от политического до экологического), любого типа интервью — и бомжей с площади трёх вокзалов в Москве, и заключённых в женских и мужских колониях. Документом может стать и предмет. Так в Москве в 2020 году в Музее истории ГУЛАГа был показан спектакль «Наблюдатели», в котором вещи, найденные во время экспедиции по территориям бывшего ГУЛАГа, стали действующими лицами: в спектакле через предметы шёл рассказ о прошлом, то есть сидельцах ГУЛАГа [2]. Но на Западе давно появилась и документальная хореография, и документальная опера. В США в основе балета «American Document» (постановка Марты Грэм, 1938 год) лежала, например, Декларация о независимости США и «Прокламация об освобождении рабов» [18]. Ромео Кастелуччи в 2022 году поставил в пространстве заброшенного стадиона недалеко от Марселя спектакль «Воскресение» на музыку Второй симфонии Малера. Весь спектакль состоит из эксгумации человеческих тел (качественно выполненные муляжи трупов). Практика бригад Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR) в местах массовых захоронений легла в основании концепции спектакля [20].

Техника вербатим долгое время оставалась самой популярной в России. С ней познакомил отечественных деятелей культуры британский театр *Ройял-Корт*, о котором речь пойдёт дальше.

В Москве, как известно, существует негосударственный, некоммерческий, коллективный проект драматургов ТЕАТР. ДОС, основателями которого в 2002 году стали Елена Гремина (1956–2018) и Михаил Угаров (1956–2018). Многие современные драматурги, в том числе уехавший из России И. Вырыпаев² и работавший в России украинский драматург М. Курочкин, были

² И. А. Вырыпаев признан иноагентом и виновным по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ («Распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил РФ по мотивам политической ненависти»).

постоянными участниками проекта. Но, прежде чем приступить к делу на русской почве, все они прошли британскую школу. В 1999 и в 2000 году в рамках фестиваля «Золотая маска» при поддержке Британского совета лондонский театр *Royal Court* (Ройял-Корт), то есть «Королевский двор», провёл серию семинаров. Угаров и Гремина, а также другие современные драматурги были участниками мастерской, которую вела международный директор «Королевского двора» Элиз Доджсон.

Элиз Доджсон (1945 – 23 октября 2018) – английский театральный продюсер. Она в 1996 году стала соучредителем международного отдела в Королевском придворном театре и руководила этим отделом более двадцати лет. За это время она работала с драматургами и координировала проекты по разработке пьес в более чем 70 странах. Согласно Эйприл Де Анджелис, Доджсон была «ответственна за тысячи новых пьес, написанных голосами, которые в противном случае могли бы остаться беззвучными» [5]. Центральной институцией развития новых международных талантов была Международная резидентура, на которой писатели из разных стран собирались вместе в Лондоне и каждый разрабатывал новую пьесу в сотрудничестве с членами художественной команды «Королевского двора». Особо отмечены были разработанные под чутким британским руководством пьесы «Пластилин» Василия Сигарева, «Терроризм» братьев Пресняковых, «Плохие дороги» Натальи Ворожбит (Украина).

Содержанием пьес Сигарева, собственно, был распад жизни людей в постсоветской России. «Распад» при этом был своеобразным «заказом», соответствующим духу времени и злобе дня, которая определялась европейской культурно-политической повесткой. Так, в «*Пластiline*» рассказывается об изнасиловании детей; в «*Чёрном молоке*» — о проблеме наркомании; а главные герои пьесы «*Божьи коровки возвращаются на небо*» крадут кладбищенские надгробия, чтобы продать их и собрать деньги на выпивку. «Пластилин» был поставлен и на сцене лондонского театра *Royal Court Theatre* режиссёром Аланом Рикманом. «Новая драма» Сигарева была поставлена и в рамках проекта «Восток — Запад» во Франции.

Именно лондонский куратор Элиз Доджсон запустила ТЕАТР.DOC в Москве и **программу для украинских драматургов**, которая не может нас не заинтересовать, поскольку

и московский ТЕАТР.ДОС, и многие московские драматурги были связаны с украинской программой «Королевского двора», а самая яркая украинская драматург Наталья Ворожбит долгие годы работала в России, где шли спектакли по её пьесам.

«Королевский двор» считает себя «ведущей мировой силой» в создании «беспокойного, бдительного, провокационного театра», который развивает аудиторию и авторов через «радикальное мышление и провокационные дискуссии» [22]. В «Королевском дворе» учили работать с *полевым материалом* — брать *не* журналистские интервью. Так появились пьеса 2002 г. «Первый мужчина» Елены Исаевой (на основе интервью женщин об их отцах) и спектакль «Преступления страсти» Г. Стинькиной, созданный на основе интервью с заключёнными Орловской женской колонии, совершивших убийства «из-за любви». Собственно, с этого же года начался фестиваль новой драматургии «Любимовка» на базе ТЕАТРА.ДОС.

Они хотели, по словам критика, говорить о «частном человеке»: не о «Гамлете и не о Тригорине, а о тех, кто рядом и кому плохо» [17]. Если это бесланская трагедия, они играют спектакль о переживаниях бесланских матерей (спектакли «Новая Антигона», «Сентябрь. Дос»), если это политическая история с Сергеем Магницким, то они дают спектакль о последнем часе его жизни в «Матросской тишине» («Час восемнадцать»). Их герои — «Люди с Донбасса. Гастарбайтеры. Геи. Зэки. Правозащитники. Гонимые журналисты» [17]. Так или иначе, все они — *люди меньшинства*. И внимание к ним театра носило характер «работы скорби» — проблематизации реальности, доведение проблемы до «точки кипения». И несмотря на то, что руководители ТЕАТРА.ДОС регулярно заявляли, что политикой они не занимаются, а ориентируются на «ноль позицию», тем не менее, безусловно, их мировоззрение было либерально-западническим. «“Док”, — пишет критик, — не был политическим театром — но начиная с “Часа восемнадцать” (2015 год. — К. К.) он стал театром правозащитным. Накануне похорон и на пятый день смертельной голодовки Олега Сенцова пьесу Греминой о нём в Киеве перед российским посольством читали Курочкин и Ворожбит» [9]. До 2012 года этот театр получал регулярные субсидии МК РФ, а Е. Гремина была членом Экспертного совета МК по драматургии. Тотальная либерализация в культуре завершала своё длительное господство. ТЕАТР.ДОС неизбежно двигался в сторону оппозиционности.

«Час 18» появился в 2015 году: документальный спектакль был поставлен режиссёром ТЕАТРА.ДОС Михаилом Угаровым. На сайте театра сообщалось: «Мы ждали шесть лет реабилитации невинно замученного в тюрьме человека, воздаяния убийцам, а главное — смягчения бесчеловечной системы, из-за которой подследственные продолжают страдать и погибать в заключении» (речь идёт о С. Магницком, юристе фирмы Firestone Duncan, умершем в «Матросской тишине») [21]. Режиссёр так прокомментировал свой замысел: «**Час восемнадцать** минут человек умирал, лежа на полу, связанный по рукам и ногам, намеренно лишённый медицинской помощи. Вот вопрос — человек, надевающий прокурорский мундир, белый халат врача или мантию судьи, лишается ли он способности быть человеком? Оставляет ли хоть малую часть человека в себе?» [21].

Документальный театр, как правило (а московский ТЕАТР.ДОС был тут безусловным лидером и законодателем), нацелен на постановку «неудобных вопросов». «Неудобных», с их точки зрения, для государственных органов власти, поскольку в данной системе координат государство есть орудие насилия. Эта давняя нигилистическая традиция, как правило, не была никак отрефлектирована: если театр намерен играть «общественную роль», он непременно должен быть направлен на социальный эффект своих спектаклей, вытекающий из критики **своего** государства. Государства же иные (в том числе возникшие на постсоветском пространстве), как правило, вызывали симпатии, поскольку умами театральных деятелей владела внедрённая европейскими кураторами концепция тоталитарного государства, наносящего глубокие травмы всем народам, проживающим рядом с русскими.

Так, Гремина и Угаров до 2014 года были постоянными участниками украинского фестиваля драмы «Тиждень [неделя] актуальної п'єси». Фестиваль организовали Н. Ворожбит и режиссёры А. Май и М. Никитюк. Угаров и Гремина в Киеве читали лекции о театре нового времени и, как уже говорилось выше, сделали ряд проектов в поддержку Майдана и Олега Сенцова³ [6].

³ О. Сенцов был освобождён в 2022 году в рамках обмена между Россией и Украиной и принял участие в боевых действиях против России.

«Королевский двор», в свою очередь, принимал у себя (в 2008 г.) московский ТЕАТР.ДОС. И уже после смерти основателей театра он вновь был в Лондоне (2018) и играл пьесу «Пытки» режиссёра Заремы Заудиновой. Она была написана и исполнялась бывшими политзаключёнными, правозащитниками и журналистами [8]. Из первых рук повествовали «об ужасах» государства российского. Зарема Заудинова говорит: «Календарь праздников России почти полностью состоит из праздников силовиков, военных, фээсбэшников и полицейских. На свои профессиональные праздники или в перерыве между ними они пытаются людей — практически каждый день. Мы рассказываем о том, что не видно за праздничным календарем — о пытках, которые расползаются по стране, как пятно от вина по белой скатерти. Кавказ, Крым, Пенза, Петербург, Москва, Челябинск, далее — везде» [8].

Государство как Левиафан — это устойчивая мировоззренческая позиция данного типа театра и часто данного типа спектакля. Политическая и идеологическая повестка данного типа спектаклей вполне находилась в согласии с тем, что было интересно Британскому совету. В частности, театр. дос был сосредоточен на темах советских репрессий и современных репрессий (в их понимании), а также деколониального *поворота*. В 2012 году был создан «Театр вины» как «театр разоблачений советской эпохи» общества «Мемориал»⁴. Собственно, это тоже была копродукция: «Отцы-основатели театра, — пишет критик, — общество “Мемориал” и московский Театр имени Йозефа Бойса анонсировали **спектакли-практикумы**: главы “Международного института политических убийств” Мило Рау о последних днях семьи Чаушеску, спектакль “Моё последнее слово” по текстам последних слов, произнесённых на суде обвиняемыми современными диссидентами в Белоруссии и Михаилом Ходорковским, а также заявлен спектакль “Карательная психиатрия” в рамках проекта “детотализации”, перформанс “Тексты Вацлава Гавела” — крупнейшего русофоба современности» [14].

⁴ 29 декабря 2021 года решением Мосгорсуда были закрыты российские юридические лица «Международного Мемориала» и Правозащитного центра «Мемориал». Представители организаций сообщили, что обе организации продолжают свою работу без юридических лиц.

Teatr.doc находится в совершенно особых отношениях с историей. И эти отношения как доминантные я вынуждена называть синдромом, и даже синдромом навязчивости.

В июле — начале августа 2014 года, когда шли самые кровопролитные бои под Донецком и Луганском, в России выходит журнал «ТЕАТР»⁵ со статьей М. Давыдовой «Майдан: эстетика протеста». Майдан воспринимается как огромная и роскошная театральная инсталляция: «Центр города (Киева. — К. К.) превратился в какую-то тотальную инсталляцию, в которой окончательно стёрлась грань между жизнью и искусством... киевский майдан стал не просто важнейшим политическим событием новейшей европейской истории. Он стал главным украинским артефактом...» [4, 5–6]. Критик и редактор Давыдова шла к украинскому майдану твёрдой дорогой. Сначала приняла участие в конгрессе «Украина — Россия: диалог», который организовал Ходорковский в Киеве, потом раздавала интервью, утверждая, что «Россию ожидает превращение в культурную провинцию, если конфликт с Украиной усугубится» (Deutsche Welle); она занудно и постоянно говорила о своей главной задаче: об интеграции российской театральной сферы в общеевропейский контекст.

По сути, **ментальный майдан очень давно пропагандировался на российских просторах**. В том же номере журнала «Театр» была размещена статья «Украинский театр от союза до майдана» *Сергея Васильева*. Статья, напечатанная в российском журнале, наполнена антироссийскими акцентами. В советское время, считает автор, украинский театр подавлялся: «...когда в Москве стригут ногти, в Киеве рубят пальцы...» [19, 27]; были расстреляны лучшие украинские деятели театра (М. Кулиш). Советский период выработал (в связи с окраинным положением Украины) комплекс «внутренней колонизации». Много раз речь идёт о Голодоморе (а украинский опыт подкрепляется опытом польских переживаний в другой статье, посвящённой как раз теме колонизации). «...Вся украинская культура, — читаем в статье, — была

⁵ Сегодня журнал «ТЕАТР» возвращен под управление СТД, но прежняя редакция продолжает выпускать издание под названием «ТЕАТРЪ».

поражена к концу 1980-х годов так называемым **колониальным синдромом**, практически **тотальной русификацией**. Десятилетиями в стране утверждался стереотип о дремучей отсталости и невежестве национальной культуры. **Тирания русификации была столь мощной**, что в 1980-е годы многие провинциальные украинские труппы самочинно начали переходить на русский язык, мотивируя это брезгливостью и антипатией публики к языку украинскому. В начале 1990-х театр получил реальный шанс **покинуть**, используя метафору политического историка Микола Рябчука, **национальное гетто»** [19, 28–29].

Замалчивание холокоста, голодомора и наличие государственного антисемитизма — это характеризовало советский период, считает журнал «Театр». Доказательства при этом им не нужны. Но выбраны точные **зоны конфликта** — зоны понятные и поддерживаемые Западом. А в ноябре 2015 года в Киеве проходил фестиваль или, по словам организаторов, «стартовый майданчик» «Неделя актуальной пьесы», в рамках которого состоялась читка сочинения «КРЫМ» уже знакомого нам *киевского драматурга* Сергея Васильева, который и был автором статьи в журнале «Театр». Куратором фестиваля выступила среди других драматург и сценарист **Наталья Ворожбит**, которая много ставилась, работала и долго жила в России.

Пьеса «Крым» была отмечена премией жюри как лучшая. Украинский критик рассказывает о пьесе: «Неожиданное вторжение восточного соседа на территорию Крымского полуострова стало переломным моментом для украинской государственности. Однако, оно не только привело к ажитации народных масс, но и послужило возбудителем творческой активности у значительного количества художественных деятелей. Примером культурного достижения, толчком для создания которого стала агрессия со стороны Российской Федерации, является драматическое произведение Сергея Васильева “Крым”» [1]. Герои пьесы изображаются **типичными носителями русской ментальности...** «Они любят изрядно выпить, оживить разговор точным бранным словом, непременно облить грязью невыносимых бандеровцев и при случае сердечно помолиться на Владимира Владимировича, чтобы никто не усомнился в их преданности президенту и “Великой России”. Для усиления комического эффекта актеры, участвовавшие в читке пьесы, умышленно наигранно имитировали специфиче-

ский московский акцент, что значительно развлекло публику» [1]. Монтировщик Ахтем (по национальности татарин) выступает в пьесе против «тёмных сил»: «Мужчине не нравится произвол шовинистического “пополнения” на *его исконной земле*, поэтому он всячески пытается выразить свое недовольство перед работниками театра. За это до смерти забит оголтелыми “патриотами”. Завершающей нотой пьесы предстает кровавая месть покойного Ахтема, своего рода предсказание триумфу справедливости» [1]. Акценты расставлены в пьесе так, что пьеса не могла не быть признана на Украине «лучшей». Но, собственно, эта украинская пьеса мало чем в основных ценностных акцентах отличается от того, что шло на российских сценах. Спектакль «Саша, вынеси мусор» режиссёра Виктора Рыжакова (Центр имени Вс. Мейерхольда⁶), по пьесе всё той же Натальи Ворожбит, был номинирован в рамках фестиваля «Золотая маска» 2017 года на премию «Лучшая работа драматурга». Героем спектакля и пьесы является «полковник украинской армии». Приведём авторский текст. *«Портрет Саши в форме полковника украинской армии. Текст на стене — видео: Саша побеждает наглых зажавшихся москвичей в Крыму, которые приставали к его девушке Кате. Один лежит поверженный на набережной, другой в испуге бежит прочь, третий просит о пощаде»*. Рассыпанные реплики и ремарки — это как пароль для своих, для кого «крымненаш» [10]. И это всё говорилось, так сказать, *в лицо* московской публике... Ещё прежде Наталья Ворожбит написала знаковую, по её словам, пьесу о голодоморе («Зернохранилище») в нулевые годы в рамках британской программы для российских драматургов. На вопрос журналиста: «Почему ты, живя в Москве, взяла тему Голодомора?», она даёт такой ответ: «Потому что хотелось быть украинкой в этой компании. У меня всегда была такая потребность. Хотелось говорить о наших проблемах и о нашей истории». Никто, насколько мне известно, не препятствовал её украинскому самочувствию в нашем пространстве, причём даже тогда, когда речь шла о русофобии с её стороны. Она несколько лет ездила в зону АТО и собирала материал, а потом

⁶ После начала СВО директор Центра им. Мейерхольда Е. Ковальская покинула пост в знак протеста против операции на Украине. Театрально-культурный центр им. Вс. Мейерхольда (ЦИМ) в 2022 году был объединён с театром «Школа драматического искусства».

представила в Европе пьесу «Погани дороги» («Плохие дороги»): «В зале, — пишет критик, — вперемешку сидели украинцы, немцы, швейцарцы. **Пара русских немцев в letech возмущенно вышла из зала. Их разозлила позиция автора в украинско-российском вопросе и стиль изложения.** А швейцарцы слушали, не шелохнувшись, до конца. Потом один из них, драматург, сказал мне, что это один из лучших документальных спектаклей о войне» (Выделено мной. — К. К.) [13].

* * *

Самым проблемным местом остаётся вопрос историчности, концепций «прошлого» и **формы памяти**, которые предлагает театр и которые, как правило, старается переосмыслить в рамках совершенно определённых исторических техник, разработанных западными исследователями и политтехнологами. Формы памяти театра.doc связаны, как мы уже показали, с проблематизацией современности и истории как **частного, локального факта**. Отсюда — политический, экологический и социальный активизм театра.doc. Отсюда спонтанная форма его спектаклей, близких к перформансу, акционности, рассказыванию истории (сторителлингу), а также его внимание к непрофессиональным актёрам и «горячим событиям» и, как следствие, определённое равнодушие к художественному качеству высказывания.

«Когда мы говорим об истории, о травматическом опыте нашей страны, мы говорим не про позавчера, мы говорим про сегодня», — уверен один из участников фестиваля «Время памяти» (2021 г.) [7].

Императив памяти («чтобы помнили!») советского времени, в центре которого были герои революции и герои Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, в современной культуре (и в театре также) был лихорадочно вытеснен требованием пересмотра. Появляются спектакли, где режиссёры исследуют миф о Павлике Морозове («*Павлик, мой бог*», 2009, режиссёр Евгений Григорьев), миф о молодогвардейцах («*Молодая гвардия*», 2016 г, театр «Мастерская», режиссёры: М. Диденко, Д. Егоров). Театры, понимая, что миф есть часть культурной памяти, вместе с тем делали акцент на том, что советские мифы исказили историческую память, то есть содержание исторической реальности в них

было минимизировано. Все спектакли так или иначе несли в себе элемент полемики, если речь шла о советском периоде: неслучайно спектакль «Молодая гвардия» был трехчастным — «Миф» (ч. 1), «Документ» (ч. 2) и «Жизнь» (ч. 3).

Снижение панегирического и героического содержания советской истории — одна из основных тенденций отечественного театра нулевых — десятых годов XXI века. Другая связана с «запретной историей» — темой сталинских репрессий и советских лагерей (ГУЛАГом). Если в первом случае ещё недавнее активное почитание ставится под сомнение, то во втором, напротив, происходит сверхактивное накопление памяти и переписывание советской истории сплошь в негативном, отрицательном, нигилистическом ключе. Например, в 2013 году был поставлен спектакль «Вятлаг» [режиссёр Б. Павлович, совместная работа Драматической лаборатории — Киров, Санкт-Петербург, ТЕАТР.ДОС (Москва)], который начинался с рассказа о жертве «Болотного дела» — актёре-журналисте из Кирова, который отсидел в следственном изоляторе полтора года и отпущен на свободу, и вот театр и его (сидельца) жена-актриса перед нами читают **дневник латышского заключенного** в Вятлаге, посвящая спектакль *всем жертвам Болотной*. Это, так сказать, современное вступление к спектаклю, соединяющее дугой памяти события настоящего и прошлого как «события угнетения и насилия». О латышском сидельце мы узнаём, что он был членом националистической партии. Отсидев всю Великую Отечественную войну в Вятлаге, он выжил, вернулся на родину, завёл семью и прожил весьма обычную мирную жизнь. Сами записки латыша носят скучный бытовой характер. Но соль в другом. Этот отдельный человек — латыш — вызвал высокие гуманные чувства у создателей спектакля. Этот маленький человек, говорит нам спектакль, имеет право на свою собственную историю и его жизнь имеет значение! Его индивидуальное сознание ничуть не менее ценно, говорит нам режиссёр, чем коллективное сознание советских людей. Но есть и вопросы. Действие «Вятлага» происходит в 1942 году — тысячи русских людей гибнут... ну и что?! А тут, в страданиях латыша, один раз упоминается, что где-то, мол, идёт война... Будто в 1942 году наши бабушки не ели крапиву с лебедой и не жили хуже этого латыша. Актриса поёт песни на латышском языке. Поёт весьма проникновенно. Одну песню исполнила на русском, но в такой агрессивной и злобной манере, что как эта

русская народная песня, данная с гримасой зла, так и дважды упоминаемые русские создают негативный контекст (только один раз в записках появляется некое доброе слово о русском зэке). Да, вот так и сбивается исторический фокус. Заодно и сшибается пафос. Пафос Победы... Театральный критик уверен, что «активизация исторической темы очень связана с “Болотной площадью”, то есть с протестным движением 2011–2013 годов» [11].

Всякий разговор о приватном человеке и приватной его истории в современном театре оказывается возможен только при одном условии — катастрофического сужения исторического контекста, когда все события нашего XX века приводят к теме репрессий и государственного насилия. И все, кто так много говорил и ставил спектакли на тему репрессий, так и не узнали, например, о талантливом русском писателе Леониде Ивановиче Бородине (1938–2011), отсидевшем в советских лагерях 11 лет и при этом сохранившим в себе идеологию государственника, веру в Россию и любовь к её истории. Вот здесь и проходит водораздел в политике памяти: для одних практика памяти (и форма памяти) заключается в презрении к «этой стране» (симпатии к украинцу и латышу есть следствие этого презрения), для других — понимание трагизма истории своей страны и способность нести тяжесть истории на своих плечах.

Формы памяти, предлагаемые театром.doc, часто не обеспеченные художественным качеством, но подчинённые злободневному высказыванию, не представляют собой согласованное многообразие культурной и исторической памяти. Наше прошлое для них — непременно и прежде всего «большое, страшное, противоречивое» [11].

Неслучайно интерес к публичной истории (public history), проявленный в том числе и в формате doc, связан с адаптацией исторических знаний и исторической памяти с нуждами массовой (популярной) культуры. Феномен публичной истории (своим рождением обязанный США 1970-х годов) выводит историю за пределы институциональной научной деятельности. Понимание истории в театре.doc связано не с глубиной мышления, не с чувством священного и родного, не с намерением понять себя частью русского народа, но с публицистической повесткой дня, работой с историей в публичном пространстве, поперечной трансформацией ценностей, модой на либерализм и западные концепции русской истории как истории тоталитарной.

Литература

1. *Баранюк Л.* «Крым» Сергея Васильева (Киев). — URL: https://teatre.com.ua/tyzhden_pjesy/odennyk-festyvalju-en-tretij/ (дата обращения: 10.11.2023).
2. *Баркова А.* Сказка про ГУЛАГ. — URL: <http://brusfestblog.ru/pabludately> (дата обращения: 02.11.2023).
3. *Болотян И.* «Док» и «Догма»: теория и практика // Театр. — 2015. — № 19.
4. *Давыдова М.* Майдан: эстетика протеста // Театр. — 2014. — № 17 (июль). — С. 4–6.
5. *Доджсон Э.* (Dodgson Elyse). — URL: https://dev.abcdef.wiki/wiki/Elyse_Dodgson (дата обращения: 09.10.2023).
6. Драматургічна лабораторія «Тиждень актуальної української п'єси». — URL: <https://pandia.ru/text/79/513/13859.php> (дата обращения: 04.12.2023).
7. *Иванов А.* В России появился театральный фестиваль о трагедиях советского прошлого. — URL: <https://oteatre.info/festival-sovetskogo-proshlogo/> (дата обращения: 12.01.2024).
8. *Итина Л.* Театр.doc в Театре Royal Court. — URL: <https://pulse-uk.org.uk/time-out/teatr-doc-royal-court-theatre/> (дата обращения: 08.11.2023).
9. *Ковальская Е.* Вы должны писать. — URL: <https://oteatre.info/vy-dolzhen-pisat-2/> (дата обращения: 12.12.2023).
10. *Кокшенева К.* Золотая маска. Маска правды и умолчаний. — URL: <http://koksheneva.ru/posts/zolotaya-mask-mask-pravdy-i-umolchaniy/> (дата обращения: 10.01.2024).
11. Круглый стол «Театр и историческая память» // Петербургский театральный журнал. — № 2 [96]. — 2019. — URL: <https://ptj.spb.ru/archive/96/memory-place/kruglyj-stol-teatr-i-istoricheskaya-ratuyat/> (дата обращения: 11.01.2024).
12. *Мамадназарбекова К.* История факта: истоки и вехи документального театра // Театр. — 2011. — № 2.
13. От Союза до майдана // Театр. — 2014. — № 17. — 200 с.
14. Плохие дороги («Погани дороги» Н. Ворожбит). — URL: https://project.liga.net/projects/fortune_teller_bad_roads/ (дата обращения: 08.11.2023).
15. *Ромашкова А.* «Театр вины: приглашаются все». — URL: https://www.stoletie.ru/kultura/teatr_viny_priglashajutsa_vse_530.htm (дата обращения: 06.11.2023).
16. *Сагачеева А.* Документальный театр, что ты такое? — URL: <http://brusfestblog.ru/whatisdoc> (дата обращения: 09.01.2024).

17. Свищёва Ю. Зрители иногда танцуют. Интервью с исследователем документального театра Варварой Склез. – URL: <https://stg.urokiistorii.nppsatek.com/articles/zritelii-inogda-tancujut> (дата обращения: 09.02.2024).
18. Ситковский Г. Смерть праведницы. – URL: <https://snob.ru/entry/160901/> (дата обращения: 19.02.2024).
19. Тараканова О. Документальная хореография: существует ли она и как станцевать декларацию независимости. – URL: https://teatralium.com/articles/dokumentalnaya_horeografiya/ (дата обращения: 11.01.2024).
20. Флёров А. Воскресный вечер с Ромео Кастелуччи. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5488984> (дата обращения: 10.10.2023).
21. Час 18. – URL: <https://teatrdoc.ru/performances/856/> (дата обращения: 15.02.2024).
22. International Climate Crisis Residency – Royal Court. – URL: <https://royalcourttheatre.com/international/international-residencies/international-climate-crisis-residency/> (дата обращения: 11.10.2024).

Koksheneva K. A.,

*Doctor of Philology, Head of the center
for inheritance of Russian culture
Institute for Cultural and Natural Heritage
(Institute of Heritage – Likhachev Institute),
Moscow, Russia*

DOCUMENTARY THEATER AND HISTORICAL MEMORY SYNDROME. XXI CENTURY

Annotation. The modern “documentary theater” (theater. doc), which occupies a prominent place in the modern theatrical process, at the same time could not ignore the themes of history and the problems of memory. Who was at the origin of this type of theater? What forms of memory do the creators of the performances offer? What conceptual accents do they put, I turn to the Soviet past and the present day? This article answers these questions.

Keywords: *documentary theater, theater of memory, interpretation of history, public history, document.*

Вакулинская Александра Ивановна,
кандидат философских наук,
научный сотрудник сектора
истории русской философии Института философии
Российской академии наук, Москва, Россия

РАЗРЫВ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ В 20–30-Е ГГ. XX ВЕКА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Аннотация. Духовная культура России немислима без той философской традиции, которая складывалась под давлением исторических и глубоких внутренних причин жизни её творцов. На конец XIX — начало XX века приходится расцвет русской мысли, и если в рамках культуры данное явление получило название Серебряного века, то для философии это был поистине век Золотой. Никогда ранее и никогда позже в России философия не имела столь тесной связи с различными сферами жизни российского общества, не была столь популярна среди неспециалистов. Драматические события, связанные с высылкой части интеллигенции из страны, а также с репрессиями, направленными на политически неблагонадёжных интеллектуалов (не имевшими под собой веских оснований, а сопряжённые лишь с беспокойством о нелояльности к власти, свободомыслии подпавших под санкции), подавили, но не прервали окончательно тот духовный подъём, который наметился в 20-е гг. XX века. Русская духовная культура была сохранена в эмиграции и вернулась на Родину лишь в 1990-е гг., но вскоре вновь была вытеснена современными западными концепциями. Избранные же концепции из философского наследия России сегодня вновь пытаются оживить в связи с насущными запросами, но, как правило, делают это весьма небрежно, опуская значимые моменты.

Ключевые слова: «философский пароход», духовная культура, русская философия, революция, идеология.

Не так давно, в 2022 году, исследователи русской философии отмечали печально известное событие, связанное с насильственной высылкой за пределы Советской России интеллигенции, так и не принявшей новый пореволюционный строй, а именно 100-летие отбытия «философского парохода». Приветствие Февральской ре-

волюции у многих представителей интеллектуального труда было связано с упованиями и надеждами на то, что грядущие перемены послужат благу России. Однако последовавший за февралём октябрьский переворот, сопровождавшийся разгоном Учредительного собрания, Брестским миром и периодом «военного коммунизма», вызывал, как правило, резкое отторжение и неприятие. Разразившаяся Гражданская война в конце концов завершается тем, что всех даже просто несогласных с новым политическим курсом учёных, которых расстрелять просто не могли, так как их имена были уже известны за пределами России (новоиспечённому государству ещё необходимо было заручиться признанием со стороны других стран мира), решено было отправить в Германию, с которой была заключена предварительная договорённость. Среди насильственно высланных были учёные, мыслители, деятели искусства — люди, которые не хотели покидать свою Родину, но по тем или иным причинам признанные новой властью «неблагонадёжными», «опасными», «контрреволюционерами», причём многие из высланных были готовы даже на сотрудничество с советской властью [2].

Известно, что помимо «парохода», которых на самом деле было несколько («Oberbürgermeister Haken» и «Preussen»), были ещё поезда, увозившие русских учёных-гуманитариев далеко за пределы страны. К примеру, русско-американский социолог П. А. Сорокин вынужден был покинуть Россию на поезде. Отметим, что моменту высылки предшествовал период плодотворной творческой работы по осмыслению постигнутого не только Россией, но и весь мир кризиса духовной культуры. Наверное, такого единодушия и даже согласия во взглядах и оценках духовного кризиса и способах его разрешения среди высланных русских мыслителей никогда ранее (да и позже, в эмиграции) не наблюдалось.

Среди обширного списка изгнанников, насчитывающего более сотни человек из разных городов России, мы выделим плеяду философов, таких как Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, Ф. А. Степун, Л. П. Карсавин, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, которые в большинстве своём ещё со времён первой русской революции 1905 года, «Вех» (1909), а наиболее активно после совершения «октябрьского переворота» (выражение Ленина) пытались осмыслить и обсуждать тему духовного, культурного кризиса, публиковали статьи, брошюры, выпускали сбор-

ники, организовывали публичные выступления в стенах Вольной академии духовной культуры (детище Н. А. Бердяева) [3] и не только в ней. После Октябрьской революции до июня 1922 года продолжало функционировать Психологическое общество при Московском университете, которое после смерти Л. М. Лопатина, последовавшей в марте 1920 года, возглавил И. А. Ильин.

В 1921 году часть преподавателей-некоммунистов бывшего историко-филологического факультета Московского университета, среди которых были Г. Г. Шпет, А. В. Кубицкий, Г. И. Челпанов, С. Л. Франк, И. В. Попов, И. А. Ильин, Б. А. Фохт, П. С. Попов, была переведена в институт научной философии (ныне ИФ РАН) [8]. Как вспоминал И. А. Ильин, среди тех, кто работал в институте, было «целое гнездо партийных меньшевиков и большевиков (экономических материалистов)» [6, с. 380], которые иногда попадали в казусные ситуации, в частности философ упоминал прецедент с редкой книгой из библиотеки С. Н. Булгакова (к тому моменту находящегося в Крыму и впоследствии признанного политически неблагонадёжным, а в 1922 году высланного в Константинополь), которая была передана во владение историка-марксоведа Д. Б. Рязанова (Гольдендаха) [там же, с. 380–381].

Уголком дореволюционной философской традиции можно назвать малоизвестное на сегодняшний день Ораторское отделение Московского Института Слова, деканом которого с 1921 и до самой высылки был И. А. Ильин. В мемуарах выпускницы данного отделения В. Д. Пришвиной-Лебедевой есть следующее упоминание, которое воспроизводится ею со слов, услышанных от театрального деятеля С. М. Волконского, также читавшего учебные курсы в Институте Слова: «Московские блестящие философы читают теперь лекции по студиям, кружкам, а самые стойкие отсиживаются дома на голодном пайке. Сейчас возникает любопытное заведение — Институт Слова. Поступайте туда, советую. Его организует чтец Сережников, он — пропагандист коллективной декламации, это звучит сейчас актуально. Но Сережников со своей декламацией, в сущности, ширма. В Институте будут, кроме декламационного, еще два факультета: литературный и ораторский. Читать будут и ученые-большевики: Луначарский, Коган, Брюсов. Дали согласие и старые литературоведы: Грушка, Айхенвальд, языковед Ушаков, криминалист и историк Котляревский. Есть и начинающие ученые Грифцов, Шервинский. Есть собирательни-

ца фольклора Озаровская. Но ораторский факультет — это затея Ивана Александровича Ильина. Вы не знаете Ильина? Это самый блестящий из наших московских профессоров — гегельянец, которого лишили сейчас кафедры, потому что он идеалист и великолепный оратор. На государственном совещании 1917 года Ильин имел смелость сказать во всеуслышание, что совещаться больше не о чем, потому что Россия погибла. Мы не знаем еще, прав он или нет, но человек он убежденный и яркий. Ильин, по-видимому, рассчитывает сохранить преемственность русской философской мысли под прикрытием “коллективной декламации”. Не чуёт Сережников, “какого змея ласкает на груди своей”. Ильин проектирует ораторский факультет по образцу ораторских школ Древней Греции» [14, с. 122].

Именно о переводе в институт научной философии, как об отнятии кафедры у Ильина, упоминал С. М. Волконский, после чего, вероятно, и возникла идея создания Ораторского отделения в Институте Слова (ИС) [5]. Хотелось бы остановиться подробнее на преподавательском составе и читаемых дисциплинах. В 1921/1922 учебном году в ИС Г. Г. Шпет преподавал общеобразовательные курсы «Логика» и «Психология», Н. А. Бердяев — курс «Этика слова», Ф. А. Степун — спецкурс «Основы риторики», Б. А. Фохт — семинарий по «Греческой риторике» и «Ораторскому искусству», А. А. Грушка — дисциплину под названием «Античный культ слова». Преподавательскую деятельность в рамках Ораторского отделения также вели знакомые Ильину юристы: А. М. Гурвич — спецкурс «Практика законодательных собраний», В. А. Краснокутский — «Судебный практикум», В. М. Муравьев читал исторический курс «Ораторы Древней Руси», М. С. Фельдштейн — «Ораторы Французской революции», С. А. Котляревский вёл специальный курс «Импровизация», Г. А. Рачинский — спецкурс «Художественный синтаксис». Сам И. А. Ильин читал курс «Миросозерцание и характер», проводил семинарии по «Эстетике» и «Правосознанию». После высылки части преподавателей отделения в качестве рекомендованных сотрудников были приглашены некоторые знакомые И. А. Ильина из числа тех, кто остался в России.

Впоследствии в 1924 г. часть преподавателей ИС была приглашена в новообразованную Государственную академию художественных наук (1921–1931), а сам Г. Г. Шпет, являвшийся ви-

це-президентом Академии и главой её философского отделения (в 1922–1925 гг.), возвращается преподавать «Введение в философию» в ИС. Общее дело по сохранению дореволюционной традиции философствования, искусства мыслить и говорить, в Москве продолжилось до 1928–1931 гг.

Стоит отметить также, что в Петрограде с 1918 года функционировал Институт Живого Слова, в который наравне с театральными деятелями, филологами, лингвистами, литераторами, музыкантами в качестве преподавателей привлекались социологи, философы, юристы. Петроградский Институт Живого Слова сотрудничал с московским Институтом Слова, в рамках такого сотрудничества проводились совместные творческие вечера.

С московской Вольной академией духовной культуры (ВАДК) сотрудничала созданная ещё в 1919 году Вольная философская ассоциация. Вольфила, в отличие от ВАДК, с которой идейно была близка, всё же ставила перед собой задачу осмыслить совершившуюся революцию в духовном контексте («одухотворить революцию»), среди её участников были представители различных философских ориентаций — от марксистов до антропософов [4]. Часть членов-учредителей Вольфила совмещала свою деятельность с работой в Институте Живого Слова. К числу учредителей, чьи судьбы нам сегодня известны, относились символисты К. А. Эрберг (Сюннербергер), А. А. Блок, которых в 1919 году по политическим мотивам подвергли аресту, художник К. С. Петров-Водкин, писатель С. Д. Мстиславский, театральный режиссер В. Э. Мейерхольд, религиозный мыслитель А. А. Мейер, впоследствии прошедший через Соловки, философ А. З. Штейнберг (эмигрировавший в 1922 году в Германию), высланные в 1922 году мыслители Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин. Руководящим органом был Совет Ассоциации — его председателем в 1919–1921 годах был символист А. Белый, а с 1921 — литературовед Р. В. Иванов-Разумник, впоследствии подпавший под репрессии 1930-х гг.

Активная духовная работа велась и за пределами Москвы и Петрограда. Л. А. Коган отмечал, что ещё «в 1917 г. основывается Общество исторических, философских и социальных наук при Пермском университете, в 1921 г. — Философское общество при Донском университете, в 1922 г. — при Педагогическом институте в Костроме и Институте народного образования в Чите» [9, с. 49]. Безусловно, такой всплеск интеллектуальной активности, сопро-

вождаемый свободным выражением своих взглядов и оценок, происходивший в первые пореволюционные годы, равно как и иные виды социальной активности, — всё это не могло остаться незамеченным новой, невиданной в России большевистской властью.

К примеру, принято считать, что именно сборник «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (1922), в который вошли статьи философов Н. А. Бердяева, Ф. А. Степуна, С. Л. Франка и экономиста Я. М. Букшпана (последний был единственным, кого впоследствии не депортировали из Советской России), явно проникнутый апокалиптическими настроениями, стал для большевистских вождей с их революционным задором и историческим оптимизмом последней каплей терпения дореволюционной интеллигенции [10]. Ознакомившись с данной работой, Ленин писал секретарю Совнаркома Н. И. Горбунову 5 марта 1922 г.: «Секретно. Т. Горбунов! О прилагаемой книге я хотел поговорить с Уншлихтом. По-моему, похоже на “литературное прикрытие белогвардейской организации”. Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть он мне напишет секретно, а книгу вернет. Ленин» [11, с. 198].

В своей исследовательской статье «Выслать за границу безжалостно» Л. А. Коган отсылает нас к ещё одному эпизоду, связанному с отношением вождя народов к журналу «Экономист», на страницах которого публиковались главы впоследствии уничтоженной в 1922 году книги «Голод как фактор» социолога, бывшего эсэра П. А. Сорокина, социологически осмыслявшего в ней причины голода, постигшего Россию в 1920-е годы: «12 марта 1922 г. появляется программная статья Ленина “О значении воинствующего материализма” (“Под знаменем марксизма”, № 3), известная как его философское завещание. Именно здесь, в конце этой статьи, едва ли не впервые обнаружится формула высылки. Коллектив журнала “Экономист”, и в первую очередь его ведущий автор социолог П. А. Сорокин, характеризуются здесь как современные крепостники, прикрывающиеся мантией научности и демократизма» [9, с. 51]. Далее идёт указание на итоговую идеологему всей статьи: «Марксистскому журналу придется вести борьбу против подобных “образованных” крепостников. Вероятно, немалая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего

возраста. Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею пока еще не научился, ибо в противном случае он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливо препроводил в страны буржуазной “демократии”. Там подобным крепостникам самое настоящее место» [12, с. 12].

В действительности, интуиция Ленина не обманывала, большинство высланных и часть оставшихся были теми самыми «растлителями» юношества на государственной зарплате, обучавших своих слушателей широте кругозора. К примеру, практически сразу после прибытия «философского парохода» в Берлине был основан Русский Научный Институт, преподаватели которого стремились продолжать лучшие академические традиции, а также исследовать социокультурное, юридическое и экономическое состояние вынужденно покинутой ими Родины, на которую они мечтали вскоре вернуться.

Отметим, что изгнанию подвергались по большей части именно представители гуманитарных наук, хотя среди высланных можно было встретить и инженеров, зоологов, экономистов, но их число было сравнительно меньше. Такое распределение отчасти можно объяснить словами участника Третьего Всероссийского съезда политпросветов РСФСР А. С. Бубнова: «Если профессор Кизветтер своими реакционными лекциями приносит вред, то мы его выпроваживаем за границу. Но если известный физиолог Павлов в своем вступительном к лекции слове ругает коммунистов, мы его гнать не можем, ибо наряду с этим он делает огромную работу, чрезвычайно полезную и для нас. Нужно сделать так, чтобы Павлов делал нужное и полезное своему государству, а отрицательные черты надо различными способами отсечь» [15, с. 16]. В письме от 5 сентября 1922 года к Уншлихту, одного из ответственных за подготовку грядущей высылки интеллигенции, Дзержинский, упоминая о необходимости тщательной проверки журналов, публикаций и их авторов на предмет лояльности власти, упоминал: «Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т. е. внесение в их ряды разложения и выдвигания тех, кто готов без оговорок поддерживать совет[скую] власть» [9, с. 56].

В предисловии к книге «На переломе: философские дискуссии 20-х гг.» П. В. Алексеев, комментируя вышеприведённое высказы-

вание, отмечал: «По этой же причине не была выслана за границу и часть философов, придерживавшихся идеалистической или телеологической ориентаций» [13, с. 16]. Однако оставшиеся в стране идеалисты Г. Г. Шпет, П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, М. М. Бахтин, космисты А. К. Горский, В. Н. Муравьев и Н. А. Сетницкий, правовед М. С. Фельдштейн, а также и иные представители до-революционных взглядов на науку и творчество были либо расстреляны, либо прошли через тюремное заключение и трудовой лагерь. В первую очередь большую опасность и угрозу для новых властителей представляли выразители иных идей, отличных от марксистско-ленинской концепции, приверженность к которой служила неким залогом политической лояльности. Именно поэтому ближе к 1930-м гг., когда вновь появились опасения, связанные с возникновением контрреволюционной деятельности, оставшихся в СССР мыслителей постигла незавидная участь и только чудом часть из них (Лосев, Бахтин, Горский) остались живы. Далее, рассуждая о последствиях высылки для философской культуры СССР, П. В. Алексеев подчёркивал: «Идеологизированный, деструктивный способ ведения дискуссий после высылки основной части философов идеалистической ориентации превратился в ведущий способ критики среди самих марксистов. Излишняя резкость полемики была связана нередко с фанатической убежденностью в единственно возможном прочтении текстов основоположников марксизма и в недопустимости плюралистической гипотетичности новых решений, их вариативности. Любое инакомыслие по аналогии с идеализмом трактовалось в политических категориях» [там же, с. 17].

«Величайший акт гуманизма» со стороны большевистской власти по замене расстрела высылкой позволяет нам сегодня ознакомиться с той философской традицией, которая могла бы прерваться значительно раньше, читать работы русских мыслителей, имена которых долгое время старались не вспоминать на территории их Отечества. Высланные философы, оказавшиеся за пределами исторической России, не могли вернуться обратно по собственному желанию, но их беспокойство о судьбе отечества и мира нашли своё отражение во многих трудах, написанных уже в эмиграции. Так, на закате жизни Н. А. Бердяев в своем «Самопознании» писал о тех задачах, которые ставили перед собой он и его единомышленники при создании ВАДК, а впоследствии

Философско-религиозной академии: «В стихии большевистской революции и в ее созданиях еще больше, чем в ее разрушениях, я очень скоро почувствовал опасность, которой подвергается духовная культура. <...> Русский культурный ренессанс начала XX века революция низвергла, прервала его традицию. Но все еще оставались люди, связанные с русской духовной культурой» [1, с. 236–237].

После развала Советского Союза их имена и труды всё же вернулись на Родину, но спустя пару десятков лет были вытеснены более популярными в XXI веке концепциями зарубежных мыслителей. Чтение русской философии, которое для многих соотечественников в позднесоветский период было актом подчеркнутой оппозиционности существовавшему строю, с падением этого строя и проникновением либерально-демократических идей в их уже далеком от настоящего либерализма варианте, становилось всё менее интересным. Изучение русской мысли стало уделом лишь специально ориентированной, немногочисленной когорты исследователей, которые сосредоточивались, как правило, лишь на представителях философско-религиозного ренессанса, редко приступая к русскому неокантианству, неолейбницианству, философии в Духовных академиях и иным оригинальным философским концепциям, существовавшим в дореволюционной России. Многие вновь поставленные в современной философии вопросы ранее уже отчасти были осмыслены в нашей стране, в конце XIX — начале XX века философские дискуссии шли не только на уровне европейского дискурса, но и во многом предвосхищая некоторые его выводы.

Сегодня же, когда в стране наконец-то появился запрос на формирование национальной идеи, вновь можно наблюдать возобновление интереса к отечественной мысли, которую, как правило, стремятся рассматривать сквозь призму прагматичного применения здесь и сейчас, вынося за скобки всё то, что не может быть понято людьми далёкими от метафизики и философии вообще. Такой подход, увы, обречён на искажение и дискредитацию тех идей, которые были оформлены их авторами как целостная концепция, в которой нет и не может быть ничего лишнего. Также стоит отметить, что возникающие попытки дискредитации западной философской традиции, слепое отвержение тех идей, которые стали отправной точкой для переосмысления и преобразования

в русской философии, как и политические претензии к русским мыслителям, возникающие на фоне патриотического подъёма, могут нанести больше урона философскому дискурсу, чем пользы.

Здесь уместно вспомнить, что в своей статье «Академическое несчастье молодых поколений» из сборника «Наши задачи» И. А. Ильин, отчасти обращаясь к молодёжи будущей постсоветской России (которой в случае сохранения той традиции мыслить, которая навязывалась в годы советской власти, грозит опасность правого тоталитаризма), писал: «Несчастье молодых русских поколений состоит в том, что им систематически навязывали несамостоятельность и покорность ума, приучая их в то же время самоуверенно двигаться в этой навязанной им чужой мысли. Это не наука. Их не учили науке. Ее скрывали от них. И тех из нас, русских ученых и профессоров, которые пытались показать и преподать им ее, удаляли из университетов, ссылали или расстреливали. Так они росли, не зная ни свободы, ни академии, годами привыкая к тоталитарной каторге ума. Коммунисты сделали все, чтобы привить им рабским воспитанием рабскую мысль, чтобы приготовить из них не свободных русских граждан, не национальную интеллигенцию, не ответственных исследователей России, а полуинтеллигентных и покорных прислужников интернациональной революции. Аристотель когда-то писал: “Раб от природы тот, кто настолько лишь причастен уму, чтобы понимать чужие мысли, но не настолько, чтобы иметь свои собственные”... Это самое разумел Достоевский, когда через 2200 лет писал: “Полунаука — самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны... Полунаука — это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда, деспот, имеющий своих жрецов и рабов”... Так вот, этот бич и деспот правит ныне нашей Россией, и мы должны понять это и оценить по достоинству...» [7, с. 47].

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Самопознание: (Опыт философской автобиографии) / Сост., предисл., подгот. текста, коммент. и указ. имен А. В. Вадимова. — М., 1991.
2. *Вакулинская А.И.* Подполье философского идеализма в годы Гражданской войны (На примере Ораторского отделения Института Сло-

- ва) // Гражданская война в памяти русского зарубежья: К 100-летию Дальневосточного исхода и завершения вооруженного сопротивления 1917–1922 гг. : Материалы межд. науч. конф. Москва, 31 октября – 1 ноября 2022 г. / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ; сост. А. С. Кручинина, Т. В. Марченко, М. Ю. Сорокина. – М. : Вифсаида, 2023. – С. 371–383.
3. Вольная Академия Духовной Культуры в Москве // София. – Берлин, 1923. – № 1. – С. 135.
 4. Вольная философская ассоциация // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – С. 138–139.
 5. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923 / Вступ. ст., сост. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова ; коммент. В. Г. Макарова. – М. : Русский путь, 2005.
 6. *Ильин И.А.* Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). – М. : Русская книга, 1999.
 7. *Ильин И.А.* Наши задачи. Т. 1. – Париж : РОБС, 1956.
 8. Институт философии. Начало / Отв. ред.- сост. А. В. Черняев, Т. Г. Щедрина. – М. : Политическая энциклопедия, 2021.
 9. *Коган Л.А.* «Выслать за границу безжалостно». (Об изгнании духовной элиты) // Философия не кончается... Из истории отечественной философии XX век : в 2-х кн. / Под ред. В. А. Лекторского. Кн. 1. 1920–50-е гг. – М. : РОССПЭН, 1998. – С. 47–86.
 10. *Кудрявцев В.А., Вакулинская А.И.* «Русский Шпенглер» и судьбы мировой истории в русской философии начала XX века // Тетради по консерватизму. – 2020. – № 4. – С. 51–64.
 11. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. – М. : Изд-во политической литературы, 1975.
 12. *Ленин В.И.* О значении воинствующего материализма // Под знаменем марксизма. – 1922. – № 3. – С. 5–12.
 13. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / Сост. П. В. Алексеев. – М. : Политиздат, 1990.
 14. *Пришвина В.Д.* Невидимый град. – М., 2003.
 15. Третий Всероссийский съезд политпросветов РСФСР. Бюллетень № 1. – М., 1922.

A. I. Vakulinskaya,

Cand. Sc. (Philosophy), Researcher

Department of History of Russian Philosophy

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science

Moscow, Russia

sashavakulinskaya@gmail.com

THE RUPTURE OF THE PHILOSOPHICAL TRADITION IN THE 20–30S OF THE XX CENTURY AND ITS CONSEQUENCES FOR THE SPIRITUAL CULTURE OF RUSSIA

Abstract. The spiritual culture of Russia is unthinkable without that philosophical tradition, which was formed under the pressure of historical and deeply internal reasons of life its creators. At the end of the XIX – beginning of the XX century, Russian thought flourished, and if within the framework of culture this phenomenon was called the Silver Age, then for philosophy it was truly the Golden Age. Never before and never later in Russia has philosophy had such a close connection with various spheres of life in Russian society, and was not so popular among non-specialists. The dramatic events associated with the expulsion of part of the intelligentsia from the country, as well as with repressions aimed at politically unreliable intellectuals (which had no good reason, but were associated only with concern about disloyalty to the authorities, freedom of thought of those who fell under sanctions) suppressed, but did not completely interrupt the spiritual ascent that began in the 20th the years of the XX century. Russian spiritual culture was preserved in emigration and returned to its homeland only in the 90s, but was soon replaced by modern Western concepts again. Today, they are trying to revive selected concepts from the philosophical heritage of Russia again in connection with urgent requests, but, as a rule, they do it very casually, omitting significant points.

Keywords: *“the philosophical steamer”, spiritual culture, Russian philosophy, revolution, ideology.*

Васильев Глеб Евгеньевич,

к.ф.н., доц., ведущий научный сотрудник
отдела культурологии Института Наследия,
г. Москва

ОСОБАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ «ПАРАДОКСА КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА»

Аннотация. В статье раскрывается суть современного феномена, который автор назвал «парадоксом Константина Леонтьева», заключающегося в том, что в современном обществе, несмотря на научно-технический прогресс, происходят процессы интеллектуальной деградации населения в целом; раскрываются определённые причины такого рода процесса. Также в этой связи раскрывается проблематика актуализации высших ценностей отечественной культуры в современном массовом обществе и основных в нём современных негативных тенденций.

Ключевые слова: культура, ценности, традиции, глобализация, глокализация.

«Этот крайне циничный взгляд на современное общество как-то растолковал мне один мой коллега по университету... Он очень умный человек, тоже преподает и прекрасно видит, что происходит, но при этом считает, что никакой катастрофы нет, а наоборот, все правильно, все развивается как надо. Дело в том, что современному развитому обществу нужны только хорошие исполнители. Творческие, думающие люди, конечно, тоже требуются, но буквально единицы. Поэтому вся система образования должна быть настроена на отбор, выращивание и дрессировку именно хороших исполнителей, а учить думать молодых людей совершенно не нужно...» (Доценко В. Пятое правило арифметики // Наука и жизнь. № 12. 2004).

«Самый ценный ресурс в условиях рыночной экономики — это дурак... А поскольку в природе они рождаются крайне редко, то надо поставить на конвейер производство дураков...» (В. Ю. Касанов, д. э. н., проф.).

«Сила правительства держится на невежестве народа, и оно знает это и потому всегда будет бороться против просвещения. Пора нам понять это...» (Из письма Л. Н. Толстого А. М. Калмыковой, август 1896 г.).

В настоящее время «парадокс Константина Леонтьева», действительно, оказывается чрезвычайно актуальным.

То, что я называю *парадоксом Константина Леонтьева*, заключается в том, что при наличии вроде как прогресса в науке и образовании, «средний человек» оказывается, напротив, всё глупее и глупее.

К. Н. Леонтьев выразил в своё время данный тезис следующим образом: «...они (современные люди. — Г. В.) не стали ни лучше, ни умнее, ни счастливее... они стали мельче, ничтожнее, бездарнее; учёнее в массе, это правда, но зато и глупее...» («Варшавский дневник», 1880 г.).

Нечто подобное за современными ему массами населения отмечал и испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, говоря о современном ему новом массовом феномене «*учёного невежды*», сиречь об узком специалисте, много вроде как знающем в некоей своей области, но совершенно невежественном как человек в целом.

Подобного рода парадокс имеет место, по-видимому, во-первых, в связи с тем, что человек элементарно всё больше отрывается от, собственно, реальности, и потому всё меньше имеет личного непосредственного экзистенциального опыта, из которого он только и может извлекать реальный смысл и таким образом, действительно, уметь, а всё более погружается в виртуальную реальность и, по сути дела, так или иначе программируется из этой виртуальной реальности (во времена К. Леонтьева — из газет, журналов, салонной болтовни и т. п.; ныне — из телевидения и прочих электронных СМРАД (средств массовой рекламы, агитации и дезинформации) и т. п.), уже без извлечения реальных личных смыслов и, соответственно, не прирастая умом; а во-вторых, современный человек ещё и дополнительно *целенаправленно оглуляется* со стороны власть имущих, господствующих социальных групп-элит, поскольку для этих элитных групп, для воспроизводства их власти в настоящих условиях нужны именно весьма низкого интеллектуального духовного уровня массы подвластного

населения, которыми легко манипулировать, внушая им любой, по существу, бред и чушь.

Также, по-видимому, такого рода процессам и тенденциям массового оглушения населения, вроде как на фоне «всеобщего образования», способствует дополнительно и то, что современные «учёные» обучаются всё более в качестве неких узких специалистов, возможно, кое-что знающих в своей всё более узкой области знаний, а во всём остальном оставаясь полными профанами. Соответственно, всему этому «успешно» способствуют целенаправленно и методично внедряемые современные «реформы образования».

В то же время, надо заметить, что, казалось бы, данный *парадокс* вроде бы идёт вразрез с т. н. *эффектом Флинна*, названным так по имени новозеландского психолога Д. Флинна, вроде как обнаружившего в 1984 г., что с 1934-го г. средний уровень IQ («интеллектуального коэффициента») в развитых странах повышался ~ на 3 пункта за 10 лет.

Однако заметим, что данный «интеллектуальный коэффициент» вовсе не является показателем ума человека и соотносится, собственно, с тем, что называется реальным умом весьма отдалённо, и вполне себе, извините, дурак может иметь довольно высокий «интеллектуальный коэффициент», ну а само это увеличение «коэффициента» связано, по-видимому, со всеобщим образованием, со всё более распространённым высшим образованием и т. п.; это во-первых; а во-вторых, даже этот показатель, «интеллектуальный коэффициент», тоже уже заполучил свою обратную тенденцию с 1990-х гг., начав своё неуклонное уменьшение.

Данное уменьшение связано, прежде всего, на мой взгляд, с одной стороны, с общей в масштабах всего Земшара деградацией за последние десятилетия системы образования, целенаправленно осуществляемой в настоящее время глобальными элитами с использованием местных бюрократических аппаратов, «управляющих» образованием, а с другой стороны, с тем, что вышеупомянутая *виртуальная реальность* овладевает «умами» людей всё *тотальней* и становится, действительно, *несопоставимо уже более сильной* по своему влиянию на «общественное мнение», на мнение неких конкретных индивидов, нежели, собственно, реальная их жизненная действительность; более того, данная виртуальная реальность по своей специфике воздействия на массового инди-

вида *подавляет*, собственно, его *сознание*, погружает его в своего рода электронный гипноз (о чём писал ещё М. Маклюэн), оставляя ему, скажем так, только некий суррогат вроде «*сознания клипового*», разорванного, не целостного, никак не обеспечивающего даже возможности такого рода индивидам логически связывать то, чем их потчует виртуальная реальность вчера и сегодня, никак не замечая вопиющих противоречий во внушаемой им информации.

Образно говоря, современный человек безнадёжно *мельчает*, *нравственно и интеллектуально*, обращаясь в то, что называется *массовым индивидом*, в своего рода *придаток* информационных систем, «цифрового левиафана» (в терминах И. Шнуренко), цифровой Мегамшины (в терминах Л. Мамфорда), которая тотально овладевает его «сознанием», становящимся, как было отмечено, типично клиповым. Но при этом такого толка индивид остаётся ещё пуще уверенным в «своём» мнении, которое ему, разумеется, внедрено извне, внушается в каждодневном режиме его прошивки и перепрошивки. И собственно, такого рода массовый индивид, по определению, неспособен как-либо реально восстать против этого своего *цифрового виртуального Господина*, у него, по существу, даже такой мысли не возникнет ввиду полного *отсутствия реального уже самосознания и сколь-либо реально критического мышления*; не говоря уж об отсутствии необходимых здесь, для подобного восстания, соответствующих нравственных характеристиках (личного мужества, чувства личного достоинства, личной чести, свободолюбия и т. п.).

Редко кто, надо заметить, обращает внимание на одну *фундаментальную нестыковку*, пытаясь разворачивать своё повествование о *проблематике «традиционных ценностей»* в современном обществе, а именно, с одной стороны, мы имеем в наличии сегодня *массовое общество*, совокупность массовых индивидов, отчуждённых друг от друга и от своей творческой человеческой сущности, а с другой стороны, пытаемся говорить о неких *традиционных ценностях*, которые, по определению, могут быть актуальны для общества так или иначе *традиционного*, и потому *не лишается ли при этом наш дискурс о традиционных ценностях в современном обществе, вообще и по определению, смысла?*

Полагаю, что если мы сегодня ещё можем вести сколь-либо осмысленную и совершенно не оторванную от реальности речь о традиционных ценностях в современном обществе, то *только*

потому, что наше общество ещё, возможно (?), не окончательно обратилось в массовое общество, хотя особенно активно за последние 30–35 лет оно обращается в нечто подобное *целенаправленно и методично*; и соответственно, возможно, некие ещё *рудименты и атавизмы* отечественной культурно-исторической матрицы, реального сознания и самосознания людей (некоего, надо признать, всё ужимающегося социального их меньшинства), реального осознания ими высших исконных русских ценностей: тех же Справедливости, Вольницы или Правды, да хотя бы своих детей, своего языка, своей Родины и т. п., ещё кое-как мерцают, хотя, конечно, очень слабо и, очевидно, всё слабее.

Надо хорошо понимать, что типичный массовый индивид, живущий в системе массового общества, управление в котором в значительной мере осуществляется через массивованную (вплоть до вполне террористического толка) практику манипуляции массовым сознанием, уже, *в принципе и по определению, оказывается неспособен реально воспринимать высшие ценности*, хотя бы ввиду тотальной деградации своего сознания, сознательности своего существования, не говоря уж о самосознании, неспособен идентифицироваться в должной действительной мере с ценностной культурной матрицей. Это просто уже становится *вне его способностей мировосприятия*.

В этом отношении, если что и происходит с такого рода массовыми индивидами, то только внушение им со стороны СМРАД, во всём их спектре, тех или иных *симулякров*, то есть установок мировосприятия и стереотипов истолкования окружающей реальности.

Причём эти стереотипы и установки здесь могут элементарно, на щелчок пальцев, меняться в ежедневном режиме до своей противоположности, без всякой соответствующей реакции (на данное противоречие) со стороны манипулируемых массовых индивидов: они уже как бы «забывают» вчерашнее, а тем паче позавчерашнее.

В подобной ситуации — ситуации *столь явной актуализации «парадокса Константина Леонтьева»* — проблематика культурных традиций, традиционных ценностей оборачивается своей довольно специфичной стороной.

Вкратце разберёмся с ключевыми здесь понятиями.

Традиции — это символы, обряды, ритуалы, правила и нормы, определяющие жизнь человека и общества и передающиеся из поколения в поколение.

Целью традиций является упорядочение жизни общества, передача жизнесмыслов от поколения к поколению, раскрытие ценностной матрицы данных культуры и общества последующим поколениям, приобщение этих новых поколений к указанным социокультурным образцам и первоначалам (высшим ценностям, святыням), обеспечение процессов социокультурной идентификации.

Традиции, собственно, имеют смысл тогда и только тогда, когда способствуют раскрытию вот этих, вышеуказанных, жизнесмыслов, святынь, высших ценностей. В противном случае, когда никакие такие высшие ценности и жизнесмыслы при осуществлении данных традиций, при их постоянном каждодневном повторении не раскрываются, мы делаем вывод о том, что такого рода традиции являются уже *вырожденными, пустыми* внутри и, собственно, уже *бессмысленными*.

Под *высшими ценностями* я понимаю наиболее значимые образцы и первоначала для человека и общества.

Высшие ценности — это, собственно, то, на чём и вокруг чего выстраивается и вращается жизнь человека и общества; высшие ценности есть *точки интенсивности бытия человека и общества*; высшие ценности есть *то, за что данный человек и данное общество готово биться насмерть*, ибо в противном случае их, этого человека и этого общества, уже не будет; причём здесь, не суть важно, в реальном или морально-правственном смысле «не будет».

Приобщение к высшим ценностям осуществляется человеком *целостно*, так или иначе, в той или иной мере, *на всех уровнях* его души: от подсознательных уровней чувств и эмоций до сознания и самосознания. И это приобщение происходит, так или иначе, на разных этапах жизни человека в данной социокультурной среде: от младенческого взаимоотношения с матерью до своего полного взросления и ещё позже.

Очевидно, что для *полноценного приобщения* человека и, шире, общества к некой ценностной матрице, так или иначе, заключённой в определённом порядке традиций, необходим *соответствующий (минимальный) уровень духовного развития человека*: в плане его интеллектуального, духовного развития обеспечивающий, хотя бы на минимальном уровне, возможность его приобщения к соответствующей ценностной матрице.

И вот тут мы приходим к актуальной проблематике парадокса Константина Леонтьева.

Можно вполне обоснованно предположить, что современный человек, массовый индивид, во-первых, всё более *оторван от реальности* как таковой, и поэтому, кстати, *лишающийся даже уже толики элементарно здравого смысла* в своих, программируемых ему, по существу, уже извне, мнениях и даже поступках, и погружённый, соответственно, в реальность виртуальную, из которой, по существу, никакие экзистенциальные личные смыслы, очевидно, уже не могут быть им извлечены; во-вторых, целенаправленно, зачастую, *программируется он и перепрошивается* из этой виртуальной реальности манипуляторами массовым сознанием; ну и, наконец, в-третьих, он всё более *целенаправленно оглуляется* нынешней, отреформированной в глобальном масштабе «системой образования», *штампуются ею и редактируются*, и, как итог, оказывается, зачастую, *уже просто неспособен сколь-либо реально, действительно экзистенциально, лично воспринять некие традиции и, главное, извлечь заложенную в них ценностную матрицу, высшие жизнесмыслы и стратегические цели существования себя и общества в целом.*

Проще говоря, для современного массового индивида-потребителя, например, исконная ценностная матрица отечественной культурно-исторической системы, с её ценностными образцами и первоначалами Справедливости, Правды, Вольницы, Родины и т. д., может стать, оказывается *уже просто недостижимой* по своему уровню возможностей восприятия и раскрытия, не говоря уж о его возможности приобщения к ней. Оказывается она недостижимой и в плане низкого развития подсознательного, чувственно-эмоционального уровня современного человека (массового индивида), его возможностей эстетического восприятия, развития его чувств, и в плане его интеллектуального восприятия, на уровне разума, сознания и самосознания, нравственного самосознания, поскольку последние тут, у современного массового индивида, в сколь-либо полном смысле слова, просто обыкновенно уже отсутствуют.

Вообще для наличествующей *социально-экономической глобальной системы* становится всё более жизненно-необходимым, с одной стороны, стирать все остатки реальных ценностных культурных матриц и, соответственно, традиционных ценностей

стран и народов, а с другой стороны, целенаправленно и методично снижать общий интеллектуальный, не говоря уж о духовно-нравственном, уровень населения. В целях соответствующей массовой промывки мозгов, эксплуатации и, в перспективе, расчеловечивания.

В то же время при этом нужно хорошо понимать, что современная система манипуляции массовым сознанием может внушать массам населения *симулякры* якобы «традиций», «традиционных ценностей», внушая, например, пустые формы, пустые ритуальные блоки, внушая, под этим прикрытием, любые выгодные ей установки и стереотипы, но всё это, с одной стороны, будет, разумеется, сугубой *профанацией*, не имеющей ничего общего с реальными процессами социокультурной ценностной идентификации, а с другой стороны, более того, оказывается весьма чревато самыми нехорошими последствиями для людей, потому как цели нынешних манипуляторов массовым сознанием совершенно бесчеловечны и так или иначе предполагают массовое сокращение населения и учинение режима тотального цифрового контроля за «человеческим» стадом в режиме цифрового паноптикума.

В качестве такого рода элементарных тактических целей власть имущих, внушающих массам населения симулякры «традиционных ценностей», будет, например, стравливание различных сообществ, например, внушив одной части общества одни агрессивные стереотипы и установки под видом якобы неких «традиционных ценностей» (как пример — симулякр «исламского фундаментализма»), а другой части общества внушив что-нибудь в качестве якобы «традиционных ценностей» что-то другое, возбуждая соответствующие конфликты и даже войны между этими сообществами, в стратегических целях, опять же, сокращения населения и получения дополнительных возможностей и оснований для учинения режимов тотального контроля и отнятия у людей остатков их прав и свобод по всему миру.

Такого рода действия власть имущих (глобальных элит) и их подручных манипуляторов массовым сознанием осуществляются ими в русле установления так называемого режима *глокализации*, то есть блокирования масс населения на определённых *локальных* территориях, вплоть до «15-минутных городов», а то и в специальных эвакуационных лагерях, сохраняя при этом для себя, для

элиты, напротив, полную возможность *глобального* перемещения и укрепляя тем самым свою *глобальную* власть.

Полагаю, сегодня очень важно не попадаться на удочку манипуляторов массовым сознанием, пытающихся под видом якобы «традиционных ценностей», под сладкие речи якобы о «защите традиционных ценностей», по существу, реализовывать тихой сапой всё то же вышеуказанное целеполагание глобальных элит.

Соответственно, разумеется, для «успешной» реализации данного глобального их целеполагания необходимо целенаправленное и методичное массовое оглушение населения.

Методология противостояния такого рода глобальным тенденциям и целеполаганию, разумеется, требует отдельного разговора, выходящего за рамки данной работы.

Литература

1. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. – М. : Эксмо, 2007. – 896 с.
2. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. – М. : Кучково поле, 2003. – 464 с.
3. *Мамфорд Л.* Миф машины. – М. : Логос, 2001. – 408 с.
4. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. – М. : Весь мир, 1997. – 704 с.
5. *Шнуренко И.* Номо fractus. Человек взломанный. – М. : Наше Завтра, 2021. – 452 с.

Vasiliev Gleb Evgenievich,
*Ph.D., Associate Professor, Leading Researcher
at the Department of Cultural Studies
of the Heritage Institute, Moscow
Gleb.negin@mail.ru*

THE SPECIAL RELEVANCE OF THE “KONSTANTIN LEONTIEV PARADOX”

Annotation. The article reveals the essence of the modern phenomenon, which the author called the “Konstantin Leontiev paradox”, and consists in the fact that in modern society, despite scientific and technological progress, there are processes of intellectual degradation of the population as a whole; certain reasons for this kind of process are revealed. Also, in this regard, the problems of actualization of the highest values of national culture in modern mass society and the main modern negative trends in it are revealed.

Keywords: *Culture, values, traditions, globalization, glocalization.*

Широкалова Галина Сергеевна,

*доктор социологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Приволжского филиала
Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии
наук; старший научный сотрудник Международной
междисциплинарной научно-исследовательской
лаборатории «Изучение мировых и региональных
социально-политических процессов»
Нижегородского государственного лингвистического
университета имени Н.А.Добролюбова,
г. Нижний Новгород*

«ПАМЯТНИКОПАД» И «ПАМЯТНИКОСТРОЙ»: ДВЕ СТОРОНЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЕДАЛИ

Аннотация. Понятием «памятникопад» чаще обозначают одну из форм борьбы с историей, выражающейся в сносе памятников, посвящённых событиям и героям разных исторических эпох. Но параллельно идёт процесс разрушения «нерукотворных» памятников прежней идеологии, её сакральных символов, зафиксированных в законодательных актах, политических доктринах, искусстве, художественной литературе. Значимым фактором становления плюрализма идей/оценок/идеалов прошлого & настоящего & будущего стал закреплённый Конституцией РФ отказ от государственной идеологии. В результате «размытых» координат «памятникопада» и «нерукотворного памятникостроя» общественное мнение россиян не структурировано и противоречиво. В статье анализируются последствия единого исторического процесса разрушения & созидания, проявляющегося в представлениях студентов об «идеальном обществе», сформированных на основе парадигмы о правах человека, и в оценках реального российского общества.

Ключевые слова: *единство, многообразие, «памятникопад», «памятникострой», студенты, права человека.*

Согласно научной концепции Российского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва к памятникам истории и культуры относятся и носители живых культурных традиций [22, с. 20]. Носители живых культурных традиций — самый сложный объект изучения, познание которого возможно только

на основе междисциплинарных исследований. В их числе — социология разных социальных групп, но особенно значимо, на наш взгляд, изучение студенческой молодёжи, которая займёт статусные позиции во всех сферах жизни, а следовательно, будет определять смысловые ориентиры развития как непосредственно через управленческие функции, так и опосредованно через визуально/вербально транслируемый стиль и образ жизни.

Любая эпоха не заканчивается в день смены власти: прежние ценности и смыслы постепенно уступают место новым, поэтому «памятникопад & памятникомстрой» — алогичный процесс с элементами парадоксальности может длиться десятки лет. Сегодняшние студенты социализировались уже в постсоветские десятилетия сравнительной стабильности, наступившей после разрушительных девяностых годов; тем важнее выяснить «сочетание» в их мировоззрении идеалов прошлого и оценок настоящего.

В зависимости от «социального старта», 1990-е годы в России для кого-то «благословенные, бредовые, веселые, губительные, дикие, звонкие, кровавые, лихие, лихорадочные, пестрые, плохие, позорные, проклятые, романтические, разные, сказочные, славные, сложнейшие, сложные, смутные, странные, страшные, тревожные, трудные»... Но для большинства это — «лихие девяностые» [2, с. 124]. Не будем перечислять показатели роста преступности, самоубийств, вынужденной миграции, военных действий по периметру РФ и бывшего СССР в те годы — они остаются предметом постоянного дискурса [12]. Приведём обобщённую оценку событий того десятилетия, данную докт. экон. наук, проф. Ю. М. Осиповым: «Взяла да устроила власть революцию в СССР — России рубежа 1980–1990-х гг., — и при этом еще какую революцию, совершенно и немислимую — прямо сверху и из центра, прямо вопреки намерениям и воле народа, прямо против народа, прямо в свою пользу и своего же поначалу подпольно, а затем и легально сформированного аморального класса. И ничего! Все свершилось сразу и целиком, власть осталась на месте, народ, а что народ? — как обычно: кто куда, — и тоже ничего: кто явно выиграл, кто лишь продержался, кто вчистую проиграл, а кто и совсем исчез» [15, с. 429].

Процесс разрушения социальной структуры в результате реформ в экономической сфере сопровождался крушением жизненных смыслов через развенчание прежних авторитетов и насажде-

ние новых. Активную роль в этом играли не только политики, но и учёные [21].

Совокупность многовекторных процессов сконструировала «общество травмы» [18]. В начале 2000-х гг. д. ю. н., проф. В. С. Устинов «мягко» охарактеризовал ситуацию в РФ: «Резкий переход к рыночным отношениям сопровождался неизбежными криминогенными издержками. Однако они могли быть и еще могут быть сокращены внесением существенных корректив в процесс реформ, не изменяющих сущности российского общества, как демократического и рыночного». И далее перечислялись направления работы по стабилизации общественных отношений: «...усиление социальной ориентации реформ: подъем материального производства, повышение жизненного уровня нищего большинства, сокращение разрыва между богатыми и бедными в уровне доходов, существенная поддержка малого предпринимательства, усиление внимания к культуре, к сохранению позитивных традиций, к воспитанию подрастающего поколения» [9, с. 389]. Странно было бы надеяться, что те, чьей целью было создать социально «расщеплённое общество», вдруг сменяют вектор развития под влиянием мнений учёных. Кроме того, «блокировались, шельмовались или замалчивались люди, группы, социальные институты, информационные ресурсы, культурный контент, образовательные программы и политические решения, где императивами являлись духовно-нравственные ценности» [8, с. 126].

Но к началу 20-х годов XXI века власть вынуждена была взять социально ориентированный курс на преодоление разрыва социального пространства — результата 1990-х годов. «Новый курс», в соответствии с законом отрицания отрицания, возвращал понятия, осмеянные в 1990-х годах: традиция, справедливость, достоинство, законность, правда, верность, родной язык, национальные интересы, патриотизм, защита соотечественников, взаимопомощь и т. д. Их совокупность призвана была сформировать систему смысловых координат оценки окружающего мира и как цель — новый менталитет.

Насколько успешно решается эта задача, можно судить по результатам исследований разных социологических центров. Ностальгия по советскому (до Горбачёва) прошлому фиксируется во всех социальных группах, не относящихся к «российской элите» (она по понятным причинам не входит в круг анкетировемых) [3; 10].

И это понятно: «Общества, пережившие исторические травмы, нуждаются в анестезии и психотерапии. Эти функции часто выполняет коллективная ностальгия по «старым добрым временам», например, позднесоветскому периоду «развитого социализма» [17].

Опрос Российского общества социологов «Культурное наследие и связь поколений – 2022» проводился среди студентов РФ методом случайной выборки через онлайн-анкетирование с использованием google-форм во всех федеральных округах России (N = 9751) [6; 7]. Наш вывод, сделанный по результатам исследования почти 10 тысяч студентов вузов из всех федеральных округов России, корреспондирует с утверждением М. А. Ядовой, что «интерес к советскому прошлому для части молодежи вызван мечтами о благополучном и справедливом обществе равных возможностей, от образа которого так далека сегодняшняя Россия [23, с. 231].

По итогам названного исследования РОС можно сделать вывод, что социальное расслоение и неравенство стартовых возможностей в современной России негативно оценивается молодёжью. Представления об идеальном обществе явно противоположны оценкам реальности. Приведём несколько показателей диссонанса в разных сферах жизни, выбрав, из общего массива опрошенных, нижегородских студентов (n = 1699 чел.) (табл. 1).

Таблица 1

Степень обеспечения государством прав граждан в идеальном обществе и в современной России, % от числа опрошенных

	в идеальном обществе	в обществе, в котором вы живёте
Достойная пенсия	90,6	23,9
Достойная оплата труда	90,1	27,0
Уверенность в будущем	89,1	28,7
Справедливость	88,4	35,2
Равная оплата за равный труд	88,0	29,1
Обеспечение рабочими местами	86,8	38,1
Равенство перед законом	86,6	38,5
Бесплатное здравоохранение	85,9	52,5
Уважение к другим народам	85,7	45,0
Возможность трудоустройства по специальности	85,6	44,4

Окончание табл. 1

	в идеальном обществе	в обществе, в котором вы живёте
Толерантное отношение к сексуальным меньшинствам	83,1	33,0
Бесплатное образование в школе, вузе	82,5	62,1
Поддержка малых народов	81,6	50,4
Свобода выбора любой религии или атеизма	80,2	61,9
Возможность однополых браков	80,2	31,4
Возможность смены пола	74,5	44,5
Аборты только по медицинским показаниям	68,5	50,2
Легализация лёгких наркотиков	62,5	49,3

Не жившие в СССР респонденты имеют ограниченный «ландшафт памяти», и «виртуальная ностальгия не зовёт» возвращаться в советское прошлое: в зависимости от региона лишь 4–7% хотели бы жить во времена Брежнева (правление которого с конца 1990-х получило спорный лейбл «застой», а образ многократно пародирован [4]), в эпоху Горбачёва — в 2 раза меньше [20, с. 206]. Но студенческий эскиз «идеального общества» в основных чертах аналогичен образу жизни населения в СССР, который в свою очередь во многом соответствует положениям Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, правда, с «либерально/сексуальным» наполнением. Впрочем, в этом своеобразная историческая перекличка со всеми предшествующими революциями в мире: в первую очередь отменяющими «сексуальные табу», регулируемые предшествующей культурой.

Вне сомнения тот факт, что студенты не знают о Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, но напоминание о котором уместно. Его принятие отражало общемировые настроения середины XX века. После окончания Второй мировой войны и поствоенного восстановления появилась возможность повысить уровень жизни основной массы населения развитых стран за счет роста производительности труда благодаря новому технологическому укладу. В 1966 году Генеральной ассамблеей ООН во многом благодаря авторитету СССР был принят

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Об этом документе, конкретизирующем положения Всеобщей декларации прав человека, в России вспоминают нечасто: причина в том, что многие его положения с конца 1980-х реализуются в гораздо меньшей степени, чем во времена стабильного СССР, порождая ностальгию.

Отметим важную деталь: название Пакта свидетельствует, что его разработчики прекрасно понимали взаимозависимость экономической, социальной и культурной сфер.

Вот некоторые выдержки из ст. 7: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого на справедливые и благоприятные условия труда, включая в частности:

a) вознаграждение, обеспечивающее, как минимум, всем трудящимся:

i) справедливую зарплату и равное вознаграждение за труд равной ценности без какого-либо различия. Причем, в частности, женщинам должны гарантироваться условия труда не хуже тех, которыми пользуются мужчины, с равной оплатой за равный труд;

ii) удовлетворительное существование для них самих и их семей в соответствии с постановлениями настоящего Пакта;

b) условия работы, отвечающие требованиям безопасности и гигиены;

c) одинаковую для всех возможность продвижения в работе на соответствующие более высокие ступени исключительно на основании трудового стажа и квалификации;

d) отдых, досуг и разумное ограничение рабочего времени и оплачиваемый периодический отпуск, равно как и вознаграждение за праздничные дни» [11, с. 4].

Основная группа претензий у молодёжи связана с трудовой сферой. И дело не только в их личном опыте: они живут не в безвоздушном пространстве, знают проблемы сокурсников, вынужденных трудоустраиваться во время учёбы из-за низкого уровня дохода родительских семей; выпускников вузов, работающих не по полученной специальности; своих родных, обострившиеся в связи с повышением пенсионного возраста. В России молодёжь не выходит на улицы, как во Франции. (Ответ одного из студентов: «Я не хочу, чтобы меня били».) Её ответ — выбор профессий

в сферах госслужбы и услуг с «чаевыми» (уже не только в кафе, но и в гостиницах в номерах лежат «напоминальнички»: «Оцените работу горничной. Вы можете поделиться отзывом и оставить чаевые»). В магазинчиках на рынках Крыма стоят стеклянные банки с надписью «На улыбку продавцу»). Отказ от работы в реальном секторе экономики, «серая занятость» («Я до пенсии все равно не доживу»), нарушение технологии производства и трудовой дисциплины, отсутствие корпоративной этики, ориентация на частую смену мест работы вплоть до отказа от неё в принципе под тем или иным предлогом — реалии дня сегодняшнего. Естественны в этой ситуации и миграционные настроения, фиксируемыми социологическими центрами.

В нашем исследовании марта — июня 2022 года 43% планировали остаться в своей стране, 33,8% сделают выбор в зависимости от предложения хорошей работы, 7,3% уже решили уехать из страны. Конечно, Специальная военная операция внесла свои коррективы.

Есть претензии у студентов и к здравоохранению. Ст. 12 Пакта даёт пояснения и на этот счёт: «d) создание условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни» [11, с. 6].

Критическое отношение к условиям получения образования. Вновь обратимся к Пакту, ст. 13: «с) высшее образование должно быть сделано одинаково доступным для всех на основе способностей каждого путем принятия всех необходимых мер и, в частности, введения бесплатного образования;

<...>

e) ...должны постоянно улучшаться материальные условия преподавательского персонала...» [11, с. 7]. (Отметим: не за счёт стеклянной банки с надписью «За положительную оценку реферата...»)

Многонациональность и поликонфессиональность России всегда требовала взвешенной национальной политики. Среди наших респондентов только 45% респондентов указали, что в России уважительно относятся к другим народам. Это многоаспектный вопрос, требующий дополнительного изучения. Мы лишь отметим, что среди опрошенных русские составляли 78,2%, то есть и русские студенты оценивали положение малочисленных народов и диаспор как неоднозначное. Малые сообщества всегда чувстви-

тельны к тому, на что может не обращать внимание большинство. Пример: из-за нежелания использовать в положительном контексте название «Красная армия» в выступлениях о событиях Великой Отечественной войны все чаще его заменяют на «русская армия» или «Советская армия», хотя переименование состоялось в 1946 году [1]. Сегодня российские войска, принимающие участие в СВО, многонациональны, но СМИ называют их русской армией, не провоцируя ли этим вопросы у малочисленных народов?

Предложение вице-спикера П. Толстого называть все народы России русскими, независимо от их национальности [16], не учитывает роста национального самосознания малочисленных народов, что грозит новыми всплесками национализма и сепаратизма, ярко заявившего о себе в 1990-х годах. Культурологически опасно оно и для самого русского народа, идентичность которого и так «размывается» в связи с падением рождаемости и межнациональными браками.

Национальность и конфессиональность — для многих — две стороны одной медали. Обратим внимание на показатель «свобода выбора любой религии или атеизма». У нас нет возможности уточнить, у какой именно из этих двух категорий ущемляются права, но, очевидно, конфессиональная политика постсоветского времени вызвала разочарование в религии как социальном институте у значительной части молодёжи (табл. 2).

Таблица 2

**Суждения, описывающие отношение к религии студентов,
% от числа опрошенных**

Я верующий, имею тесные связи с общиной	6,5
Я верующий, но к Богу обращаюсь без посредников	25,8
Я верю в высшие сверхъестественные силы	11,7
Я агностик (у меня нет доказательств как отсутствия, так и существования Бога)	24,5
Я не определился, пытаюсь найти для себя правильное решение	10,0
Я человек неверующий, безразличный к религии	12,8
Я убежденный атеист (отрицаю существование Бога)	7,8
Итого ответивших:	99,1

* Пропуски: 16 из 1699 (0,9%)

Напомним, что в Нижегородский край в Керженские леса от реформы Никона бежали старообрядцы. Будучи грамотными, они более адекватно сохраняли верность Священному Писанию, религиозным традициям и после перехода в РПЦ. Богатейшие купеческие семьи Нижнего Новгорода, а позднее и Москвы, были старообрядцами. Поэтому в советское время край был третьим в РСФСР регионом по уровню православной религиозности, пропуская вперед только Москву и Ленинград. В настоящее время религия утрачивает регулирующую поведение людей функцию по многим объективным причинам, и всплеск религиозности в связи с СВО не отменит эту тенденцию.

В последнее время наблюдается упование на традиционную национальную культуру как фактор, способный «возродить нравственность». В какой-то степени для какой-то группы молодёжи это станет, как говорят сегодня, «красной чертой», ограничивающей распространение либеральных идей и практик. Но без изменения повседневных условий жизни, о которых речь шла выше, эти меры не отменяют поиск «замещений»: слишком изменилась структура ценностей молодёжи по сравнению с поколениями «отцов» и «дедов» [19, с. 13–22]. К тому же, что включается в набор «традиционных ценностей»? У народов России они очень отличаются, и по какой «глубине веков» нужно оценивать традиционность?

Например, депутат Госдумы от Чечни Адам Делимханов в связи с обсуждением законопроекта о запрете ношения религиозной одежды в школах справедливо заметил, что «в православии женщине тоже положено носить платок как символ боголюбия, женственности и смирения» [5]. Будет ли разрешено многоженство, поощряемое исламом с VII века нашей эры? Его предложил узаконить глава Духовного управления мусульман РФ шейх Равиль Гайнутдин [13].

Еще одно замечание: невозможность реализовать базовые потребности в сфере труда, образования, здравоохранения и т. д. сублимируется в других сферах, где в силу «падения нравов» «разрешено всё, что партнёрами не запрещено» в сексуальной сфере и обороте наркотиков. Десятилетия акцентирования важности для человека сексуальности через СМИ, фильмы, выставки, театральные постановки и т. д. не прошли бесследно, что отразилось в оценках студентами разных форм сексуальных отношений. Разумеется, 70 % не будут делать операцию по смене пола, 80 % — вступить

в однополые браки, но для этого поколения право на них — это норма. И это тоже показатель снижения управленческой функции религии как социального института и внутреннего «контролёра». В этой связи выскажем убеждение, что законы, регулирующие данную сферу, в том числе ряд запретов на пропаганду в СМИ, были приняты с запозданием. А размер штрафов не столь велик для творческой «тусовки» [14].

Данные из колонки «в обществе, в котором вы живёте» косвенно свидетельствуют об их распространённости и положительном отношении к ним значительной части молодёжи. Обратимся к учебнику «Криминология»: «Преступному поведению учатся, взаимодействуя в процессе общения с другими людьми» [9, с. 35].

Подведём итоги. Представления о «должных и сущих» правах не совпадают не только у молодёжи: ностальгия всех поколений подогревается коммуникативной памятью живших в СССР. «Сущее» противостоит исторической памяти, но главное — это невозможность удовлетворения базовых витальных и социальных потребностей значительной частью населения. Россия, объявившая себя правопреемницей СССР на международном уровне, отказалась от выполнения многих обязательств в экономической, социальной, культурной сферах, что фиксируется через статистические показатели и результаты многочисленных социологических исследований. Лишая значительную часть населения уверенности в удовлетворении их базовых прав и в будущем, государство порождает сомнение в справедливости общественного устройства, провоцирует миграционные настроения у наиболее мобильной и образованной молодёжи и пассивно-терпимое отношение к аморально-криминогенному ущемлению своих прав у остальных.

Литература

1. А было ли переименование Красной Армии? // Читать статьи по истории РФ для школьников и студентов. Текст: электронный. — URL: <https://histrf.ru/read/articles/a-bylo-li-pierieimienovaniie-krasnoi-armii> (дата обращения: 05.06.2024).
2. Бонч-Осмоловская А.А. Имена времени: эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти // Шаги/Steps. — 2018. — № 4. — С. 115–146. — DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-3-115-146.

3. ВЦИОМ. Новости: 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? Текст: электронный. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (дата обращения: 01.06.2024).
4. *Гладкова М.* Голова Брежнева вчера летала в Строгине // URL: <https://vm.ru/news/451830-golova-brezhneva-vchera-letala-v-strogine>; Бэтмен против Брежнева. Текст: электронный. — URL: <https://mbronnya.ru/performances/batman-protiv-brezhneva> (дата обращения: 05.06.2024).
5. Делимханов напомнил, как нужно одеваться православным женщинам // NEWS.ru. 03.06.24. Текст: электронный. — URL: (дата обращения: 07.06.2024).
6. *Дулина Н.В., Засыпкин В.П., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С.* Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2022. — № 5 (80). — С. 151–154. — DOI: 10.26105/SSPU.2022.80.5.014.
7. *Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С.* Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. — 2022. — Т. 8. — № 3. — С. 61–78. — DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.
8. *Закунов Ю.А.* Современные процессы наследования культуры в контексте российской цивилизационной альтернативы [Электронное сетевое издание] / Юрий Александрович Закунов. — Москва : Институт Наследия, 2024. — 232 с. — DOI 10.34685/m2007-1519-0840-l. ISBN 978-5-86443-458-1.
9. Криминология : учебник / Под ред. д.ю.н. В. Н. Бурлакова, д.ю.н. Н. М. Кропачева. — СПб. : Санкт-Петербургский университет; Питер, 2002. — 432 с. — (Серия «Учебники для вузов»).
10. Левада-Центр : Ностальгия по СССР. Текст: электронный. — URL: <https://www.levada.ru/2021/12/24/nostalgiya-po-sssr-3/> (дата обращения: 06.07.2024) («ЛЕВАДА-ЦЕНТР» отнесён к иностранным агентам).
11. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Международные Пакты о правах человека : сборник документов. — СПб. : Социально-коммерческая фирма «Россия – Нева», 1993. — 41 с.
12. *Мусаелян Л.А.* Реформы 90-х и их экономические и политико-правовые последствия // Вестник Пермского университета: Юридические науки. — 2018. — Вып. 39. — С. 36–52. — DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-36-52.

13. Муфтий Москвы предложил узаконить многоженство в России // РИА Новости. 03.03.2020. Текст: электронный. — URL: <https://ria.ru/20190925/1559123457.html> (дата обращения: 05.06.2024).
14. Онлайн-кинотеатр «Иви» оштрафовали на 1,2 млн рублей из-за ЛГБТ-материалов // РТ на русском. Текст: электронный. — URL: // <https://russian.rt.com/russia/news/1320531-ivi-shtraf-lgbt> (дата обращения: 05.06.2024).
15. *Осипов Ю. М.* Российское перепутье: из века двадцатого в век двадцать первый. 1990–2023 : избранные тексты, включая и остро сюжетные : в 3 т. Т. 1 / Ю. М. Осипов ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова [и др.]. — Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2024. — 534 с.
16. «Политики в Москве могут называть нас «русскими», но мы не перестанем быть татарами» // Текст: электронный. — URL: // <https://www.tatar-inform.ru/news/politiki-v-moskve-mogut-nazyvat-nas-russkimi-po-mu-ne-perestaniem-byt-tatarami-5928096> (дата обращения: 05.06.2024).
17. *Соболевская О. В.* Обезболивание ностальгией. Почему люди тоскуют по советской эпохе // Новости. Научно-образовательный портал IQ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» // URL: <https://iq.hse.ru/news/301388060.html>. 08.08.2019 (дата обращения: 05.06.2024).
18. *Тощенко Ж. Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). — Москва : Издательство «Весь Мир», 2020. — 352 с.
19. *Широкалова Г. С.* Деды, отцы, внуки: чем отличаются поколения? // Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве : сборник статей по материалам Международной научной конференции. — Казань. 2022. — 436 с.
20. *Широкалова Г. С.* Студенты о ценностях советской эпохи // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью : сборник материалов V Международной научной конференции (г. Челябинск, 29–30 сентября 2022 г.) / Под ред. Р. А. Бадикова. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. — 263 с. — DOI 10.47475/9785727118559-45.
21. *Широкалова Г. С.* Ученые как акторы форматирования новейшей истории // Родина, которой присягали... : материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования СССР (Нижний Новгород, 14–15 октября 2022 г.) / Под ред. А. В. Грехова, А. Н. Фатенкова. — Нижний Новго-

род : Издательство Приволжского исследовательского медицинского университета, 2022. — 224 с.

22. Шульгин П.М., Штеле О.Е. Роль Института Наследия в изучении и сохранении национального достояния России / П.М. Шульгин, О.Е. Штеле // В фокусе наследия : сборник статей, посвящённый 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва / Сост., отв. ред. М.Е. Кулешова. — М. : Институт географии РАН, 2017. — 688 с.
23. Ядова М.А. «Не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему»: постсоветская молодежь о распаде СССР // Текст: электронный. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ne-po-proshlomu-nostalgiya-nostalgiya-po-nastoyaschemu-postsovetskaya-molodezh-o-raspade-sssr> (дата обращения: 02.06.2024).

Shirokalova Galina Sergeevna,

Doctor of Sociological Sciences, Professor,

Leading Researcher of the Volga Branch

of the Federal Research Sociological Center of the

Russian Academy of Sciences; Senior Researcher of the

International Interdisciplinary Research Laboratory

“Study of World and Regional Socio-Political Processes”

of N.A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic

University, Nizhny Novgorod, Russia,

mail: shirokalova@list.ru

“MONUMENTKOPAD”

AND “MONUMENTKOSTROY”:

TWO SIDES OF THE HISTORICAL MEDAL

Annotation. The term “monumentkopad” is more often used to denote one of the forms of struggle against history, expressed in the demolition of monuments dedicated to events and heroes of different historical epochs. But in parallel there is a process of destruction of “non-man-made” monuments of the former ideology, its sacral symbols fixed in legislative acts, political doctrines, art and fiction. A significant factor in the formation of a pluralism of ideas/assessments/ideals of the past & present & future was the rejection of the state ideology

enshrined in the Constitution of the Russian Federation. As a result of the “blurred” coordinates of “monumentkopad” and “non-manufactured monumentkopad” the public opinion of Russians is unstructured and contradictory. The article analyzes the consequences of the unified historical process of destruction & creation, manifested in the students’ ideas about the “ideal society”, formed on the basis of the paradigm of human rights, and in the assessments of the real Russian society.

Keywords: *unity, diversity, monument-collapse, monument-building, students, human rights.*

Дробышева Елена Эдуардовна,
доктор философских наук, доцент,
вед. науч. сотрудник сектора актуальных проблем
современной художественной культуры РИИИ,
Санкт-Петербург

ТРАДИЦИИ VS НОВАЦИИ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Современная система российского высшего образования рассматривается через призму авторской концепции архитектурного устройства культуры как сложной самоорганизующейся системы, в которой образование занимает ведущую роль, обусловленную сложным взаимодействием процессов геополитического, цивилизационного, технологического и мировоззренческого планов. В качестве конкретных кейсов рассматриваются актуальные события в социогуманитарной сфере: Санкт-Петербургский культурный форум, а также некоторые инициативы, принципиально меняющие образовательный ландшафт. Делается вывод о том, что эпоха «смерти и воскрешения университета» требует от профессионального сообщества высокого уровня рефлексивных и методологических обобщений и практических усилий. Векторы трансляции и трансформации в образовательном пространстве должны развиваться гармонично, что требует концептуальной консолидации профессионалов в сфере культуры, науки и образования.

Ключевые слова: архитектура культуры; высшее образование; аксиосфера; традиции и новации; креативные индустрии.

Процессы перереформирования актуальной социальной реальности сегодня включают ряд разноуровневых и разнонаправленных подвижек глубинной архитектоники культурного пространства. Реализуемые на наших глазах стратегии и практики «отмены русской культуры» призывают нас, специалистов в сфере науки и образования, не только внимательно анализировать ситуацию, но и заниматься прогностическими, проектными исследованиями, причём с акцентом на специфику именно «русскости», что бы это ни значило — от варианта, предложенного Александром Сергеевичем Ключевым (см. материалы данного сборника), до более широких, цивилизационных трактовок, но с учётом исторического контекста.

Система высшего образования — важнейший социорегион, репрезентирующий онтологические, гносеологические и аксиологические основания культуры. Битва традиций и новаций в этой сфере всегда очень болезненна для общества. В условиях синергии вызовов сегодняшнего дня — от геополитических до технологических (наступление цифровой эры) — ответы на эти вызовы также должны искаяться в синергийной парадигме, силами специалистов из различных секторов социокультурных практик.

В рамках данной статьи не ставится задача анализировать историю и традиции русского и советского образования, здесь будет уделено внимание именно креативности / инновативности, но не как научной проблеме, а как скорее *проблеме* для общества. Такая игра слов и смыслов. Мы все помним, как на рубеже 1990–2000-х все бывшие советские вузы-институты повально стали присваивать себе статус университета, игнорируя исходное значение слова и задаваемую им планку, в итоге мы получили уродцев типа «аграрного» или «медицинского» университетов. Сейчас видим обратный переход — университеты культуры и искусства, например, снова становятся институтами культуры, не вписываясь по требуемым показателям в университетскую форму (в данном случае не о содержании образования речь, это отдельный дискурс).

Не так давно в российском медийном дискурсе в ходу была нелицеприятная метафора «бешеный принтер» по поводу деятельности одной из высоких государственных структур, сейчас мы в этом же «жанре» наблюдаем гиперактивность чиновничества в сфере реформирования системы образования — как школьного, так и высшего. Причём весь этот «марш» уже давно сопровождается концептуальными высказываниями власть имущих, включая, например, одиозное выступление российского государственного и банковского деятеля, председателя правления публичного акционерного общества «Сбербанк России» Германа Грефа на Санкт-Петербургском экономическом форуме в 2012 году о том, что обучать народ небезопасно, так как «манипулировать, управлять им будет сложно» [5]. Буквально недавно, уже в 2023 г., сенатор от Челябинской области Маргарита Павлова в беседе с телеканалом «Царьград» заявила: «Нужно перестать ориентировать девушек на получение высшего образования. Нужно перестать плодить количество молодых людей, которые получают высшее образование,

которое потом ни к чему не приводит их» [10]. Также скандально о «вреде высшего образования для женщин» высказалась и наша коллега, женщина, доктор наук, директор НИИ [7]. Сказано это было в дискурсе демографической повестки, значимость которой переоценить трудно, но прозвучало так, как это услышали.

Новации, которые мы не заслужили

В основу нашего сообщения легли три достаточно разнородных по масштабу, но касающихся обозначенной темы напрямую, актуальных инфоповода:

1. Проходящий буквально в дни работы нашей конференции в Санкт-Петербурге IX культурный форум.

2. Новость из Министерства образования о возможной ротации в перечне входных требований к поступающим на специальность «юриспруденция».

3. Ведущиеся в профсообществе на протяжении последнего года разговоры о возможном / невозможном, необходимом / достаточном, обратном переходе к специалитету и / или реформировании нынешней системы бакалавриат + магистратура (Болонский вариант).

Пример первый. IX Санкт-Петербургский культурный форум превратился в «Форум объединенных культур» и... перестал объединять профессионалов — теоретиков и практиков, которые ранее имели возможность в различных форматах встречаться на полях предыдущих восьми форумов, начиная с 2011 года. Было три потока: деловой (для чиновников и административных работников сферы культуры), профессиональный (для широкого круга занятых в культурном производстве) и общественный (для всех, кто интересуется, увлекается и пр.). Зачем надо было ломать работающий алгоритм? Кому выгодно это перманентное реформирование успешных культурных проектов? Вопросы риторические. На форум 2023 года заявки заранее в открытом формате никто не собирал, ничего не анонсировалось до последнего дня, никакой регистрации не было. В итоге на мероприятия смогли попасть очень немногие, получившие приглашения от конкретных организаторов конференций, круглых столов, мастер-классов.

Пример второй. В России могут изменить порядок приёма абитуриентов, которые хотят стать юристами. Так, ректор МГИМО

А. В. Торкунов сообщил, что для абитуриентов, поступающих на юридические факультеты, могут ввести обязательный ЕГЭ по профильной математике. Для поступления на программы бакалавриата и специалитета в области юриспруденции на данный момент нужно сдать три ЕГЭ: русский язык, обществознание и один из профильных предметов, который зависит от вуза и специальности. Обычно это история, иностранный язык и литература. Математика тоже иногда требуется для конкретных направлений подготовки. Например, она нужна для поступления на программы «Инженерно-технические экспертизы», «Цифровое право», «Судебная экспертиза» и другие. По словам Торкунова, профессия «юрист» становится всё более сложной и многогранной. С развитием информационных технологий, больших данных и искусственного интеллекта появляются новые области правового регулирования, такие как цифровые валюты, смарт-контракты, права интеллектуальной собственности в цифровой среде. Для успешной работы в этих областях юристам необходимо не только знать законы и нормы, но и уметь анализировать данные, использовать математические модели, работать с платформами на основе искусственного интеллекта. Без знаний математики это невозможно [8].

Спору, как говорится, не получится, интрига только в том, какой из трёх ЕГЭ заменить на математику. Под удар попало «Обществознание» — предмет априори базовый для представителей такой общественно значимой профессии. Ректор заявил: «Так с ходу поменять, например, обществознание на математику или сделать ее дополнительным экзаменом не получится. Нужно время, чтобы наши абитуриенты могли перестроиться и как следует подготовиться. Этот вопрос требует взвешенного подхода, соответствующих решений Минобрнауки. Надеемся, что препятствия будут преодолены» [8]. Ломать — не строить, но с какими компетенциями выйдут эти обновлённые юристы? Владение алгоритмами обработки больших данных, выдвигающееся в качестве цели-ориентира для подобного рода новшества, не подменит ли необходимое для законников понимание устройства общества как суперсложной системы?

Пример третий. В вузах России с 1 сентября 2025 года планируют внедрять новую национальную систему высшего образования. К этому моменту будут утверждены новые образовательные стандарты. От начала обсуждения до внедрения — буквально миг

в масштабах истории социума. То есть нам предстоит заново (и — будем честны — в авральном режиме), без времени на рефлексию и тестирование, переписывать УМК. Что конкретно изменится для абитуриентов?

1. Вместо бакалавриата, специалитета и магистратуры будут введены новые уровни образования — базовое и специализированное.

2. На освоение базового образования будет отведено 4–6 лет, для специализированного образования — 1–3 года.

3. В проектах ФГОС высшего образования специализированный уровень обучения смогут пройти только люди с профильным, то есть уже полученным по тому же направлению подготовки, высшим образованием.

Глава Минобрнауки Валерий Фальков выступил в онлайн-режиме на открывшемся 16 ноября 2023 г. в Томском государственном университете втором форуме «Преобразование образования» [11].

Вот несколько тезисов из выступления министра.

- В вузах должны реализовываться два типа образовательных программ: основная часть под текущие потребности экономики и небольшая доля под перспективные потребности. Вузам, которым будет доверена реализация второго типа программ, необходимо предоставить большую академическую свободу.
- Валерий Фальков сформулировал современные принципы высшего образования, как он их представляет: *открытость, конкурентность, фундаментальность, практичность, технологическое лидерство*. При этом фундаментальность, по мнению министра, включает в себя наличие мягких и цифровых навыков. Софт скиллс — коммуникативность, умение работать в команде — безусловно важны, но! Нам, выпускникам советского высшего образования, представляется, что в «нашей» системе ***фундаментальность*** имела явно иную коннотацию.
- Глава Минобрнауки предложил рассмотреть вариант с двумя типами магистратуры. Первый тип — исследовательская. Предполагается, что её выпускники будут поступать в аспирантуру. Финансирование исследовательской магистратуры — за счёт бюджета. Второй

тип — профессиональная. Она должна реализовываться в тесной связке с работодателями, с привлечением софинансирования и преподавательских кадров промышленных партнёров.

Такое новшество, паче чаяния, привнесёт не ясность и отчётливость в алгоритмы системы высшего образования, а дополнительный хаос в связи с тем, что образовательные траектории ещё больше запутаются. Поступающий в магистратуру человек должен заранее знать, что собирается затем в аспирантуру, или наоборот — нет, но вдруг выяснится, что выпускник программы «профессионального специализированного образования» (кстати, само словосочетание — отдельный пример для дискуссий филологов, педагогов, философов) талантлив и перспективен? Не примем?

Концепты, векторы и агенты современных образовательных процессов

Университет за почти тысячелетнюю историю существования претерпевал множество реформаторских «набегов». Согласно имманентной логике развития любой сложной системы, он меняется. Меняются все параметры социального бытия, включая идеологические режимы, технологические рамки, аксиосферу и картины мира.

Рональд Барнетт ещё в 1997 году в своей инаугурационной профессорской лекции, прочитанной в Институте образования Лондонского университета, произнёс то, о чём подспудно думали многие: «Западный университет умер. В это трудно поверить, но такова реальность. Правда, история университета говорит о его необыкновенной способности к обновлению и адаптации к новым условиям. Это позволяет надеяться на то, что и сейчас свершится чудо и возникнет новый университет» [1].

Жан-Франсуа Лиотар ещё в работе 1979 года «Состояние постмодерна» писал: «Спрос на экспертов, высших и средних руководителей передовых секторов будет возрастать. Все дисциплины, имеющие отношение к «телематике» (информатика, кибернетика, лингвистика, математика, логика), должны быть признаны как приоритеты образования. С другой стороны, но в рамках все той же общей гипотезы, высшее образование должно продол-

жать поставлять социальной системе компетенции, связанные с ее собственными требованиями, призванные поддерживать ее внутреннее единство. Раньше эта задача содержала образование и распространение всеобщей модели жизни, которая чаще всего легитимировала рассказ об освобождении. В контексте утраты легитимности (делегитимации) университеты и институты высшего образования подчиняются отныне *требованию формирования компетенции, а не идеалов* (курсив мой. — Е. Д.): столько-то врачей, столько-то преподавателей той или иной дисциплины, столько-то инженеров, столько-то администраторов и т. д. Передача знаний не выглядит более как то, что призвано формировать элиту, способную вести нацию к освобождению, но поставляет системе *игроков, способных обеспечить надлежащее исполнение роли* (курсив мой. — Е. Д.) на практических постах, которые требуются институтам» [6, с. 118].

Говоря о ситуации уже в нынешнем веке, Кен Уилбер — современный американский мыслитель, один из теоретиков трансперсональной психологии и интегрального подхода, пишет: «Проблема гуманитарного образования в Штатах состоит в том, что — стыдно сказать — мое поколение сделало его очень ненадежным делом. Беда крайнего постмодернизма — им движут нигилизм и нарциссизм. Слишком много диссертаций в гуманитарных науках — попытка нового поколения продемонстрировать свое моральное превосходство, предав анафеме все предшествующие работы в области искусства, науки, литературы и философии. Поэтому культурологические исследования зачастую превращаются в терапию самооценки для нового поколения, способ продвижения себя за счет всех, кто был раньше» [9, с. 187]. В книге «Один вкус: Дневники Кена Уилбера» он приводит длинную цитату из диалога с коллегой о выборе университета для дочери. Резюме — учить детей надо в классических университетах Англии, типа Кембриджа, но не в США.

Наши российские чиновники от образования (хоть сами и не догадываются), видимо, тоже латентные постмодернисты. Ломая налаженную систему, руководствуясь текущей повесткой, зачастую «выплёскивают с водой ребёнка». Формат обучения в бакалавриате и магистратуре имеет и положительные, и отрицательные стороны (как и все продукты человеческой деятельности). Но менять слова — не равно менять смыслы. Говорить «специализи-

рованное образование» вместо «магистратура» потребитель всё равно не будет. Язык этого не допустит. Тысячелетняя история болонского формата выдержала многое, выдержит и нынешние реформаторские выпады. Есть легенда о Фаине Раневской, якобы высказавшейся в защиту «Джоконды» Леонардо да Винчи. На самом деле не Раневская и не «Джоконда», а советский поэт Михаил Светлов и «Сикстинская мадонна» Рафаэля. Некий режиссёр, известный своей приверженностью к наиновейшим течениям в живописи, сказал о Сикстинской мадонне: «Удивляюсь, ее столько столетий нахваливают, а между тем она мне не очень нравится». «Столько столетий она нравится всему человечеству, — возразил Светлов, — что теперь имеет право выбирать, кто ЕЙ нравится» [4, с. 17]. Так будет и с терминами «бакалавриат» и «магистратура».

Уилбер выделяет две модели воздействия религии на человека: горизонтальное движение — трансляцию смыслов для «Я» и вертикальное (в высоту или глубину) — трансформацию. Возьму на себя смелость перенести эти модели на процесс образования. «Обе функции важны и необходимы, но на некотором этапе нашего процесса развития сама трансляция, сколь бы адекватной и уверенной она ни была, просто перестает утешать» [9, с. 36]. Сегодня наша задача — выстроить взвешенную систему с мощными векторами трансляции как инструмента и трансформации в качестве стратегической цели. Сейчас студенты ищут информацию быстрее нас, наша миссия — выстроить систему обработки этой информации с помощью пропедевтической и ценностной рамок. Лиотар писал: «Если преподавание должно обеспечивать не только воспроизводство компетенций, но и их прогресс, то соответственно необходимо, чтобы передача знания не ограничивалась передачей информации, а учила бы всем процедурам, способствующим увеличению способности сочленять поля, которые традиционная организация знаний ревностно изолировала друг от друга» [6, с. 126]. Представляется, что трансформационный вектор в современной системе образования, складывающейся на наших глазах, должен получить должное осмысление в наших дискуссиях и трудах.

«Смерть и воскрешение» университета — крупнейшая и интереснейшая тема для дальнейшего исследования. Сейчас, подводя итоги, лишь подчеркнём, что и само сервисное общество в том виде, в котором оно существовало до последнего времени и породило уродливый феномен «образования как услуги», меняется на наших глазах, что, в свою очередь, сформирует новые вызовы для системы образования. Будем надеяться, что профессиональное сообщество сформирует адекватные времени соответствующие ответы, особенно в ситуации «культуры отмены» / «отмены культуры», обострения стоящих перед нашим обществом задач по сохранению национальной идентичности и структур культурной памяти. «Сфера образования так же, как и вся социокультурная реальность, сегодня во многом опирается на технологии. Но в случае с культурной памятью технологические аспекты должны уйти на второй план, уступив первенство аспектам метафизическим» [3, с. 155]. Причём выбор методологии и инструментария формирования актуальной образовательной повестки может и должен включать как проверенные временем механизмы, так и новейшие приёмы. Современное образовательное пространство сейчас активно взаимодействует с «креативными индустриями, занявшими свою достойную нишу в социокультурном пространстве и претендующими на статус драйвера развития общества по многим ключевым направлениям» [2, с. 356]. Использовать весь спектр их возможностей — ключевой вызов и требование времени.

Литература

1. *Барнетт Р.* Осмысление университета // Центр проблем развития образования Белорусского государственного университета. Текст: электронный. — URL: <http://charko.narod.ru/tekst/alm1/barnet.htm> (дата обращения: 11.10.23).
2. *Дробышева Е.Э.* Высшая школа и креативные индустрии: возможности взаимодействия // Вестник МГЛУ. — Вып. 14 (809). — 2018. — С. 356–368.
3. *Дробышева Е.Э.* Культурная память в структуре социокультурной архитектоники // Вестник МГЛУ: Гуманитарные науки. Вып. 7 (862). — 2022. — С. 150–157. — DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_150.
4. *Игин И.* Улыбка Светлова : Альбом. — М. : Советский художник, 1968.

5. «И не нужны нам математические школы». Герман Греф о вреде образования в России // ПолитМиг. 24.09.2018. — URL: <https://dzen.ru/a/W9CcfQYLjQCqnykV> (дата обращения: 03.03.2024).
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с франц. Н.А. Шматко. — М. : «Институт экспериментальной социологии» ; СПб. : Издательство «АЛТЕИЯ», 1998.
7. Профессор-биолог Мария Ведунова: «Разрешить женщинам учиться и работать — главная ошибка человечества» // Владимир. Царьград. — URL: https://vladimir.tsargrad.tv/news/professor-biolog-marija-vedunova-razreshit-zhenshhinam-uchitsja-i-rabotat-glavnaja-oshibka-chelovechestva_909256?ysclid=ltblabgk561075754 (дата обращения: 03.03.2024).
8. Ректор МГИМО призвал убрать препоны введению ЕГЭ по математике для юридических факультетов // NFCC / 30/10/2023. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/19155621?ysclid=lp04lf5vy43369960> (дата обращения: 03.03.2024).
9. Уилбер К. Один вкус: Дневники Кена Уилбера / Пер. с англ. А. Киселева. — М. : ООО «Издательство АСТ», 2004.
10. «Упускается детородная функция»: российский сенатор призвала рожать, а не получать высшее образование // Газета. Ру. 14.11.2023. — URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/11/14/17864809.shtml?ysclid=ltbkxhzck816947106> (дата обращения: 03.03.2024).
11. Фальков заявил о необходимости в вузах образовательной программы для рынка труда будущего // ТАСС. 16.11.2023. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/19298695?ysclid=ltbn70nbs9871138880> (дата обращения: 03.03.2024).

E. E. Drobysheva,

*Doctor Habil. in Philosophy, Associate Professor,
Leading Researcher of the Department of Actual Problems
of Contemporary Artistic Culture
Russian Institute for the History of the Arts
St. Petersburg, Russia,
pestelena@yandex.ru*

TRADITIONS VS INNOVATIONS IN THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION SYSTEM

Abstract. The modern system of Russian higher education is considered through the prism of the author's concept of the architectonic structure of culture as a complex self-organizing system in which education plays a leading role due to the complex interaction of processes of geopolitical, civilizational, technological and ideological plans. Current events in the socio-humanitarian sphere are considered as specific cases: the St. Petersburg Cultural Forum, as well as some initiatives that fundamentally change the educational landscape. It is concluded that the era of the "death and resurrection of the university" requires a high level of reflexive and methodological generalizations and practical efforts from the professional community. The vectors of translation and transformation in the educational space must develop harmoniously, which requires the conceptual consolidation of professionals in the field of culture, science and education.

Keywords: *architectonics of culture; higher education; axiosphere; traditions and innovations; creative industries.*

Круглов Роман Геннадьевич,
кандидат искусствоведения, доцент
кафедры филологии и истории искусств
Санкт-Петербургского государственного
института кино и телевидения,
Санкт-Петербург

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ

В. Я. ШИШКОВА:

К 150-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ

Аннотация. В статье творчество В. Я. Шишкова рассмотрено с точки зрения транслируемых в нем ценностных установок. Дана оценка их интерпретации в литературоведении, выявлены константные мотивы, характеризующие систему взглядов писателя. В ней сочетается традиционная христианская ценностная основа, понимаемая в духе Ф. М. Достоевского, и сочувствие социалистической революции. Творчество В. Я. Шишкова, которое в советский период определяли как социалистический реализм, современные исследователи нередко относят к духовному реализму. Это связано с тем, что социалистический гуманизм наследует гуманизму христианскому в отношении нравственных оценок и моральных установок.

Ключевые слова: В.Я.Шишков, соцреализм, духовный реализм, христианский гуманизм, православие, русская литература.

150 лет назад родился Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) — один из самых востребованных прозаиков 1930–1970-х годов. Его творчество незаслуженно забыто в наши дни [3, с. 1]. Популярность Шишкова в советское время вкупе с огромными тиражами, как ни парадоксально, впоследствии привела к спаду читательского внимания. По-видимому, это связано со сменой идеологических приоритетов в перестроечное и постперестроечное время. Удостоенного ордена Ленина (1943) и Сталинской премии 1-й степени (посмертно в 1946 г.) писателя традиционно принято было рассматривать в качестве «социалистического реалиста». Современные исследователи относят его прозу к духовному реализму [11].

Как удачно выразился Захар Прилепин, «история литературы XX века в России зачастую воспринимается как история борь-

бы писателей с советской властью. <...> Чем больше в писателе антисоветского — тем больше его шансы попасть в литературные святцы» [6, с. 278]. К сожалению, внедрённые либеральной идеологией стереотипы до сих пор живы в информационном поле. Пересмотра требует, помимо прочего, вопрос об отношении принявших революцию писателей к православию.

Как писал профессор В. А. Редькин, монография которого «Вячеслав Шишков: новый взгляд. Очерк творчества В. Я. Шишкова» (1999) стала поворотным моментом в изучении наследия автора, «...издавали далеко не все, что он написал, часть его творчества критикой полностью отвергалась, а главное, извращалась суть, смысл его произведений, его мировидение, его чаяния и устремления» [11, с. 3–4]. Главным искажением художественного мира Шишкова в его соцреалистической интерпретации стала приписываемая писателю антирелигиозность. Подобно тому как интерпретация творчества Н. В. Гоголя в духе В. Г. Белинского сохранила его для советских читателей, но исказила его понимание [8], так и критика в духе «линии партии» позволила Шишкову стать популярнейшим автором, одновременно подготовив однобокое прочтение его произведений. Догматически соцреализм как основной признанный на государственном уровне метод советской литературы и искусства противопоставлял свои «эстетические принципы (принцип партийности, народность, исторический оптимизм, социалистический гуманизм, интернационализм) всем иным идейно-художественным принципам» [7, стб. 1011] (А. А. Ревякина). В наши дни очевидно, что значительная часть произведений соцреализма обозначенными выше принципами не ограничивается. Творчество и судьба Шишкова наглядно иллюстрируют родство русской революции и православного мироощущения на уровне нравственных оценок и моральных установок. Человек поколения Бунина и Куприна, он начал печататься благодаря поддержке Горького, восторженно принял революцию [4], сформировался как зрелый писатель уже после Октября и был патриотом СССР, оставаясь при этом христианским художником.

Приписывание Шишкову антирелигиозных позиций в советской критике было обосновано, прежде всего, тем, что в творчестве писателя широко представлено критическое или сатирическое изображение священников, а также поверхностного отношения к религии или использования её авторитета в корыстных целях.

Анализ произведений Шишкова показывает, что эти и другие поднимаемые писателем темы решаются им в русле духовной традиции русской литературы, для которой характерно «осмысление христианской сущности человека и православной картины мира» [7, стб. 254] (И. А. Есаулов). Писательское осуждение неизменно направлено на профанацию христианства, а не на само христианство.

Автор с болью свидетельствует нравственное падение своих героев, подчёркивает ответственность перед людьми (и Богом) каждого человека и в особенности — священника. Тема морального облика представителей церкви появилась уже в первом опубликованном рассказе писателя «Помолились» (1912), описывающем бесстыдное грабительство православными жителями Сибири простосердечных аборигенов-язычников. В рассказе для старика-тунгуса, лишившегося имущества и едва спасшего свою жизнь, долгожданный рождественский праздник оборачивается горькой безысходной обидой на весь мир: «Поп-батка как-то толковал ему, что есть великий русский бог, светлый и милостивый. <...> Пожалуйста, давай защиту. Пускай подохнут все купцы, и чтобы все начальство околело!! <...> Закапали слезы. Взглянул на небо... Но там звезд не было» [16, с. 167]. Автор выступает против греховного уклада жизни и несправедливого общественного устройства. Симпатии писателя всегда на стороне угнетённых. Он отразил в своей прозе, что в имперский период Церковь, как ни прискорбно, постоянно использовалось угнетателями как идеологическая опора. При этом необходимо отметить, что Шишков не принимал «ту сторону революции, которая несла насилие, обнищание народа, разорение и ослабление России» [11, с. 4].

Антиклерикальные мотивы в творчестве Шишкова всегда связаны с несоответствием конкретного человека — слабого, грешного — священническому сану. Условно можно выделить два типа таких мотивов: серьёзные и комические. Первый тип — это изображение греховности священника и её страшных последствий (например, обжорство, пьянство и блуд попа в повести «Тайга» [16, с. 68] (1916). Эти последствия — обман людей именем Церкви. Например, в первой книге исторического повествования «Емельян Пугачев» (1935–1939 гг.) в главе VI «Чудо, пир во время чумы» изображаются попы-мздоимцы, наживающиеся на религиозных чувствах народа [15, с. 519–538], это ведёт как к потере

веры паствой, так и к вполне материальным проявлениям зла. Так по прихоти попа становится калекой главный герой одноимённого рассказа Ванька Хлюст, но гораздо страшнее увечий и нищеты для него становится сомнение в Боге и людях. «Ванька Хлюст» (1914) — одно из сильнейших произведений раннего Шишкова, показывающее глубины духовной жизни человека; по выражению А. Д. Ахматова, «этот драматический рассказ <...> отсылает <...> к лучшим лесковским повестям и рассказам о русских людях. О вере, человеческом падении, о терпении и совести» [6, с. 205].

Антиклерикальные мотивы комического типа в творчестве Шишкова связаны с народной традицией сатирических сказок, в которых они повсеместно распространены. Как справедливо отметил Е. В. Громова, «писатель вовсе не занимался антирелигиозной пропагандой, как считали многие советские исследователи. Обладая православным религиозно-философским мировосприятием, всегда верный высоким христианским идеалам, он изображал сатирически именно служителей церкви, а не Русскую православную церковь в целом и тем более идеи православия» [3, с. 17]. Однако автор утверждает своими произведениями, что ни священнический сан, ни соблюдение обрядов или внешнее благочестие не определяют нравственную природу человека, не гарантируют от грехов — как мелких, так и самых страшных (яркий пример этого — образ богомольной «мучительницы и душегубицы» Салтычихи [15, с. 347–359] в историческом повествовании «Емельян Пугачев»).

Кроме изображения противоречия между внешним благочестием и духовной жизнью как священников, так и их паствы, поводом для приписывания Шишкову антирелигиозных позиций служила широко представленная в его творчестве тема бесчеловечного отношения русских христиан к представителям малых народов России. Наиболее ярко эта тема раскрыта в знаменитой повести «Страшный кам» (1919), по сюжету которой алтайский шаман Чалбак замучен русскими как язычник — служитель дьявола. В зеркале социалистической критики проблематика повести связана с осуждением религии. В контексте сугубо критического отношения к истории СССР сюжет провоцирует читателя на размышления о том, «во что выльется нетерпимость диктатуры к инакомыслию, к религии» [13, с. 43]. Однако прочтение этого и других произведений Шишкова в русле той или иной идеологии

обречено на неточность. Такое прочтение ориентировано на выявление «правильного» или «неправильного» взгляда писателя на ту или иную проблему. Художественное мировидение Шишкова, как и любого крупного мастера слова, несводимо к тем или иным идеологическим догмам. Главный герой повести «Страшный кам» посредством многочисленных евангельских аллюзий (прежде всего, на Гефсиманский сад, крестный путь и распятие) символически связывается с Иисусом Христом. В тексте есть и прямое указание на отождествление шамана и Спасителя: перед арестом и пытками шамана старушонка Федосья упросила Богородицу: «Хошь во снях, увидеть страдания Иисусика... И сказал ей однажды голос <...> : “Услышана молитва твоя. Наяву узришь”» [16, с. 285]. При этом на протяжении всего произведения Чалбак, будучи крещёным, физически и нравственно страдает от своего двоеверия: «две веры у меня, два бога. Бог русский да свой — Ульгень» [16, с. 274]. За душу могучего кама борются святитель Никола и калмыцкий дьявол — чёрный Эрлик: «“Бей в бубен, бей, Чалбак!” “Он не Чалбак, он Павел”» [16, с. 276]. Во время камлания в тело кама входит Сатана, однако целью этого обряда является бескорыстная помощь людям [16, с. 291–292]. Чалбак выступает как новый Иисус именно по причине глубины своего страдания, а также честности и простоты, с которыми он его принимает. Чудеса, которые творит Чалбак, имеют языческую природу. Однако мучительная внутренняя борьба и казнь без вины (которую герой принимает, будучи в силах предотвратить её с помощью магии) говорят о том, что он выбрал христианство. Более того, страдания и гибель становятся искупительной жертвой, благодаря которой герой находит желанный покой. Приведенный к попу для суда, Чалбак (хоть и предвидит заранее свою судьбу) говорит ему: «Я верю в бога. Я Павел, крещёный. Как брошу камлание? Шайтан душит меня. <...> Сам не рад. <...> Голова моя горит, сердце плачет. Пожалеть надо. <...> Да, я грешный... Верно. Сам грешу, сам отвечу богу. Не приказывай бить меня. Пусти в горы» [16, с. 300].

Фамилия братьев Брюхановых указывает на сквозной в творчестве Шишкова мотив брюха как символа греха. В творчестве писателя многократно упоминается противопоставление и борьба духа и брюха («С котомкой» [17] (1922), «Алые сугробы» [16, с. 346] (1925), «Угрюм-река» [14] и др.), это одна из основных его тем. В повести «Страшный кам» смысловые акценты до

конца расставлены в финале, когда успокаивается душа Павла, и даже душа его помешавшейся от горя вдовы, над могилой которой шепчет отгоняющий демонов-курмесов кедр: «Прочь отсюда! Здесь нет калмычки Казанчи, здесь Катерина» [16, с. 328]. Автор показывает, как один грех порождает другой (колдовство провоцирует убийство), но языческое проклятие заканчивается христианским прощением. Несмотря на то что шаман отождествляется с Христом, писатель вовсе не уравнивает христианство с язычеством. Мёртвый шаман говорит своему убийце в финале повести: «Не Чалбак тебя <...> прощает, а Павел» [16, с. 327], а чалбаковы курмасы продолжают бить в бубен в ночных горах, охотясь за душой Казанчи.

Несмотря на то что повесть «Страшный кам» реминисцирует историю распятия, наиболее полно и последовательно духовная проблематика в творчестве Шишкова раскрыта в романе «Угрюм-река». Как христианский художник, Шишков в наибольшей степени преуспел в изображении извечной невидимой брани — борьбы «духа и брюха» в душе человека. В уязвимой позиции в этой борьбе по Шишкову неизменно оказываются купцы, богачи, капиталисты. Достаток в его произведениях является имманентным эгоизму, цинизму, потворству греховным слабостям. Для русской культуры в исторической перспективе, несомненно, характерно нестяжательное отношение к материальным благам и отрицательное — к корысти. В этом отношении советское искусство и творчество Шишкова в частности продолжает исконную православную традицию.

Роман «Угрюм-река» не без оснований принято рассматривать как произведение о вырождении буржуазии и зарождении рабочего движения в Сибири. Однако если роман и можно отнести к социалистическому реализму, то с оговоркой, что это соцреализм с ярко выраженной христианской духовной основой. Революция приветствуется писателем как бескорыстное служение людям и правдоискательство, а богачи-мироеды осуждаются как закоренелые эгоисты, рабски служащие «брюху» и гибнущие духовно. Как писала Т. Н. Закаблукова, «автор акцентирует внимание на болезненном психическом состоянии главного героя, причиной которого становятся его необузданные страсти и гордыня, генетически заложенная греховность и власть “дела”, основанного на эксплуатации и не одухотворенного высокой идеей. Это проявляется и в семейных отношениях, и в деловой сфере» [5, с. 15].

Болезненное психическое состояние Прохора — это материальное выражение его духовного крушения. В романе неоднократно возникают прямые указания на то, что болезнь Прохора имеет духовную, а не психическую природу. Как и психическое расстройство, капиталистическое хищничество Прохора выступает только внешним выражением того, что он в силу самолюбия, страха, а впоследствии и сознательного выбора («Мораль для дельца — слюняйство» [14]) идёт путём греха; вся логика романного повествования подчинена этой идее. Выбор в пользу зла, совершаемый Прохором, это медленное духовное самоубийство, которое заканчивается страшным прозрением: «Кто я? Выродок из выродков? <...> Я верю только в смерть, только в смерть, как избавительницу от всякого безверия. <...> Будь проклято чрево, родившее меня!» [14].

Поворотным моментом в судьбе Прохора становится сперва убийство любимой Анфисы (из страха перед тем, что она выдаст тайну награбленного богатства Громовых), а затем клевета на своего самого близкого друга Ибрагима с целью выгородить себя. Шишков описывает произошедшие в момент предательства в Прохоре перемены как победу тёмной стороны его души: «— Анфиса Петровна убита... Ибрагимом-Оглы. Над Прохором взмахнули два крыла — белое и черное. Он вскрикнул и упал. <...> Ослабевший от изнеможения, жары и духоты черкес борется с дремой, стараясь понять, что говорит его джигит Прохор. А подсудимый Прохор Громов, овладев собой, показывает теперь спокойным, твердым голосом, наивно дивясь своему спокойствию и твердости. Посторонняя темная сила, которая вошла в него, все крепче овладевала его волей, и сердце Прохора превратилось в лед» [14]. Именно насилие над своей нравственной природой во имя интересов «брюха» становится началом пути Прохора-капиталиста — тем выбором, после которого душа героя всё более и более коснеет в грехе.

В романе «Угрюм-река», как писал Н. Н. Яновский, «широко представлен индивидуализм российского буржуа в самых различных его проявлениях — от мелкого дельца Ильи Сохатых до Прохора Громова, попытавшегося <...> философски обосновать свое право на аморальность и зашедшего в тупик» [18, с. 196]. Отмеченная Н. Н. Яновским особенность Прохора роднит его с героями-идеологами Ф. М. Достоевского, неслучайно Прохор ещё юношей восторгается смелостью Раскольниковца [14]. В романе

прослеживаются аллюзии на произведения Ф. М. Достоевского, указывающие на сознательную преемственность по отношению к его идеям. Особенно обращает на себя внимание в этом отношении сквозной мотив двойственности человеческой души, в которой, как говорит Анфиса (образ которой явно перекликается с Грушенькой из романа «Братья Карамазовы»), «Черт с ангелом <...> сочетались» [14]. Помешательство главного героя Прохора Громова, который не только в чужих, но и собственных глазах становится чертом («Я — дьявол!» [14]), является в художественном мировидении автора закономерным результатом попустительства греху. Всё это говорит о том, что, как выразился В. А. Редькин, «творчество Вячеслава Яковлевича Шишкова никак не укладывается в прокрустово ложе социалистического реализма с его диалектико-материалистической мировоззренческой основой. У него особый реализм с элементами романтизма, глубоким психологизмом, религиозно-философским осмыслением бытия и патриотической направленностью» [11, с. 10].

На страницах романа неверующий, но глубоко нравственный, жертвующий собой революционер Протасов противопоставляется не только Прохору, но и его жене — набожной капиталистке Нине Громовой, которая в решающий момент отказывается от деятельной любви к ближнему в пользу собственных интересов [14]. Бескорыстная борьба революционера за будущее счастье других людей для писателя оказывается превращённой формой религиозного служения, однако формой изначально несовершенной. Устами старца Назария автор даёт философскую оценку устремлениям Протасова: «И как же ты, неразумный, считаешь себя революционером, а в пути вечной правды не веришь? Ведь ты рад душу свою положить за други своя и положишь. Ведь ты же не для себя счастья ищешь, а для других. Нет, ты от света рожден, милый мой, а не от обезьяны» [14].

Вера писателя, отражённая в его произведениях, это, прежде всего, стремление к вечной правде, которая не может быть вполне постигнута человеком. Писатель положительно оценивает революцию как строительство справедливого будущего для народа, но не считает её подлинным смыслом существования. Так в повести «Пейпус-озеро» (1923) «новоявленный пророк» денщик Сидоров говорит: «у каждого человека своя правденка, маленькая, плохонькая. А только чем проще человек, тем правда его крепче. Мужич-

кая правда крепкая» [16, с. 502]. Принявший активное участие в революционных боях главный герой повести «Таежный волк» (1926) также размышляет о правде: «...Людская правда — круг на оси вертится, как колесо. Идет колесо — хватай! А через сто лет другую правду схватишь; а та правда, старая, уж кривдой будет. <...> А настоящая-то, не межеумочная, не сегодняшняя правда не на колесе скользящем, а на оси незыблемой. Только не дотянешься до той оси, ось ту солнце стережет: глазыньки от света лопнут» [16, с. 375]. Словами своих героев-мудрецов из народа Шишков высказывает собственные воззрения, согласно которым социалистические преобразования (человеческая правда) становятся внешним временным проявлением стремления человека к правде вечной. Это стремление неизменно проистекает в ожесточённой борьбе героев со злом в собственной душе.

В творчестве Шишкова широко раскрыта тема того, насколько сложно сохранить веру, быть нравственным человеком и, тем более, праведником. Возникновение такой проблематики, конечно, обусловлено не только традицией, но и личным опытом верующего человека. В юности будущий писатель встречался с отцом Иоанном Кронштадтским и после этого решил стать проповедником, о чём потом написал в автобиографии (1943): «...я занялся спасением народа. Из скудного своего жалованья я покупал беднякам сапоги... В свободное от работы время, глубокими вечерами и праздниками, я ходил в окрестных деревнях, собирал народ в избы и поучал от Евангелия. Бабы плакали. Слава моя крепла... Мое апостольство закончилось большим для меня конфузом: я влюбился в красивую молодую бабу, притом же замужную. Тут я понял, что праведником в девятнадцать лет быть очень трудно» [9, с. 70]. Ироничность этого высказывания свидетельствует о личной скромности, а само «апостольство» — о силе веры. В определённом смысле литература стала для Шишкова той формой проповедничества, которую он счёл для себя возможной. Писатель традиционных взглядов, далёкий от модернистской философии, не бежав за рубеж, не работая «в стол», не предавая своих принципов, служил Родине, утверждая в своих книгах христианские ценности.

Литература

1. *Благов Д.* Послесловие к сборнику В. Шишкова «Алые сугробы» // *Алые сугробы: Повести и рассказы / Сост., послесл. Д. Благова.* – Л. : Худож. лит., 1990. – 512 с. [Эл. ресурс] – URL: http://royallib.com/read/blagov_d/posleslovie_k_sborniku_v_shishkova_039alie_sugrobi039.html#0 (дата обращения: 23.08.2015).
2. *Громова Е.В.* Чеховский интертекст в «шутейных рассказах» В. Я. Шишкова // *Вестник Удмуртского университета.* – 2011. – Вып. 4. – С. 110–113.
3. *Громова Е.В.* «Шутейные» рассказы и пьесы В. Я. Шишкова 1920–х годов (жанровый аспект) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2011. – 24 с.
4. *Еселев Н.Х.* Шишков. – М., 1976. [Эл. ресурс] – Электронная библиотека ЛитМир. – URL: <http://www.litmir.co/br/?b=211409&p=19> (дата обращения: 03.09.2015).
5. *Закаблукова Т.Н.* Семейная хроника как сюжетно-типологическая основа романов «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова и «Угрюм-река» В. Я. Шишкова : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2008. – 24 с.
6. *Литературная матрица: Советская Атлантида.* – СПб. : Лимбус Пресс, 2014. – 528 с.
7. *Машинский С.* Н. В. Гоголь в оценке русской критики // *Н. В. Гоголь в русской критике и воспоминаниях современников.* – М. : Детгиз, 1959.
8. *Муравлев А.* Символы жизни // *Природа Сибири.* – № 6 (222). – 2014. – С. 70.
9. *Петелин В.В.* История русской литературы XX века. Том I. 1890-е годы – 1953 год. [Эл. ресурс] – URL: <http://iknigi.net/avtor-viktor-petelin/62937-istoriya-russkoy-literatury-xx-veka-tom-i-1890-e-gody-1953-god-v-avtorskoj-redakcii-viktor-petelin/read/page-66.html> (дата обращения: 16.08.2015).
10. *Ревякина А.А.* «Социалистический реализм»: к истории термина и понятия // *Россия и современный мир.* – № 4 (37). – М., 2002. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialisticheskiy-realizm-k-istorii-termi-na-i-ponyatiya> (дата обращения: 22.01.2023).
11. *Редькин В.А.* Вячеслав Шишков: новый взгляд. Очерк творчества В. Я. Шишкова. – Тверь : Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1999. – 152 с.
12. *Чалмаев В.* Художник горьковской школы // *Повести и рассказы.* – Ленинград : Лениздат, 1982. – С. 626–639.

13. Черкасов-Георгиевский В. На стрежне Угрюм-реки: Жизнь и творчество писателя Вячеслава Шишкова : Роман. – Москва, 1996.
14. Шишков В.Я. Угрюм-река. [Эл. ресурс] Электронная библиотека bookz.ru. – URL: http://bookz.ru/authors/616kov-va4eslav/ugrum-re_095.html (дата обращения: 24.08.2015).
15. Шишков В.Я. Емельян Пугачев. Историческое повествование. Книга первая. – Москва : Правда, 1985. – 640 с.
16. Шишков В.Я. Повести и рассказы. – Ленинград : Лениздат, 1982. – 640 с.
17. Шишков В.Я. С котомкой. [Эл. ресурс] Электронная библиотека Рунлит. – URL: <http://www.rulit.me/books/s-kotomkoj-read-2806-16.html> (дата обращения: 5.09.2015).
18. Яновский Н.Н. Вячеслав Шишков: очерк творчества. – Москва : Худож. лит., 1984. – 272 с.

Kruglov Roman Gennadievich,

*PhD in Art History, Associate Professor of the Department of Philology and Art History of the St. Petersburg State Institute of Cinema and Television.
St. Petersburg, Russia,
rokrugl@yandex.ru*

**ARTISTIC PHILOSOPHY OF V. YA. SHISHKOV:
TO THE 150TH ANNIVERSARY OF THE WRITER**

Abstract. In the article, the work of V. Ya. Shishkov is considered from the point of view of the values transmitted in it. An assessment of their interpretation in literary criticism is given, constant motives characterizing the writer's system of views are revealed. It combines the traditional Christian value base, understood in the spirit of F. M. Dostoevsky, and sympathy for the socialist revolution. The work of V. Ya. Shishkov, which in the Soviet period was defined as socialist realism, modern researchers often refer to spiritual realism. This is due to the fact that socialist humanism inherits Christian humanism in terms of moral assessments and moral attitudes.

Keywords: *V. Ya. Shishkov, Socialist realism, Spiritual realism, Christian humanism, Orthodoxy, Russian literature.*

Шарипов Александр Михайлович,
кандидат исторических наук,
член Союза писателей России,
сопредседатель Международного Ильинского комитета, Москва

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ НАЦИИ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПЕРЕХОДА: РЕАЛИИ И ТРЕБОВАНИЯ

Аннотация. Значение ведущего социокультурного слоя в развитии нации-цивилизации раскрывается в истории. Социальное опрошение может вести к размытию культурных и нравственных начал, к вырождению и закату цивилизации. Ведущему социокультурному слою необходима жизненная цельность и воля к делу возрождения национальной культуры во всём её спектре — от широкого воспитания нации в традициях национального слова и мелодичности до правовой и экономической культуры.

Ключевые слова: *нация, цивилизация, культура, традиционные ценности, социокультурный слой нации.*

«Простота — хуже воровства».
Русская пословица

*«Пока история не превратится в науку,
политика будет кровавым любительством».*

А. Кёстлер. «Слепящая тьма»

Предварю своё выступление русской пословицей: *«Простота — хуже воровства».*

Иван Алексеевич Бунин век назад в «Окаянных днях» размышлял: *«Народ сам сказал про себя: “Из нас, как из древа, — и дубина, и икона”, — в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачёв»*¹.

¹ Бунин И. А. Окаянные дни. — Изд. 2-е. — Москва : ДАРЪ, 2013. — С. 95–96.

И ныне социальная психология указывает, что к самостоятельному аналитическому мышлению способно не более 15% населения. (По моему опыту — эта цифра сильно завышена, причём образовательный ценз здесь играет небольшую роль.) Но мало **мыслить самостоятельно**, надо ещё **иметь силу воли** сопротивляться давлению конформизма массы, не желающей самостоятельно мыслить и стремящейся уйти от острых проблем современности.

Состояние нации во все времена определял **ведущий социокультурный слой** (ВСКС). В былые эпохи в общественные лидеры выходили *волевые люди*, обладающие способностью к самоорганизации, к освоению большого объёма знаний и умений, люди силой воли, достаточной, чтобы вести общество по пути выживания в непрестанной межплеменной борьбе. Если ВСКС не справлялся с задачей самоорганизации общества, нации — общество погружалось в хаос, сходило с исторической сцены.

Вспомним, почему простого монаха из московских дубрав прозвали «Игумен Земли Русской». В условиях ордынского ига, непрестанных карательных набегов баскаков, просвещённый юноша из обедневшего боярского рода Варфоломей смог показать образец братской любви к человеческому достоинству из любви к Богу. Преподобный *Сергий Радонежский* — игумен — руководитель — вождь народа. Как так: не князь и полководец, но отшельник, ушедший от мира, от народа в пустынные дебри леса монах — «великий вождь»? Повторюсь: не от тяжёлой доли тяглогого землепашца, а из боярской среды.

Историки считают, что с обители преподобного Сергия начинается возрождение русского духа и воли после долгих лет иноподданного подневольного ига, растоптавшего русскую государственность и высасывающую народные силы уже второй век подряд. Орда отняла у Руси не только волю, но и разрушила культурные центры книжности и ремесла.

Надо помнить, что боярский сын Сергий был книжным, то есть *человеком высокой культуры и начитанности*, обладал навыками различных ремёсел, что видно из его жизнеописания. Когда он многими годами пустынноческого подвига показал способность к волевому самоопределению, к сосредоточенности в самостоятельном труде — духовном и материальном, к нему потянулись другие люди, осознавшие несправедливость окружающей

действительности и стремящиеся не замарать душу её насиле-
ем. В обители Святой Троицы преподобный Сергий создал **союз
людей в их волевом творческом самоопределении как людей
свободных и творящих образцы** возрождения русской книжно-
сти, труда и молитвы. Ученики преп. Сергия распространили его
опыт на десятки обителей по подневольной Руси, авторитетом
своего учителя устраивая обители в различных уголках подне-
вольной Руси.

Итак: *личная просвещённость и воля дали силы одинокому под-
вижнику* заложить краеугольный камень, от которого отсчитыва-
ется русское возрождение после катастрофического погрома.

* * *

Напомним известные выводы *Макса Нордау*, который в конце
XIX века писал о *вырождении образованных классов* европейских
народов и забвении их обязанностей перед народами — просвеще-
ния и нравственного воспитания своих наций. Вскрытая болезнь
не была исправлена, и Нордау увидел последствия своего диагноза
в событиях 1914–1917 и последующих годов.

В 1990-е годы, когда западное научное сообщество распро-
страняло иллюзии о «*конце истории*» — снятии международных
противоречий и выстраивании единого мирового пространства
благоденствия, профессор *Александр Сергеевич Панарин* дал со-
вершенно иной прогноз — «*стратегической нестабильности*».
В условиях перехода к постиндустриальному технологическому
укладу транснациональные элиты — оторванные от национальных
корней, от интересов своих народов и стремящиеся окончательно
выйти из под контроля национальных государств — нацелены на
размытие национально-государственных границ. Вместо творче-
ского развития народов и социального прогресса офшорная элита
заинтересована в одном — бесконтрольном получении сверхпри-
были. Не побоюсь указать: якобы не существующая российская
олигархия — в авангарде такой оторванности от национальной
культуры и народных интересов — почему-то наиболее преуспела
за три десятилетия в расчеловечивании широких народных масс
и их обнищании.

Ослабляя государственные институты, транснационалы раз-
мывают традиционные ценности, в т. ч., базовые — семейные,

культурные, духовные, отменяют гуманистические традиции достоинства человеческой личности и размывают само понятие человека. Так им легче атомизировать общество, уничтожить любую возможность солидарного общественного действия уважающих друг друга личностей и народов. Атомизированная масса уже неспособна к творческому саморазвитию и может породить лишь хаос, ибо космос — действие солидарного с народной почвой социокультурного слоя.

Заметим, что так часто упоминаемый Шваб озвучивает иную, но по сути подобную концепцию глобального управления обществом особой наднациональной группой технократов. Эта концепция, по моему видению, в определённой степени схожа с марксистской концепцией коммунистического общества с его тотальным распределительным механизмом над обществом потребления.

По поводу традиционных ценностей. Опыт жизни среди и европейских, и азиатских народов дал мне увидеть: такого размытия культурных и нравственных начал, как у нас, нет нигде — ни в Сербии, Польше, Украине, ни у народов азиатских. Например, в Польше до сих пор сохраняется запрет на аборт. Во Франции на душу населения действующих храмов больше, чем в Российской Федерации. В Германии свадьбы, семейные, национальные праздники зачастую отмечают в традиционных национальных нарядах. Бавария так вообще оплот традиционализма. До Испании я не добрался, но говорят: это самый крепкий оплот национальной культурной самоидентификации. (И здесь позволю себе отметить: не Европа, а Юго-Восточная Азия является центром распространения трансгендерных отношений, главным местом центров мирового гей-туризма. Следующая локация массовой содомии — Латинская Америка.)

Тридцать лет наблюдаю «борьбу нанайских мальчиков» и думаю: ну кто мешает прекратить растление русской нации? Вы посмотрите, ведь смог глава Чечни создать остров вайнахской культуры на подконтрольной территории (про особенности условий, сформированных центром для региона, — особый разговор). Да и татары, якуты в своих республиках преуспели немало в деле оживления социокультурной национальной среды.

* * *

Великий подвижник русской науки и культуры академик *Дмитрий Сергеевич Лихачёв* сокрушался в 1990-е, что в обществе *нет формы межличностного обращения*. Заместитель М. С. Горбачёва по Верховному Совету СССР Р. Н. Нишанов на съездах народных депутатов в конце перестройки ввёл узбекское обращение *«уважаемый»*, и оно в российском обществе закрепилося на разных уровнях. Ну и всякие «коллеги», «друзья», «ребята» можно слышать от первых лиц государства (хорошо помню, что в советское время ребятами называли младенцев-детсадовцев и младших школьников; возможно, это связано со славянским обозначением и детей, и рабов словом «отроки»). Не говорит ли это о трусости интеллигенции, культурного и политического сообщества: здесь именно эта вороватая «простота», когда в человеке боятся пробудить самоуважение. В церковной среде так вообще определённые силы возрождают холопские отношения по образцу древневизантийских.

Простота, опрощение — идеал народников, графа Льва Николаевича Толстого. Вот она воплотилась в нашей жизни: ведущий политический слой более тридцати лет называл *примой* эстрадную певицу, в Большой Кремлёвский дворец на государственные праздники приглашают хриплого ресторанного певца, на Красной площади в дни празднования поёт матерщинник, а похороны безголосого «певца» из «Ласкового мая» превращаются в народную манифестацию, освещаемую центральными каналами. Тридцать лет выдавливания из среды русского народа талантов на оперные сцены ведущих театров мира при целенаправленном внедрении китча и блатного «шансона» по всем центральным каналам... Судя по предыдущим выступлениям, участникам нашего разговора это ясно видно. И разговор превращается в очередной анекдот перестроечного времени: качайте вагон, пусть будет казаться, что мы продвигаемся.

Господа, мы должны понимать, что от наших усилий, нашего личного примера зависит многое в социокультурной среде, в жизни нации. Именно собственным поведением политические и интеллектуальные слои общества задают тон поведению народных масс. Как там у Бунина: народ — как дерево, из него можно сделать и икону, и дубину, в зависимости от того, кто это дерево обрабатывает — Сергей Радонежский или Емелька Пугачёв.

* * *

Уже упоминалась важнейшая идея о **воспитании цельности человека**, то есть стремлении к гармонии жизни в нравственной, экономической, правовой. Упомянута идея Ильина, которая проходит у него во всех работах о грядущей России: *русскому человеку необходима жизненная цельность*.

Госпожа Кокшенёва делится опытом общения в медийной и чиновной среде, где нельзя говорить языком верующего человека. И в церковной среде зачастую та же ситуация: в храме «паки, паки миром Господу помолимся», а за его пределами — бездуховный вакуум, безнравственная жизнь. При этом разговор с кишлачным таджиком языком верующего человека встречает понимание (безусловно, есть и масса мигрантов, что только на словах провозглашают себя мусульманами, сами же растлевают наш народ поставками наркотиков, развратом, насилием).

Георгий Флоровский, другой русский изгнанник, как и Ильин, писал: «*История русской культуры, вся она в перебоях, в приступах, в отречениях или увлечениях, в разочарованиях, изменах, разрывах. Всего меньше в ней непосредственной цельности*. Русская историческая ткань так странно спутана, и вся точно перемята и оборвана... В самой народной душе противоречий и невязок гораздо больше, чем то допускали славянофилы или народники. Быт и бунт в ней странно сочетаются... Пётр Киреевский верно указывал, что Россия живёт как бы во *многоярусном быту*. Это остаётся верным и о внутреннем быте, о тончайшем и внутреннем строении народной души. Издавна русская душа живёт и пребывает во многих веках или возрастах сразу. Не потому, что торжествует или возвышается над временем. Напротив, расплывается во временах. Несоизмеримые и одновременные душевные формации как-то совмещаются и срастаются между собой. Но сросток не есть синтез. *Именно синтез и не удался...* Дар “всемирной отзывчивости”, во всяком случае, роковой и двусмысленный дар. *Повышенная чувствительность и отзывчивость очень затрудняет творческое собирание души. В этих странствиях по временам и культурам всегда угрожает опасность не найти самого себя. Душа теряет, сама себя теряет*, в этих переживаниях исторических впечатлений и переживаний»².

² *Флоровский Г.* Пути русского богословия. IX. Разрывы и связи. — Paris : Умса-press, 1981. — С. 500.

И мы по-прежнему как бы над пропастью этого разрыва: на протяжении более трёх десятков лет мы остаёмся в глобальном плане протосубъектом, так и не обретя субъектности, ибо не смогли выдвинуть миру своего цивилизационного проекта. А всего то и надо **ведущему социокультурному слою показать свою цельность в словах и делах**, личным примером послужить делу возрождения национальной культуры во всём её спектре — от культуры правосознания (уважай граждан и законы своей страны), культуры рачительного хозяина (не воруй, береги народный рубль, а не уводи в офшоры), до широкого воспитания нации в традициях русского слова и мелодичности. Что мешает перенаправить миллиарды, отстёгиваемые обласканной государственным истеблишментом поспе, на возвращение живого русского поля мелодичности Чайковского и Рахманинова, словесности Достоевского и Толстого, тревожащих русское сердце рифм Пушкина и Есенина? Думаю, культурные русские люди согласятся со мною, чтобы в широком поле русской культуры продолжали ярко цвести и творения мировых гениев Шекспира и Вивальди, сказки Андерсена и вестерны Рида, Мэя; да и вальсы Штрауса пусть звучат в парках и торговых рядах городов и весей России взамен ныне звучащего низкопробного шума а-ля «ню-йоркская подворотня».

И, наконец, надо понять: **эпоха традиционных обществ ушла** под напором технологических укладов, которые меняются уже во второй или третий раз. Но ведь *человек остался прежним*, и душа его по-прежнему в поисках **гармонии**, которая как раз и обретается в традиционных образах высокой культуры, сформированных веками и тысячелетиями.

Да, господа, нужно лишь пробуждение творческого потенциала нации, политическая воля у штурвала национального «ледокола», способного разбить ледяные глыбы бессердечности, сковавшей Родину.

Будем просить у Бога разума и сил, чтобы наконец-то дело сдвинулось с мёртвой точки. А своей жизнью, поведением, даже одеждой будем *показывать личный пример гармонии*.

Литература

1. Бунин И.А. Окаянные дни. — М. : Дарь, 2013. — 272 с. — (Русская культура).

2. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. – М. : Русская книга, 1996. – 672 с.
3. Нордау М. Вырождение. Современные французы. – М. : Республика, 1995. – 400 с.
4. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке // Панарин А. С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2014. – С. 575–1233.
5. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Paris : Ymca-press, 1981. – 599 с.

Sharipov Alexander Mikhailovich,
Candidate of Historical Sciences,
member of the Russian Writers' Union,
co-chairman of the International Ilyinsky Committee,
Moscow

THE SOCIO-CULTURAL LAYER OF THE NATION IN THE CONTEXT OF A NEW GLOBAL TRANSITION: REALITIES AND REQUIREMENTS

Abstract. The importance of the leading socio-cultural layer in the development of a nation-civilization is revealed in history. Social cleansing can lead to a blurring of cultural and moral principles, to the degeneration and decline of civilization. The leading socio-cultural stratum needs vital integrity and the will to revive national culture in its entire spectrum – from the broad education of the nation in the traditions of national speech and melody, to legal and economic culture.

Keywords: *nation, civilization, culture, traditional values, socio-cultural layer of the nation.*

Толок Екатерина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры

«Гуманитарные дисциплины» Балаковского

инженерно-технологического института –

филиала федерального государственного автономного

образовательного учреждения высшего образования

«Национальный исследовательский ядерный университет

«МИФИ», г. Балаково

О ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье проанализированы основные понятия, раскрывающие проблематику формирования гражданских ценностей студенческой молодёжи современной России, приобретающую особую актуальность в условиях внешних политических вызовов и угроз. Автором обоснована роль вузовской гуманитарной подготовки в формировании гражданских ценностей студенчества, благодаря которым во многом зависят перспективы цивилизационного развития России, её успешное существование в качестве самобытной цивилизации.

Ключевые слова: *российская цивилизация, студенческая молодёжь, гуманитарное образование, гражданственность, гражданские ценности.*

Россию следует рассматривать как самобытную цивилизацию, находящуюся на стыке двух миров: Запада и Востока, представляющую собой совокупность типов и форм жизнедеятельности различных этносов её населяющих, объединённых единым жизненным пространством, историческим временем и устойчивыми социально-экономическими отношениями [1, с. 108]. При этом, как отмечал российский философ А. С. Панарин, российское государство основывается не на идее государства-нации, свойственной западной политической культуре с характерным для неё принципом доминирования одного этноса, а на идее «семьи народов», которая явилась гарантом поддержания устойчивого межэтнического синтеза. Именно такой синтез, обеспечиваемый государством, представляет одну из существенных особенностей

цивилизационного устройства, от которого Россия не может отойти, не утратив своего цивилизационного качества [3, с. 47].

В современных условиях внешних политических вызовов и угроз актуальной задачей российского государства является формирование и развитие у молодого поколения гражданских ценностей, призванных консолидировать российское общество и обеспечить национальную безопасность России.

Актуальность исследования проблемы формирования гражданских ценностей молодёжи обусловлена несколькими причинами. Переоценка ценностей в постсоветский период развития привела к деидеологизации и, соответственно, разрушению сложившейся системы гражданской социализации. Гражданственность в этот период времени строилась на противопоставлении всему советскому, на пропаганде западных ценностей индивидуализма, в результате чего были потеряны ценности, исторически закреплённые в отечественных традициях гражданственности. Новое поколение россиян выросло в условиях конфликтогенной ситуации: с одной стороны, отсутствие чётко сформулированных целей и идеалов общественного развития, с другой — плюрализация идеологического пространства и рост неконтролируемых потоков информационного воздействия. Ведущими формами социально-политического участия становятся дегражданственность и регражданственность. Современное российское общество стало заказчиком особого типа гражданина — молодого человека, принимающего идеалы демократии, уважающего личностные свободы и соблюдающего законы государства. Особым кластером молодёжной субъектности является студенческое сообщество — организованная и институционально сплочённая группа молодых людей, отличающаяся высоким уровнем образованности, способностью к мобильной адаптации к меняющимся внешним условиям и резко выраженным критическим отношением к окружающей действительности.

Значительный вклад в разработку проблемы формирования гражданских ценностей и гражданственности в целом внесли отечественные учёные Л. В. Банникова, В. В. Буткевич, А. Г. Голев, С. Н. Захарова, О. И. Ковалева, В. В. Мартынова, Н. А. Савотина, О. В. Толкачева, О. Ю. Иванова, Е. В. Соцкая и другие, трактующие понятие «гражданственность» как сложное качество личности, интегрирующее в себе общечеловеческие духовные ценности. На многоплановость понятия «гражданственность» указывают

и зарубежные исследователи. Например, французский ученый Ж. Лёка выделяет юридический, социальный, моральный и педагогический аспекты гражданственности, голландский учёный Р. Вельдуи — политический, юридический, социальный, культурный и экономический аспекты.

В системообразующее ядро гражданственности входят ценности свободы и ответственности, понимания и сотрудничества, справедливость, солидарность, сознательность, самостоятельность, готовность к диалогу и способность участвовать в нём, а также исконно русские духовные ценности: высокое чувство общественного долга, деятельная любовь к Отечеству, коллективизм, готовность к самопожертвованию во имя высших идеалов. Высшей гражданской ценностью является ценность свободы личности, поскольку именно свобода личности является тем основанием, на котором строится вся система гражданских ценностей, служащих своеобразным ориентиром для формирования демократической гражданской культуры.

Специфика гражданских ценностей, являющихся частью общечеловеческих ценностей, заключается в том, что они формируются сквозь призму отношений «гражданин — государство» и представляют социально значимые нормы, обеспечивающие конструктивное взаимодействие всех членов общества, независимо от их этнической, конфессиональной, партийной и др. принадлежности. Они служат своеобразным ориентиром в процессе формирования правового государства и демократического гражданского общества. Гражданские ценности становятся действенным инструментом в деле становления гражданского общества только тогда, когда они интериоризированы личностью, превращаются в систему его ценностных ориентаций и становятся частью её гражданского сознания и самосознания.

Масштабный вклад в формирование и развитие гражданских ценностей студенческой молодёжи вносят учреждения высшего образования, нацеленные на повышение качества социокультурной среды и упрочения согласия в обществе. В ходе обучения в вузах, находясь в общероссийском гражданском поликультурном контексте, включаясь в различные формы социальной активности, молодые люди осваивают модели поведения и позитивные социальные практики, имеющие выраженную гражданскую направленность.

Наиболее значимую роль в ценностно ориентированном образовательном пространстве играют предметы социально-гуманитарного цикла, выступающие в качестве посредника в процессе передачи универсальных культурных оснований сосуществования людей. Возможности социально-гуманитарных дисциплин позволяют не только сформировать у студентов систему знаний о высших духовных ценностях, сделать достоянием личности исторический опыт предшествующих поколений, раскрыть истинную ценность произведений литературы и искусства, но и разобраться в их духовном мире, раскрыть их внутренние способности.

Гуманитаризация образовательно-воспитательного процесса, реализующая функцию позитивной социализации-интеграции студенческой молодёжи в социально-активную деятельность, предполагает не приспособительски-формальное включение студентов в заданные условия вузовского континуума, а приобретение личностного опыта успешного коммуницирования и самоорганизации в социокультурном пространстве учебного, научного, общественно-политического и правоповеденческого творчества.

В современных реалиях организация образовательной и воспитательной работы в вузе с расширением возможностей гуманитарного ресурса представляется значимой с учётом предлагаемых направлений, которые позволят сформировать гражданские ценности студенческой молодёжи. Выделим некоторые из них, к которым проявляют интерес студенты и которые в качестве апробированных доказали свою целесообразность и действенность [2, с. 230]:

- для повышения уровня освоения универсальных, общекультурных и общепрофессиональных компетенций обучающихся при изучении социально-гуманитарных дисциплин необходимо практиковать диалоговый формат, моделируемый в рамках таких нетипичных форм занятий, как брифинг-семинар, диспут-коллоквиум, дискурс-беседы и открытые лекции студентов;
- формирование на основе интереса к общественно-гуманитарному знанию мотивации студентов к научно-исследовательской деятельности через участие в теоретико-практических конференциях, конкурсных и олимпиадных проектах с публикационным подтверждением результатов работы;

- организация тематических дискуссионных клубов с периодическим проведением расширенных заседаний по историко-культурной, социально-правовой и общественно-политической проблематике;
- привлечение студенческого актива к организации, подготовке и проведению гуманитарных акций по политико-правовой тематике различного уровня: мини-конференции, социологические опросы, тестирование, конкурсы исследовательских работ, интеллектуальные поединки и игры, дебаты, познавательные-просветительские викторины;
- расширение и укрепление межведомственного взаимодействия социально-гуманитарных кафедр и общественно-воспитательного сектора организаций высшего образования со структурами административной власти, депутатским корпусом, территориальной избирательной комиссией, правоохранительными органами и политической элитой по линии участия в совместной деятельности и мероприятиях, связанных с актуализацией интереса молодых людей к важнейшим проблемам отечественной государственности, гражданской активности учащейся молодёжи, повышения политической и правовой культуры.

Формируя у молодёжи мировоззренческие основания гражданского сознания в условиях построения правового государства, отмеченные направления гуманитаризации образовательно-воспитательной деятельности в вузе создают тем самым условия для личностной самореализации молодых людей как активных участников преобразований современного российского общества.

Перспективы цивилизационного развития России, её успешное существование в качестве самобытной цивилизации, на наш взгляд, во многом зависят от сформированных гражданских ценностей, ответственности и компетентности личности, которыми определяется степень готовности молодого поколения к достойным ответам на исторические вызовы современности.

Литература

1. *Викторов А. Ш.* Противостояние «пустого и полного мира» как кризис современной цивилизации // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : коллективная монография по материалам XVI Международных

- Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев ; науч. ред. А. В. Никандров. — М. : Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия) ; Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, 2019. — 472 с.
2. *Михайлова О. Н., Толок Е. С.* Гуманитарная подготовка в контексте совершенствования политико-правовой активности современной студенческой молодёжи // Современные технологии и автоматизация в технике, управлении и образовании : материалы III меж. науч.-практ. конф. (23 декабря 2020 г., Балаково). — Балаково : БИТИ НИЯУ МИФИ, 2021. — С. 226–232.
 3. *Панарин А. С.* Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). — М., 1994. — 262 с.

E. S. Tolok,

*Balakovo Institute of Engineering and Technology
of the National Research Nuclear University MEPHI
(Moscow Engineering Physics Institute),
Balakovo, Russia,
tolokk@mail.ru*

ON THE PROBLEM OF THE FORMATION OF CIVIC VALUES OF THE STUDENT YOUTH OF MODERN RUSSIA

Abstract. The article analyzes the basic concepts that reveal the problems of the formation of civic values of the student youth of modern Russia, which is becoming particularly relevant in the context of external political challenges and threats. The author substantiates the role of university humanitarian training in the formation of civic values of students, thanks to which the prospects for the civilizational development of Russia, its successful existence as an original civilization, largely depend.

Keywords: *Russian civilization, student youth, humanitarian education, citizenship, civic values.*

Научное издание

ТРАДИЦИЯ В РАЗВИТИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И НАШЕ ВРЕМЯ

Сборник материалов

Всероссийской научной онлайн-конференции с международным участием, организованной РИИИ и Институтом Наследия, прошедшей 17–18 ноября 2023 г. в рамках цикла

«Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе»

Составители: Ю. А. Закунов, А. Л. Казин

Научный редактор Ю. А. Закунов

Дизайн обложки: М. Ю. Маяков

Корректурa: И. А. Птицын

Компьютерная вёрстка: О. В. Клюшенкова

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
e-mail: info@heritage-institute.ru

Тираж 50 экз.

Отпечатано в АО «Т8 Издательские технологии».
109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5.

*Это и другие издания вы можете бесплатно скачать на сайте
Института Наследия — www.heritage-institute.ru, раздел «Издания»*